

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

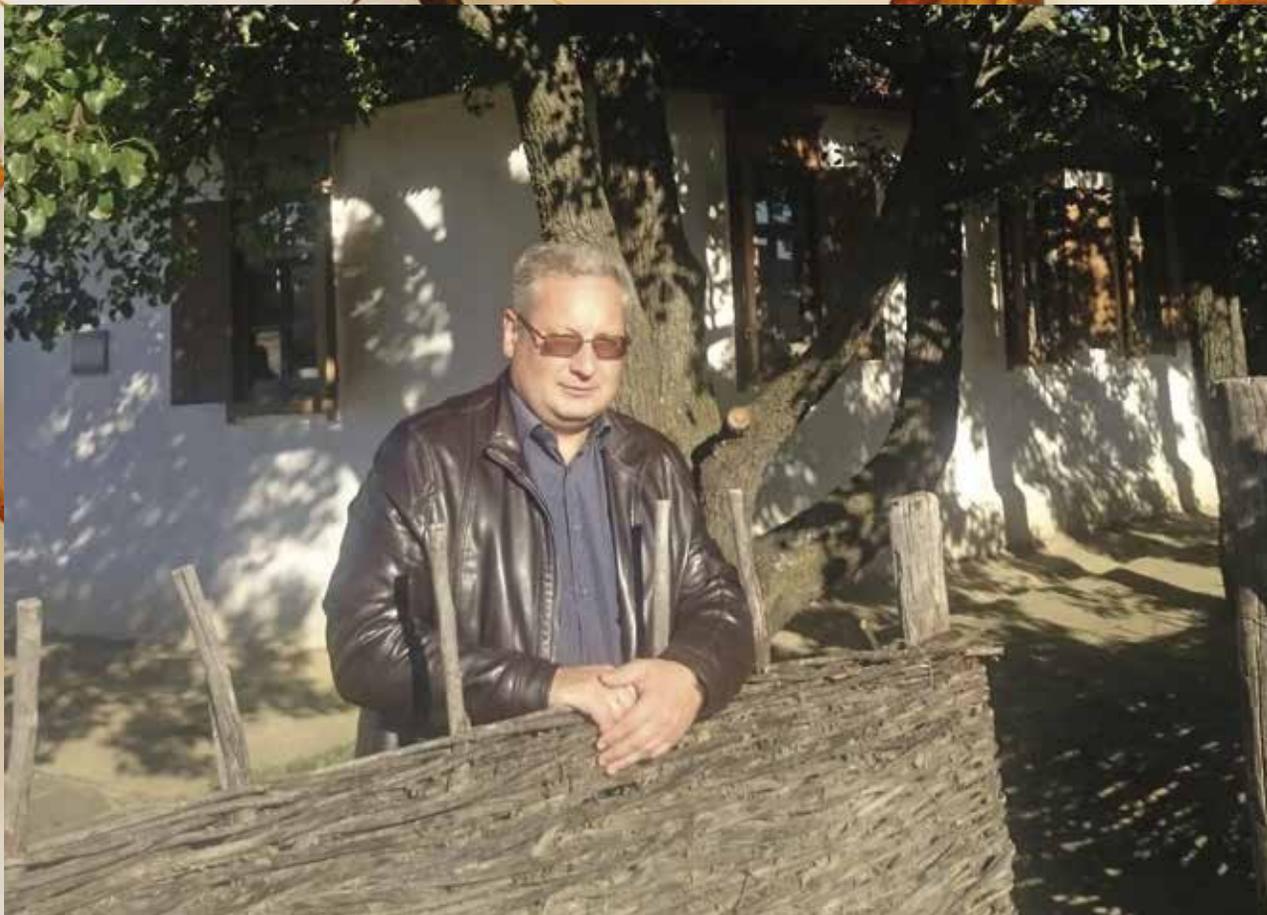
литературно-исторический журнал № 11 (50)

ноябрь, 2020

50

Содержание журнала для лиц
18+
старше
18 лет
Содержание журнала для лиц

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вашему вниманию представлен ноябрьский, «осенний» номер литературно-исторического журнала «Александръ».

Осень – это лирика, предметом отображения которой является внутренний мир писателя, его собственного «я», со своей загадочностью и грустью. Осенняя природа – романтика дождливых дней. Каждый русский поэт и писатель так или иначе затрагивает эту тематику в своих стихотворных и прозаических произведениях.

К прекрасной осенней поре обращались великие русские писатели: Есенин, Пушкин, Грибоедов, Чехов, Ломоносов, Толстой. Они описывали это романтическое время года исходя из своих мыслей, воспоминаний о ярких моментах.

И на сегодняшний день тема осени не потеряла своей актуальности, появляясь в драматических и любовных сценах в творчестве современных писателей. Образ осени в произведениях русских поэтов – мечтательная, одновременно драматическая картина. Поэты пишут о ней с особой ноткой тепла и любви, что можно наблюдать в стихотворениях авторов данного номера «Александра».

Задача, которую ставит перед собой редакция в «осеннем» «Александре», – показать творчество современных авторов, которые описали это время года, связав его со своими мыслями, воспоминаниями и чувствами. И мы уверены, что не разочаруем вас, уважаемые читатели, а некоторые произведения станут открытием.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Осень в литературе всегда ассоциируется с днём рождения Сергея Есенина, а в 2020 году это ещё и юбилей – 125 лет великому русскому гению! О его творчестве написаны сотни томов, защищены десятки диссертаций, и мы не будем здесь повторяться о значении творчества поэта для русской литературы. Это уже и так понятно и ясно всем. Мы просто спокойно и честно в очередной раз кладемся поэту в эти дни, а главное – перечитываем его произведения, тем самым сохраняя память о нём и оживляя его творчество в наших сердцах.

Для меня лично Есенин – это ворота в русскую литературу. Именно через его творчество можно начинать изучать литературу в любом возрасте. Сергей Александрович проведёт вас за руку к дому русской поэзии – Александру Пушкину, по пути показывая и подклет Кольцова, и избу Клюева, и библиотеку Некрасова, и даже сад Бунина... Наследие поэта велико, и задача состоит в том, чтобы сохранить его в истории и приумножить в веках. В связи с этим меня часто спрашивают: «А что, сегодня нет современных Есениных, Маяковских или Бунинных?» Я отвечаю: нет. Сегодня есть удивительные современные поэты и прозаики, как молодого поколения, так и старшего, которые как раз и являются продолжателями прославленных писателей и ничуть не хуже упомянутых авторов. Сегодня такой же расцвет русской литературы, как и в начале двадцатого века, а может, даже и ярче. Нравственное. Проблема только в том, что простому взгляду не видно этой душевной работы, которая происходит сейчас в народе. Ведь если мы посмотрим на географию ныне живущих прекрасных авторов, то получится так, что практически в каждом регионе живёт и работает удивительный поэт или прозаик. К сожалению, ни в СМИ, ни на телевидении, ни даже в интернете мы не увидим и не услышим голоса этих писателей в открытом доступе. Вернее, на виду.

Пора выходить из тени, в которую нас искусственно задвинули, и брать всё в свои руки – читателям больше интересоваться творчеством авторов, а авторам быть более активными на всех площадках, где только это возможно. От слаженных действий сейчас зависит будущее русской литературы. Ни больше и ни меньше. Миру нужно явить всю её мощь, которая, несомненно, сегодня присутствует на просторах нашей Родины. И я благодарен журналу «Александръ» за то, что он даёт возможность подсветить именно тех авторов, которые сохраняют и ведут эту линию настоящей традиционной отечественной литературы и культуры. Будем вместе духовно работать, дорогие читатели, над нашими чаяниями, а я рад вас поприветствовать на страницах очередного замечательного номера, который, я уверен, оставит радость в ваших сердцах от встречи с новыми открытиями в литературном мире.

Василий ПОПОВ,
поэт, секретарь Союза писателей России

СЛАВЯНСКИЙ ФОРУМ ИСКУССТВ
ЗОЛОТОЙ ПУТЬ

Журнал издан при финансовой поддержке администрации Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации.

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 11 (50), ноябрь 2020 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 2.11.2020 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ТЕМА НОМЕРА

- 6** Василий Попов.
Шумит моя Россия

КЛАССИКА

- 10** Николай Перяеслов.
Ничего главнее любви и поэзии

ЮБИЛЕЙ

- 17** Владислав Бусов.
«Божьей дудки» слышу грусть...

ПОБЕДЕ — 75

- 19** Зинаида Королёва.
Необычные фронтовые встречи
- 24** Виктор Усов.
Чужой век

ПОЭЗИЯ

- 31** Зинаида Королёва
- 33** Вениамин Побежимов.
Из осенней тетради
- 35** Валентина Останина.
Поэма о словаре

РУССКИЙ МИР

- 37** Александр Сурнин.
Исход

ЛИРИКА

- 45** Светлана Леонтьева.
Уйти не смогу...

ДОРОГИ ЖИЗНИ

- 48** Никита Брагин.
Возвращение

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 64** Олег Селедцов
- 65** Елена Заславская

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

- 68** Вадим Кулинченко.
Прошлое и настоящее

СУДЬБЫ

- 71** Валерий Румянцев.
Рядовой Воробьёв

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 74** Ирина Резник.
Уйти от суеты...

ДУХОВНЫЕ ЗЁРНА

- 76** Татьяна Никитина.
Икона Божией Матери
«Всех скорбящих Радость»

ЖИВИ, РОДНИК!

- 80** Николай Чербаев
Зинаида Пономарёва
- 81** Людмила Нефёдова
Клавдия Дробышева
- 82** Нина Сергиенко
- 83** Лариса Ямщикова
Елена Крюкова
- 84** Ирина Чанова
Надежда Скопинцева
- 85** Валентина Дунина

ДЕБЮТ

- 86** Наталья Баранова.
Осень твоих волос
- 88** Олег Наймушин
- 90** Арина Беззубцева

ДЕТЯМ

- 92** Игорь Шарохин.
Мышонок на ладони

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 94** Александр Сергеев.
Есенинский юбилей

* * *

Когда такая тьма вокруг,
 Когда повсюду зло и нечисть,
 Скажи, как выстоять, мой друг,
 Не уронив на землю свечи?

Когда ветрам дано схватить
 И бросить в бездну мир громадный,
 Скажи, мой друг, как сохранить
 Тот лепесток огня лампадный?

Ведь мы желаем всем добра,
 Мы всех давным-давно простили...
 Признайся, друг, что нам пора
 Ответить этой чёрной силе!

ШАШКА КАЗАЧЬЯ ТРИЛОГИЯ*

I

Песня есаула (век XIX)

На казачьем на пиру
 Все сидели молча.
 Белый снег пошёл к утру –
 Хлопковые клочья.

Атаман упал в бою,
 Слава атаману!
 Рюмку водки разобью,
 Больше пить не стану.

За победу за твою,
 За любовь к атакам.
 Лучше горькую спою,
 Чтобы не заплакать.

Перед смертью он сказал:
 «Родину храните! –
 Крест нательный целовал, –
 В путь благословите».

И ещё он произнёс
 Еле-еле слышно:
 «Я жене подарок вёз,
 Подарить не вышло...»

Мы приехали во двор,
 Постучали громко.
 Вышла к нам на разговор
 Женщина с ребёнком.

Ничего я не сказал,
 Стоя со слезами.
 Только шашку передал
 Да платок с цветами.

II

Правнук (век XX)

Старинная шашка висит на стене
 С портретом отважного воина.
 Сидит он, как ястреб, на белом коне
 И в лица нам смотрит спокойно.

А рядом мальчишка играет в войну:
 На палочке скачет по кругу,
 И над головой он занёс на луну
 С невидимой сабелькой руку.

– Постой-ка, внучок, я тебе разведу
 Костёр своей памяти давней,
 Ты видишь на небе вот эту звезду?
 Когда-то была она камнем.

Она загорелась, когда генерал,
 Твой прадед, по Божеской воле,
 Был пулей сражён, но с коня не упал
 И шашку не выронил в поле.

Пылали закаты и годы в огне,
 И кровь проливалась без меры.
 Теперь эта шашка у нас на стене
 Как символ победы и веры.

Бери её смело, храни и держай.
 И будь, я прошу, осторожней.
 Но помни: без дела не вынимай,
 Без славы не вкладывай в ножны.

* Трилогия посвящена атаману ЦКВ казачьему генералу
 Ивану Кузьмичу Миронову

III МЫ (XXI ВЕК)

Мы помним победы лихие,
Ведём поражениям счёт.
Казак – это воля стихии,
Казак – это долг и почёт.

И наше оружие – слово,
И наше оружие – свет.
А если потребуют снова –
За нами пойдёт даже снег.

Сегодня мы в танках воскресли
И на самолётах летим –
Мы этих лошадок железных
В живых лошадей превратим!

Мы делимся с братьями хлебом,
Мы новую жизнь обрели.
А завтра мы в звёздное небо
Отправим свои корабли.

Мы первыми были на юге,
Мы первыми шли на восток.
Мы самые смелые люди,
Мы в горле у чёрта комок.

И шашки всегда с нами рядом,
Традициям предков верны.
Мы воины Божьего града –
Великой державы сыны!

* * *

Тишину разорвали собаки в окне,
Мы приткнули носы к окошку.
Кто-то приехал верхом на коне,
Хлещет копытами лошадь.
Боком идёт, сверкает, храпит,
Не хочет стоять на месте.
Голова запрокинута, рот открыт,
Землю ногами крестит.
Что-то случилось, рыдает ночь,
Тенью стоим на пороге.
«Люди, поехали, надо помочь!
Всё расскажу по дороге».

* * *

Вот и первые листья
Распустились на ветках.
Деревянная пристань,
Рыболовная сетка.

Лёгкий ветер колышет
Камыши над водою.
Утром озеро дышит
Синевой ледяною.

Сколько помнит народу
Эту старую сопку,
Мы спускаем на воду
Почерневшую лодку.

И, воды не касаясь,
Как на небо взмываем,
Словно птица лесная,
Мы в туман уплываем.

* * *

Где сверчок заводит песни
В темноте глубин,
Мы на лавочке все вместе
Перед сном сидим.

Жук откуда-то бордовый
Возле нас упал.
Добежит пешком до дому,
Видимо, устал.

День был жарким и тяжёлым,
Всё дела, дела.
В кружке спелый нам крыжовник
Мама принесла.

Ах, какой он всё же вкусный,
Жаль, что мал стакан.
Я представил, что арбузы
Ем, как великан.

Что мне горы подо мною,
 Что вода в реке.
 Поскакал я за звездою
 На гнедом коне...

Вдруг очнулся, испугался –
 Голос со двора:
 «Ты чего там разыгрался?
 Спать идти пора!»

* * *

А снегу, снегу намело
 До самых окон.
 В избе просторно и тепло,
 И кот под боком.

На печке варезки лежат,
 Унты и шапка.
 По потолку, огнём дрожа,
 Бежит лошадка.

А где-то в небе далеко
 Луна, как перстень.
 А в доме пахнет молоком
 И мокрой шерстью.

Мороз наплавил на стекло
 Свои узоры.
 И всё беседы за столом
 Да разговоры.

Зима лютует, точит меч,
 Куёт доспехи.
 И щёлкает старуха-печь
 Во рту орехи.

* * *

Даль, дорога, динь-динь-динь,
 Колокольчик аленький.
 Едет к девушке один
 Молодой да бравенький.

Под санями снег хрустит,
 Серебро да золото.
 Ветер по полю свистит,
 А ему не холодно.

Держит вожжи на весу,
 Сам стоит, качается.
 Каждой ёлочке в лесу
 Снежно улыбается.

Если звёздочкой серьга
 Подмигнула вечером,
 Что мороз нам, что пурга –
 Платье подвенечное.

Скоро, скоро зазвенит
 Ручеёк по камешкам
 И весна заговорит,
 Снимет свои варезки.

Едет парень холостой,
 Щёки мармеладные.
 Пар у лошади густой
 Расцветает яблоней.

НИЧЕГО ГЛАВНЕЕ ЛЮБВИ И ПОЭЗИИ

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ЖИЗНИ ГЕОРГИЯ ШЕНГЕЛИ

...Это был удивительный человек, который ходил по Одессе босиком, в удлинённом сюртуке, обрезанных до колен брюках, носил чёрное шерстяное одеяло вместо плаща, твёрдый пробковый шлем вместо шляпы и мечтал поселиться и жить в помещении на верху башни маяка. Он писал чудесные стихи в классическом стиле, большие замечательные поэмы, уникальные стиховедческие работы и делал невероятное количество прекрасных поэтических переводов. Когда он окунался в создаваемую им пушкиниану, то отращивал огромные пушкинские бакенбарды; когда переводил байроновского «Дон Жуана», то носил старомодный, просторный, шумящий складками плащ и отпускал длинные волосы; а когда погружался в переводы Виктора Гюго, то отращивал себе большую бороду, превращаясь уже во французского знаменитейшего поэта, и тогда в его доме велись долгие беседы в стиле начала девятнадцатого века, при этом поплотнее зашторивали окна и закрывали тёмными гардинами двери, жгли вечерами свечи в серебряных старых подсвечниках и звучала заграничная чистая речь.

Так он вживался в мир изучаемых и переводимых им поэтов.

В 1920–1930-е годы он был в высшей степени известен читающей публике нашей страны и даже занимал в течение нескольких лет пост председателя Всероссийского союза поэтов! При этом он был необыкновенно продуктивен: при его жизни вышло семнадцать книг стихов, а также 140 000 строк переводов Байрона, Верхарна, Гейне, Гюго, Эредиа, Бодлера, Леконта де

Лиля, Горация, Хайяма и других зарубежных и национальных авторов...

* * *

Георгий Аркадьевич Шенгели родился 20 апреля (по новому стилю – 2 мая) 1894 года в городке Темрюк, расположенном в Краснодарском крае, в самом устье реки Кубани, впадающей в Азовское море. Его отец, Аркадий Александрович Шенгели (1853–1902), был известным в Темрюке адвокатом, мать – Анна Андреевна Шенгели, урождённая Дыбская (1862–1900). В первых детских впечатлениях Георгия остались пейзажи с берегов Кубани, Азовское побережье, лиманы и, конечно же, морские волны, в которых вечно играют спящие глаза солнечных блики. Казалось, детство начинается благополучно и безоблачно.

Шенгели долго обитал в этом южном городе над проливом, соединившим Чёрное море с Азовом, и Керчь с этой поры стала любовью поэта на всю его жизнь, именуясь в стихах не иначе, как «мой город», «любимый город», который ещё не однажды оживёт и откликнется в его поэтических строках.

В Керчи он впервые увидел море, а также поразившие его своим поэтическим видом корабли. Золотые годы детства и юности, проведённые им в Керчи, около моря, – это самое счастливое время в его жизни. Память об этих днях, омытых ветром и солнцем, поэт проносит через все последующие годы. И даже на

старости своих лет, возвращаясь мысленно к любимым берегам, он напишет строки о белом домике в Еникале, стоящем над самыми водами Киммерийского Босфора, который он никогда не забывал и хранил в своём сердце как образ земного рая:

*Где-нибудь – белый на белой скале –
Крохотный домик в Еникале...
Город в две улицы узким балконом
Выпятился над проливом зелёным;
Степь с трёх сторон, а с четвёртой – простор:
Ветер и зыбь, Киммерийский Босфор...*

Годы Георгия Шенгели наполнены яркими событиями его внутренней творческой жизни. И этому творческому богатству, отмеченному неповторимостью личностной духовной силы, ещё только предстоит стать по достоинству оценённым его наследниками – читателями русской поэзии.

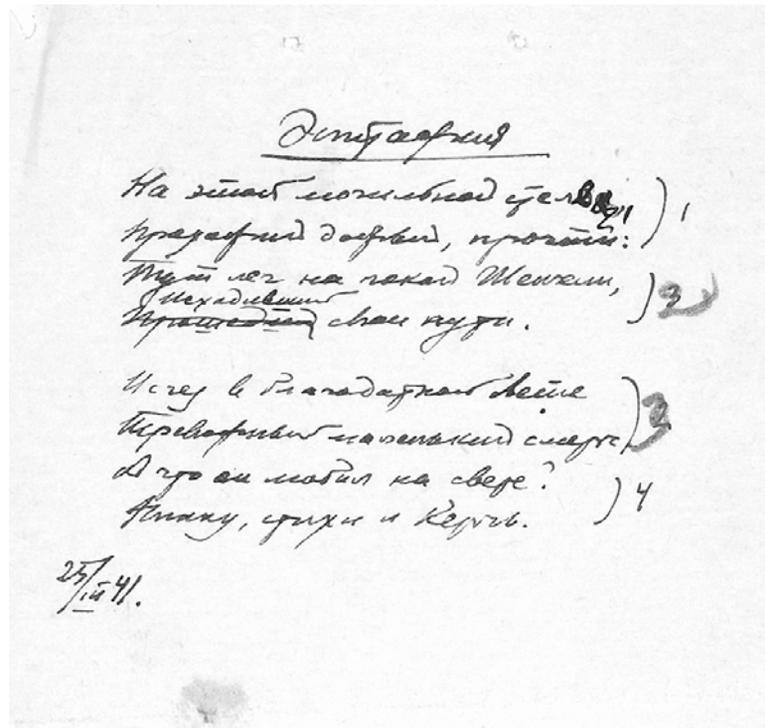
В 1910 году Георгий съездил к своему дяде в Харьков. А в 1911 году побывал у другого дяди, Александра Андреевича, в Одессе, где, как он записал в своём дневнике, у него была «первая женщина».

В 1912 году он влюбился в Паню Грипенко и начал писать стихи, а также серьёзно заинтересовался стиховедением. Он обратил внимание на то, что «ямб Пушкина не совпадает с определением ямба в школьном учебнике», и это подтолкнуло его к «систематическим наблюдениям над фактурой стиха у больших поэтов», а также к чтению стиховедческой литературы. Таким образом, поэтическая и стиховедческая работы начались, в сущности, одновременно и продолжались до самых последних месяцев его жизни, взаимно обогащаясь, когда одно вырастало из другого.

Летом 1914 года Шенгели поступил на юридический факультет Московского университета; несколько месяцев жил в Москве, гостил на даче у Давида Бурлюка на хуторе под столицей. На московских бульварах несколько раз встречался с Маяковским – но «отношения не налаживались», встречи неизменно кончались

Шенгели в шлеме

Рукописный текст Шенгели

обоюдной пикировкой. Да и сама московская жизнь на этот раз не задалась. Поэтому поздней осенью этого года Георгий перевёлся «по прошению» из Московского университета в Харьковский, где служил брат его рано умершей матери, его дядя – профессор химии Владимир Андреевич Дыбский, чья дочь Юлия вскоре станет первой женой Георгия. Эта молодая

красивая женщина с грустным бледным лицом и удивительными зелёными глазами была одновременно и его жена, и двоюродная сестра. Да ещё и служила корректором.

Следует отметить, что между 1914 и 1916 годами Георгий ходил свататься к Евгении Добровой, однако получил от неё отказ, и летом 1916 года Евгения уехала на учёбу в столицу. Но затопившая в следующем году страну революция заставила её бросить курсы и уехать в деревню, откуда она только через несколько лет перебралась в Севастополь, где вышла замуж за военного врача.

В 1916–1917 годах Шенгели был приглашён Игорем Северяниным в турне по городам России, Украины и Кавказа с предложением читать в каждом городе о нём доклады, а также читать свои собственные стихи. Предложенная Северяниным поездка длилась в течение всего 1916 и первой половины 1917 годов, в неё входили города Петроград, Москва, Одесса, Кутаис, Тифлис, Баку, Армавир, Екатеринодар, Новороссийск, Ростов, Таганрог, Харьков, Батуми... Проходивший в каждом из этих городов поэзоконцерт открывался докладом Шенгели о творчестве Северянина – «Поэт вселенчества», после чего ещё читался доклад о каком-нибудь интересном зарубежном поэте вроде Верхарна, затем выступал кто-то из артистов, а в завершение вечера читал свои поэмы сам Игорь Северянин.

В 1918 году Георгий успешно окончил университет, обретя диплом юриста, а в мае 1919-го был командирован из Харькова в Севастополь в качестве «комиссара искусств республики Таврида». Познакомившаяся с ним в то время Мария Заславская так описывала его в своих воспоминаниях: «Высокая и стройная фигура гармонировала с милым, выразительным лицом, смотревшим весело и приветливо, горящими тёмными глазами, ясной улыбкой на ярких пунцовых губах.

Он просит секретаря срочно собрать коллектив отдела искусств. На собраниях в те времена присутствовали все сотрудники от технических, кончая комиссарами.

Георгий Аркадиевич выслушивал внимательно и уважительно всех, подчёркивая всем своим поведением, что ему важно мнение каждого сотрудника. Уборщицу он выслушивал с не меньшим вниманием, чем специалистов. На его заседаниях обычно присутствовали все. Отсутствующих не бывало...

Жизнь кипит! Георгий Аркадьевич постоянно с массажи, вызывает общую симпатию, расположение и стремление ему помогать.

И вдруг надо спешно уходить!»

Большевики покинули Крым. После эвакуации их из Крыма Шенгели вынужден был скрываться от белогвардейцев и с выданным севастопольской парторганизацией фальшивым паспортом пробрался сначала в Керчь, а осенью оттуда – в Одессу, где прожил почти два года. Достать для Шенгели паспорт поручил большевик «тов. Иванов», а передавала его Заславская, договорившись о встрече на Приморском бульваре.

Раздобыть паспорт помог Заславской левый эсер Иван Гапонов, сестра которого работала паспортисткой в милиции и перед уходом оттуда захватила с собой пять чистых паспортов. Заславская взяла у Гапонова два паспорта, чтобы передать их Шенгели.

«Приморский бульвар при спуске к морю имел три этажа. Из одной боковой аллеи, получившей название "аллея вздохов", шёл под мостиком спуск ко второй – широкой круглой площадке. Аллея вздохов – место свиданий. Вечером и ночью по ней бродят влюблённые.

Утро пасмурное и предвещало серый туманный день.

Нервно хожу по аллее.

– Неужели не придёт? Всё пропадёт впустую... Становится досадно. Самое трудное было достать паспорт. Как хотелось выполнить задание! Не скрою, приятно и свидание с Шенгели, хоть и на деловой почве.

Делаю не меньше десяти туров, как вдруг кто-то сзади меня осторожно обнял... Быстро оборачиваюсь и очутилась в его объятиях. Он! Протягиваю руку в направлении кармана его бархатной куртки, но не достаю. Он весело засмеялся, взял у меня пачку с паспортами. Сели

на стоявшую рядом скамейку. Прислоняюсь к нему с нежностью любящей, тихонько посвящая его в историю обоих паспортов. Он тут же возвращает мне паспорт Гапонова.

Ничто в его поведении не намекает на смертельную опасность, грозившую ему, если бы нас накрыли. Мой вид, молодой девушки, маленькой и хрупкой, вполне удовлетворял требованию к объекту любовного свидания и не мог вызвать никакого сомнения.

Он вынимает из бокового кармана свою книжечку «Два «Памятника»» (Пушкина и Брюсова) и дарит мне. Надпись он сделал ещё дома. Осторожно обнимает меня, почти не касаясь, чтобы не оскорбить моей девичьей скромности, в меру, необходимую для наблюдателя. Полагая, что наше свидание было уже достаточной длительности, чтобы убедить в его любовности, мы наконец поднялись, вместе дошли до ворот бульвара и разошлись в разные стороны.

Лишь спустя тридцать лет мы встретились...

С января 1920 по август 1921 года Шенгели является главным редактором одесского «Губиздата». В 1920 году здесь вышли «Избранные сонеты» Эредиа в его переводе и второе издание его «Еврейских поэм». А в 1921-м были напечатаны его драматическая поэма «1871 год» и сборник стихотворений «Изразец». Ещё в 1919 году в Одессе им были опубликованы отдельными изданиями драматическая поэма «Нечаев» и большая теоретическая работа «Трактат о русском стихе. Органическая метрика». Основная часть этого «Трактата» была наработана Шенгели ещё в Харькове, так же как и переводы из Эредиа. Здесь же, в Одессе, в 1920 году было положено начало циклу сонетов Шенгели, которые занимают особое место в его творчестве, заслуживая наименование «постгойевских», близких к фантазмагории. Эти стихи – воплощённые в безупречную классическую форму страшные картины гражданской войны, кровавой междоусобицы, безжалостной бойни, очевидцем которой пришлось быть Шенгели в 1918–1921 годах в Харькове и Керчи, в Севастополе и Одессе.

Так получилось, что летом 1924 года переехавший из Одессы в Москву Георгий Аркадьевич Шенгели развёлся со своей первой женой-красавицей Юлией Дыбской. Восемь предыдущих лет пролетели для него как в тумане – то ли была у него семья, то ли её не было, а скорее всего, она напоминала ему только иллюзию. Вспомним: в 1914 году он на Юлии женился. Весну, а также вторую половину 1916 года и первую половину 1917-го он «прокатался» с Игорем Северяниным по югу России и Кавказу, заезжал в Москву и Петроград, снова ехал в южные регионы страны. В перерывах отдыхал у Северянина на его даче в Гатчине, где тот старался привлечь его к рыбной ловле. Затем с 1919 и до августа 1921 года Георгий находился сначала в Севастополе, а потом в Одессе, где он скрывался под фальшивым паспортом от белогвардейской разведки и одновременно занимался литературой... Где находилась Юлия в эти наполненные бродяжничеством мужа дни – никому не известно, но создаётся впечатление, что жизнь каждого из этих молодых супругов текла исключительно своим индивидуальным чередом...

16 июня 1924 года Шенгели сообщал письмом в Ленинград поэтессе Марии Шкапской: «С Юлей мы разошлись... Я убедился с полной отчётливостью, что Юля мои интересы, мой труд, моё здоровье с легчайшим сердцем приносит в жертву своим подругам и, дабы провести с ними время в Коктебеле, хладнокровно создаёт такую денежную обстановку, при которой мой отдых (и не от работы, а от Москвы, от дрязг, от тягот), совершенно необходимый мне, – готов полететь к чёрту. Я не буду детализировать перед Вами всю эту грязь, ложь, шептанье и пр. Эту мою убеждённость я высказал Юле 10-го числа: произошла дикая сцена, в результате которой у меня прокушена рука (вот, пожалуй, «новое»), и я ушёл... Свободен. Тяжёлый опыт, занявший 9 лет в моей жизни, а отнявший, наоборот, 20. Баста».

С момента женитьбы Георгия на Манухиной его жизнь начала «становиться на рельсы» – напишет он позже скупым телеграфным стилем на страницах своей «Автобиографии».

И это произошедшее с ним «становление на рельсы» не в последнюю очередь случится благодаря его фантастической встрече с красавицей Ниной в Москве...

Нина Леонтьевна Манухина (в девичестве – Лукина) происходила из офицерской семьи. Поэтесса. Родилась в 1893 году на Украине, в городе Елисаветграде, и в самом раннем детстве вместе со своими родителями переехала оттуда в Москву. Училась в I Московской женской гимназии; одно из гимназических сочинений Нины было перепечатано в «толстом» журнале – отсюда можно считать её литературную деятельность.

Детство и юность Нины прошли в бедности, но всё же она смогла окончить институт. После смерти отца, отличавшегося строгими правилами, мать вторично вышла замуж, а вскоре вышла замуж и сама Нина Леонтьевна. Выращенная в семье принцессой, уверенная в себе, знающая цену своей эффектной привлекательности, уму и образованности, она с детства привыкла к себе как некоей высокой общепризнанной ценности.

Первым её мужем был московский преуспевающий врач Сергей Манухин – человек высококультурный, богатый и безумно её любивший. Она навсегда оставила за собой его фамилию как литературное имя, хотя любви к нему не разделяла и, по её откровенному признанию, вышла замуж только для того, чтобы вырваться наконец из обстановки опостылевшей бедности.

Её свадьба – это сладкий медовый месяц, прошедший на юге Франции и в Монте-Карло. А потом она долго лечила свои слабые лёгкие в швейцарском санатории в Давосе. Ну, а там, как-то само собой, оказался рядом с ней некий красавец-француз граф Андре Фонтен. И соответственно – завязалась любовь, и был великолепный Париж, концерты Дягилева... Лёгкие останутся слабыми на всю жизнь, но Давоса в её судьбе больше не будет, он только мелькнёт ещё один раз лет тридцать пять спустя в стихах, словно впервые увиденный из окна вагона.

Романтика любви Манухиной расшибётся вскоре о жестокий реализм Первой мировой войны. Граф на собственном аэроплане (как во времена Второй мировой войны Антуан де Сент-Экзюпери) отправится воевать и будет смертельно ранен. В революционно-обезумевшей Москве непостижимым образом найдёт Нину телеграмма от матери Андре, зовущая её срочно приехать, чтобы застать в живых её умирающего сына. Но о поездке в это время уже не могло быть и речи...

В 1918 году Нине Манухиной было двадцать пять лет. Единственный сборник её стихов, называющийся «Не то...», вышел в 1920 году в небольшом городке Тверской области Кашине, расположенном к северу от Москвы, где в ту пору семья спасалась от голода. В 1920-е годы она была участницей «Никитинских субботников», печаталась в альманахах и часто выступала на модных тогда «вечерах поэтесс», где представляли своё творчество пишущие девицы всех направлений. Среди них мелькала и русская поэтесса-беспредметница Нина Хабиас (Оболенская), родившаяся в Москве в семье полковника П. Д. Комарова, брата писательницы Ольги Форш и троюродного брата Павла Флоренского. В сентябре 1921 года её выступлением в кафе «Домино» был шокирован простодушный поэт и журналист Тарас Григорьевич Мачтет, записавший об этом мероприятии: «Хабиас, новая поэтесса, читает свои похабные, барковские стихи с эстрады... Шум, гром, крики... милицию даже вводили».

В марте 1922 года Хабиас выпустила неподцензурный сборник стихов под названием «Стихетты», на обложке которого был изображён фаллос. А 15 февраля 1922 года «литературный суд» приговорил её к полугодовому лишению звания члена Всероссийского союза поэтов.

На одном из поэтических вечеров матросы даже собрались идти «убивать» Нину Хабиас за её грубые матерные стихи, и тогда на сцену «для успокоения» разбушевавшейся публики выпустили Нину Манухину с её искренними чистыми стихотворениями. И прочитанное ею с эстрады утихомирило разгорячённую аудито-

рию, словно в зал плеснуло дуновением свежего морского бриза: «Лёгкой яхтой белогрудой / Дни втекают в вечера, / Я была твоей причудой, / Не сегодня, а вчера. / Покоряться было сладко / Нежной боли и тоске / И расстегивать перчатку, / Чтoб прижался ты к руке...»

В 1920-е годы Нина Леонтьевна Манухина не раз участвовала в различных поэтических конкурсах с Сергеем Есениным, встречалась с ним в Москве после его переезда из Петрограда. В 1918 году Есенин записал в альбом Нине своё стихотворение «Вот оно, глупое счастье...». А 14 февраля 1919 года в известном кафе поэтов «Стойло Пегаса» Сергей присутствовал на литературном вечере «Карнавал на эстраде» с участием Т. Мачтета, Л. Красина, Н. Ольховской и Н. Манухиной.

9 сентября 1924 года Нина Леонтьевна вышла замуж за Георгия Шенгели. Начало её романа с ним носило, если можно так выразиться, вполне «романтический» характер. Однажды она в серой амазонке ехала верхом вдвоём со своим братом где-то на окраине Москвы, и внезапно её взгляд упал на какого-то красивого брюнета в очках, который стоял при дороге и не сводил с неё восторженных глаз. Судьбе было угодно, чтобы вскоре она снова встретилась с этим брюнетом на каком-то московском литературном вечере и была ему там представлена. С первых же слов поэт Шенгели (а это был, разумеется, он) спросил, не её ли он встретил там-то и тогда-то, когда она в серой амазонке каталась верхом с каким-то... молодым человеком. «Да, это был мой брат», – подтвердила она. И после этой встречи поэт и поэтесса страстно влюбились друг в друга, и Нина поняла, что без Георгия она жить уже не сможет.

Но как бросить мужа, дочь Ирину? Как расстаться с обеспеченным положением супруги хорошо зарабатывавшего врача? Ведь у поэта Шенгели, ещё недавно разгуливавшего по Одессе босиком, не было и гроша за душой!

Сознание выпавшей им на долю трудности и невозможности найти реальный выход довело

*Нина Манухина, поэтесса, жена
Г. Шенгели. Худ. – Вильгельм Левик*

обоих любовников до того, что Нина пыталась отравиться вероналом, а Георгий – повеситься на каком-то верёвочном обрывке. Но наконец Нина не выдержала и, бросив всё, бежала в убогую каморку Георгия, почти вся обстановка которой состояла тогда из трёхногого стула.

Однако вскоре в доме супругов обстановка значительно улучшилась, и в нём начал бывать весь цвет столичной художественной интеллигенции – ведь с 1925 года Георгий Шенгели стал председателем Всероссийского союза поэтов! В это время Манухина периодически публиковала свои новые стихи в изданиях этого союза, регулярно посещала поэтические вечера и выступала на них со своими произведениями, но на самостоятельное «литературное имя» как будто не претендовала, хотя братья и сёстры по перу дарили ей свои книги не просто как «жене Шенгели», а как равнозначной им коллеге по литературе.

Судя по всему, Георгий Аркадьевич испытывал постоянное плотское влечение, из-за чего он то и дело изменял своей любимой и легко вступал в связи с другими женщинами. Так, например, ленинградский поэт, прозаик и собиратель материалов об Анне Ахматовой и Николае Гумилёве Павел Николаевич Лукницкий 13 марта 1926 года написал:

«...Приехавшая из Москвы любовница Шенгели – Р. Я. Рабинович – говорила со мной по телефону и рассказывала о Шенгели и о визите к нему А<нны> А<ндреевны> (о котором она знает со слов Г. А. Шенгели). Говорит, что девицы, через строй которых прошла А<нна> А<ндреевна> (имеется в виду общежитие, через которое необходимо пройти, чтоб попасть в комнату Шенгели. – Н. П.), так были поражены, увидев её идущей к Шенгели, что после её визита круто переменили своё отношение к нему – из скептического и несколько недоброжелательного оно стало восторженным и почтительным...»

По-видимому, это мимоходом отмеченное Лукницким наличие у Георгия любовницы было настолько естественным, что это говорило о данном факте как о давно уже привычном для него, что подтверждается даже самим его творчеством. В 1932 году Георгий Шенгели написал стихотворение «Дон-Хуан», которое было посвящено сопутствующим ему по жизни с ранней молодости женщинам: «На серебряных цезурах, / На цезурах золотых / Я вам пел о нежных дурах, / О любовницах моих...»

О том, что Георгий не был воздержанным скромником, говорила через пять лет после его смерти своей подруге Евгении Пузановой и сама Нина Манухина: «Несмотря на многочисленные романы свои, не мог без меня жить и ревновал меня из-за всякого пустяка». Хотя сам он, как признался тогда одному своему другу, совершил в то время несколько измен совсем не «по любви», а просто так, «по дороге». «Мне надо было прийти к Нине и покаяться», – сказал он

потом этому другу, но сделать этого почему-то не сумел и в течение двух лет «чувствовал себя в каком-то капкане». «От этих двух лет у меня осталось позорнейшее ощущение двоедушия и слабости».

Но перебороть в себе эту постоянно жившую в нём тягу к физической близости Георгий не смог, дошло уже до того, как говорил он, что он собирался уйти от Нины. В ноябре 1927 года он получил от неё в Симферополе письмо, в котором она сообщала, что «ей стали известны мои прогулки с М. И. и что у неё самой тоже есть флирт. Мне пришлось тут же срочно съездить в Москву, чтобы удержать Нину от падения и сохранить её для себя...»

К окончанию своей жизни (Георгий умер 15 ноября 1956 года) он обрёл спокойствие, перестал грешить, почти перестал писать стихи и начал мечтать о тихой жизни у моря. «Ты снилась мне сегодня, мы устраивали наш домик где-то на юге, – писал он жене во время войны. – Эх, эх, когда это будет? До судорог хочется юга, моря, мира, тишины, тебя... Устал я до чёртиков. И мало надежды прожить хотя бы последние годы достойно в тишине... И всё-таки, Нинка, уедем к тёплому морю. Буду работать хоть учителем, лишь бы хлеб был... Отпущу себе бороду и буду "пользоваться уважением сограждан" где-нибудь в Феодосии или в Алуште. И будем есть пилав из мидий».

20 мая 1959 года она написала стихотворение для своего любимого Георгия, заканчивающееся строчками:

*...Ты мудрым «там», наверно, стал,
Я «здесь» – ничтожной и земною...
Но если бы ты только знал,
Как страшно мне не быть с тобою!*

Хочется верить, что он услышал это стихотворение даже на небесах. Ведь для него не было ничего главнее любви и поэзии...

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

К 125-летию со дня рождения
Сергея Есенина

«Божьей дудки»
слышу грусть...

Владислав БУСОВ

ПРИКОСНОВЕНИЕ

«Несказанное, синее, нежное...» –
Я держу поэтический клад,
А поля нынче зеленью свежую,
Как и прежде, мой радуют взгляд.

След поэта в трагической точке,
След поэта в приокских лугах,
В каждой памятной образной строчке
И в привольных весенних полях.

Проскакать бы за ним мне вдогонку,
Так, как он «гулкой ранью» скакал,
И увидеть того жеребёнка,
О котором в стихах написал.

Посмотреть бы с холма на излучину
Той реки, у которой он рос,
Чтоб в душе отозвался созвучием
Тихий шелест рязанских берёз.

* * *

Гой ты, Русь, моя родная...
Сергей Есенин

Я сегодня встану рано,
Чтоб увидеть ширь полей.
Солнце мне блинов румяных
Испечёт погорячей.

В небе жаворонок вьётся
С песней звонкою своей.
Славно так ему поётся,
От неё в душе светлей.

Я сегодня утром рано
«Божьей дудки» слышу грусть.
Так поэт золотоглавый
Воспевал родную Русь.

* * *

Эта улица мне знакома,
И знаком этот низенький дом.
Сергей Есенин

Найти слова мне осени печальной
О времени багряно-золотом,
И чтоб звучало это не банально
И озаряло тихим светом дом.
Тот дом родной родительский поэта,
Что по сей день живёт в его стихах,
Не потому ли перевозданным светом
Горят костры в рябиновых садах...

* * *

*О, Русь, взмахни крылами!
Поставь иную крепь!*

Сергей Есенин

Во все года бывшие
Поэта глас в России
Звучал, как камертон,
Звал к обновленью он.
Кольцов в «золотой ряднине»
И Клюев, как и ныне,
«Средний брат» он с ним,
Деревне пели гимн.
Шёл вместе с ними в ногу,
Молясь в дороге Богу,
Есенин, воспевая
Родную Русь, и рая
Ему взамен не надо.
Поэту как награда
«Воспрянувшая» Русь.
С ним тоже помолюсь:
Как прежде, в небе синем
Лети, страна Россия!
Все помыслы о том –
Будь сильная крылом!

ЕСЕНИНСКАЯ СТРОФА

Выткнулся на озере алый свет зари...

Сергей Есенин

Выдался по-летнему тёплый майский день.
Средь берёзок трепетных птиц вёселых звень.

Небеса лазурные не омрачены
И лучами-струями светят с вышины.

Буйный цвет черёмухи – от неё дурман.
Яркими, как сполохи, грёзами я пьян.

Пронесётся с ветрами дивный месяц май,
Отзвенит приветами и покинет край.

Юность не воротится, сколько ни проси.
Колокол на звоннице зазвучит в выси.

В жизни так устроено – прорастёт зерно.
Каждому отмерено то, что суждено.

ОБРАЩЕНИЕ

В честь святого Радонежского Сергеем
Вас назвали, тёзкой Вашим был и мой отец.
Жили вы в Москве в одно и то же время –
Время новому начало, старому – конец.

Говорил отец мне, по Первопрестольной
Нехороший будто слух ходил тогда о Вас,
Слух, что в пьяных драках и кабацких ссорах
Круговертью скорой жизнь поэта пронеслась.

Только далеко не это отмечал он –
Отмечал, что Богом свыше данный Вам талант
Молодым служил поэзии иконой,
Громко по стране родной звучал его набат.

В пору прославления соцреализма
Долго разложения на Вас висел ярлык –
На Руси глухим вождям социализма
Было не дано услышать Ваш душевный крик.

Вы, поэт, ушли так очень рано в вечность
На крутом изгибе сложных и безбожных лет,
Оставаясь с милой Родиной сердечной,
Сотворив себе стихами звёздный яркий след.

* * *

Колокольною медью звенит
Одинокая в поле берёза,
Листья жёлтые сбросив свои
В ожидании первых морозов.

Вот зазимок припорошит
Серебром её ветви нагие,
Будет платье ей белое шить,
Наряжая в искрящийся иней.

Словно Лебедь она проплывёт
И закружится в танце со звоном.
Знать, пришёл в её жизни черёд
Обручиться с есенинским клёном.

НЕОБЫЧНЫЕ ФРОНТОВЫЕ ВСТРЕЧИ

Почти рядом с дорогой стоял дом, как бы чуть-чуть отстранившись от других домов. Он выделялся тем, что был отделан резьбой на наличников окон, дверей, фронтона дома.

Рядом за оградой был колодец. Так как возле него останавливался весь проезжавший транспорт, то он оказался у самой дороги. Рядом всегда было много народа, шумно, весело. Отличные привалы получались.

Вот и сегодня из остановившегося танка выскочил молоденький танкист Алексей Седов, отстегнул фляжку от ремня, зачерпнул воды из ведра, отпил несколько глотков, с удовольствием крякнул и посмотрел по сторонам. Из подъехавшей полуторки на землю попрыгали солдаты и зашпешили к колодцу. Среди них вы-

делялся пожилой солдат с необычной внешностью: у него была седая кудрявая шевелюра, такие же бакенбарды, борода и усы. Танкист подошёл к нему, протянул фляжку с улыбкой.

– Выпей, отец, родниковой водицы. У нас дома точно такая же была. Отец у нас мастеровитый, всё умеет.

Солдат с усмешкой взял фляжку, попил воды и вернул танкисту.

– Спасибо, сынок, за водичку, спасибо за память о доме, спасибо за добрые слова об отце. А что же ты меня, сынок, не признал? Или я так постарел? – Он держал танкиста за плечо и заглядывал ему в глаза.

Танкист вздрогнул, рывком отстранился от солдата:

– Отец, это ты? Не может быть! Ты же в два раза старше был. Мы только вчера говорили о тебе с Петром. Вот на этом самом месте. – Танкист упрямо тащил солдата к берёзе, у которой была ладная скамейка.

Отец остановился как вкопанный, спросил хриплым, осиплым голосом:

– С каким Петром? С нашим? Да к на него мать получила третьего похоронку.

– Да что ты, батя. Я же говорю, вот на этой самой лавочке сидели.

– Мне отпуск дают на десять дней по этому поводу, потом разыщу тебя, расскажу. Теперь-то я вас не потеряю из вида.

Отец с сыном расстались, чтобы вновь встретиться у этого же колодца.

– Сынок, с грустной вестью я к тебе. Мать я похоронил. Вот на этих самых руках умерла, – он протянул руку к Алексею, – не сумели спасти, инфаркт. Я успел ей сказать, что Пётр жив. И о тебе сказал. А она протянула похоронку на тебя и стала оседать. Я подхватил её, а она на руках у меня отошла. После похорон я нашёл того, кто всё это делал, – почтальонка Лидка, твоя бывшая невеста. Не простила, что у вас распалась дружба.

Алексей сжал кулаки, побледнел:

– Жив останусь, разорву её на части на ракете за мать, не прощу.

– Да она не только с матерью так поступила. Она переводы фронтовиков прикарманивала. Посадили её, сынок. Бог даст, надолго. А ты почему без танка? Случилось что? – Отец тревожно смотрел на сына.

– Сожгли наш танк. А я из госпиталя. В пехоту меня направили.

– А ну-ка дай глянуть, в какую часть. О, да это в наш полк. Попрошу, чтобы к нам в разведгруппу. Вон наша машина подъезжает, поедем вместе.

Так отец с сыном прослужили вместе, расставаясь только на время пребывания в госпиталях. И вот сейчас ехали на своей полуторке до ближайшего вокзала, чтобы поездом отправиться домой.

Машина затормозила, и в кузов запрыгнул майор. Он сразу присел на корточки. А отец с

сыном стояли у кабины, как бы обнимаясь, и тихо говорили между собой.

– Отец, про Петра знаем, что он остался в Германии на год, а вот от Антона ни одной весточки. Может, в начале что писал матери, да что ему ответили? Может, что уехали в другую область или в район? Например, в Балашиху.

Тут из середины кузова раздался голос:

– Ребята, я чувствую, вы из моих мест. А вы что-нибудь слышали о Нефёдовке? Жив там кто?

Алексей и отец разом развернулись в сторону говорившего майора и уставились на него во все глаза.

– А ты чей же там будешь, сынок?

А Алексей заорал во все горло:

– Батя, да это же наш Антон! Живой!

– Да не может того быть, – неуверенно проговорил отец.

Антон пробрался к кабине, обнял отца и брата.

– Как видишь, отец, всё может быть. А ты что такой заросший? Давно такой?

– Да я-то с самого начала войны. А ты давно стал дедом?

– После одной операции. Да так и остался дедом, пока не вышли из партизанского отряда. А теперь решил до дома. Даже не верится, что войне конец. Теперь надо начинать жизнь заново.

– Да не скажи. В самом начале войны у нас с матерью родился ещё один сын. Матери помогала баба Катя – наша дальняя родственница. У неё потом на квартире стали жить эвакуированные со Смоленщины. Вот у них-то я и оставил нашего Павлушку. Как он там без отца, без матери? Уже пятый годок пошёл. А смыслённый такой, всё с рук у меня не сходил, боялся один оставаться. Ну вот, за разговором и до дома добрались. А вон сынуля.

На руки к отцу прыгнул шустрый пацанёнок, уткнулся ему в бороду и замер.

– Ты что, сынуля? Насовсем я, навсегда.

В доме было чисто, уютно.

– Баба Катя, кто же за всем присматривал? Ты-то уже старенькая.

– Да вот Татьяна, моя жиличка. Они тут с Павлушкой живут, уж как она к Павлушке привязалась. Я её с нашей Татьяной-упокойницей

Наталья Баранова

Автоор фото
Наталья Баранова

сравниваю. Как один человек. Ты не обижай её. Твоя Татьяна спасибо ей бы сказала.

– Я всё понял, баба Катя.

– Да, а ребята заговорённые оказались. Помнишь, мы все перед вашим призывом ездили к деду Евсею на заимку? Аксинья тогда нас провела через кострище. А Татьяна тогда не поехала с нами. А зря, может, была бы живая.

– Сила заговора бывает сильная, нас вот пуля-дура кружила, кружила, а насмерть не уложила, правда, ребята? – отец оглядел сыновей.

– Да, отец, верно, на фронте хочешь не хочешь, а будешь верить во все приметы. Меня почему дедом прозвали? Да потому что всех стариков всегда слушался и толк всегда был, – сказал Антон.

– А баба Аксинья сказала, что Пётр вернётся в четверг. Велела готовиться. Вчера получили телеграмму, что его демобилизовали и он едет домой. Вот я уже все запасы пересмотрел, может, всеобщий праздник устроим, Егор? Хорошо бы рыбки наловить, – Татьяна немного осмелела.

– Утром, на зорьке, посмотрим, – Егор согласно кивнул головой.

– А вовремя вспомнили о заимке, надо к деду Евсею наведаться. Может, и работу там подыщу, душа покоя просит. – Антон встал, потянулся, заполнив всё пространство до потолка.

– Да и поблагодарить их с Аксиньей не забыть бы. Доброе напутствие, оно как молитва, доброе дело сослужило. Вот Петра встретим и нагрянем к ним.

В четверг перед обедом во двор к Седовым заглянул солдат, устало присел на лавочку, окинул взором двор, и по щеке покатила слеза. К нему подбежал отец.

– Петро, как же хорошо, что ты наконец-то добрался до дома. – Егор присел и обнял его.

– Да я, батя, что-то закружился. Меня мутить стало. Спасибо, одна женщина отвела меня в медпункт, и там мне помогли. Наверное, я съел что-то несвежее в буфете. И вот кое-как добрался до дома.

– А ты что же, всю дорогу пешком шёл?

– Да, попутка не попала. И вообще как-то не везло мне в последнее время.

– Да кто ж тебя так закружил-то? – отец взял руку Петра и перекрестил его. – К Евсею срочно надо ехать. Завтра и поедем.

Назавтра они собрали сумку с продуктами: две большие свежие рыбины, две жареные, кусок сала, пучок зелени – и все вместе поехали.

Дед Евсей и Аксинья обрадовались.

– Я много думал о вашей семье. Много горя вам пришло от людей, а они не понимают того, что, делая зло другим, они творят его себе. Возьми почтальонку Лидку, сколько она людям зла сделала, а на самом деле зло сделала своей родне, из них пятеро ушли на фронт и ни один не вернулся. Надо всегда помнить о том, что зло возвращается к нам. А ты, Антон, говоришь, тебя к природе тянет, так ты иди лесником вместо меня, а то я уже совсем сдаю. Вот и будет всем хорошо.

Когда возвращались домой, Егор и Татьяна сидели рядом и тихо переговаривались. Павлушка сидел между ними, прижавшись к боку отца. Когда подъехали к дому, то он первым соскочил с телеги и юркнул в ворота. Зашедшие следом увидели его среди двора, он громко сообщил:

– А папка и мама Таня собираются обжечься. Завтра в сельсовет пойдут.

– Ну вот, Татьяна, что не договорили, придётся обнародовать, с этим разведчиком тайны не будет. – И объявил: – Завтра распишемся, посидим за столом. Вот за дедом Евсеем с Аксиньей съездим. А больше и родни-то нет. Зачем зря шуметь? Татьяна говорит, что в доме ещё дух Татьяны не выветрился. А как хозяйка скажет, так и будет. Деньги на постройку дома нужны.

– Папка, а ты не зевай, а то дядька Семён глаз на маму Таню положил.

– А ты что думаешь, мы его глаз в сторону отвести не можем? Мама Таня нам и самим нужна, правда, сыны? А ты в кого у нас такой шустрый, Павлушка?

– Все говорят, что в тебя, батя.

– А это разве плохо, отец? – Антон подбросил Павлушку вверх. – Ну что, брат, с такой ватагой веселее будет? Расти на радость нам.

ЧУЖОЙ ВЕК

Босоногим мальчишкой Колотаев-младший ходил с дедом в лес по грибы-ягоды, и там, в тревожном сумраке пущи, шмыгая носом, слушал конопатый пострел побывальщины сивой бороды о леших, присказки о кикиморах, былины о водяных да русалках. Дед мальчика – мирошник, а каждый деревенский слышал, кто прячется под колесом его мельни и с кем безлунными ночами знается мельник. Уж кому, как не старику-мельнику, доподлинно известно, почему не след шуметь в чащобе. Яркие и безоблачные картины детства, но любое счастье в многострадальном Отечестве недолговечно. К одиннадцатому дню ангела узнал младший Колотаев значение слова «раскулачивание». Пришли суровые люди с бегающими глазами, и вместе с мешками муки ушла жизнь с мельничного двора. Уполномоченный в кожанке, осматривая выпотрошенные дворовые пристройки дедова хозяйства, заметил плачущего

мальчонку и велел отправить последыша деревенского «кровопийцы» в город, в сиротский приют, чтобы не вырос подкулачником.

В приёмнике для беспризорников «чуждому элементу», со страху, а может, из классовой зловредности, приспичило записаться под именем приятеля, тоже Андрейки, сродственника деревенской голытьбы, по случаю утопшего в прошлое половодье. С тех времён «кулацкий выкормыш» стал откликаться на фамилию Краснов и числиться уроженцем Самарской губернии, Николаевского уезда, села Кунья-Сарма. Сыном безземельного крестьянина, чья семья вымерла от тифа и голода в строящей социализм стране. Губнаробраз из пролетарской солидарности расстарался для «своего», определил сироту в детский дом в Астрахань. Замечательный город, там тепло, арбузы растут. Ну а дальше – дальше минуло порядочно лет. Жизнь завертела, закружила

молодого комсомольца: фабзавуч, работа слесарем на автозаводе-гиганте первых пятилеток. Подошла пора и Краснову, было предписано явиться в военный комиссариат.

Однажды вечером, этак числа 21-го ноября, наш герой разыграл в красном уголке партию в шахматы с закадычным приятелем Серёгой Филипповым, призывавшимся из города Кирова. По-будённовски, направо и налево рубая пешки и разное прочее офицерье, горе-шахматисты между делом с жаром обсуждали директиву командования округом касательно финского вопроса:

– Обнаглели эти белофинны с их Маннергеймом, – съедая чёрного коня, кипятился Кировчанин, – нашёлся на нашу голову главнокомандующий! Он, паршивец... ну, чего репу чешешь? Ходи, что ли! – насел на партнёра Серёга. – Ещё царю прислуживал, и требования трудящихся масс влиться в Страну Советов у этого недорезанного беляка поперёк горла встали. Куда ему, подпевале буржуев, деваться, в Англию с Францией мотать? – Сергей вздохнул, с сожалением наблюдая, как Андрей ликвидирует прорыв его ладьи. – Те тоже хороши, хвост на первую страну трудящихся подымают.

Краснов, отставляя прочь трофейную фигуру, вкрадчиво заметил:

– Товарищ Сталин ему не спустит. – Со значеньем помолчав, политически подкованный красноармеец напомнил: – Твой ход, Серёга.

– Щас, ужо схожу, так схожу! – в азарте вороша чёрный ёжик стриженных волос, соперник пригрозил. – Андрейка, у тебя эта пешка лишняя? Лишняя! Раз, и мы сюда нашего коня поставим, – пристукнув деревянной фигурой о доску, игрок с шиком срубил пехотинца. – В «Правде» писали, – Филиппов, довольный отыгранной пешкой, был не прочь подискутировать, – военный министр Нюкканен в августе манёвры проводил, так их резервисты, представляешь, бегали по лесам с винтовками в цивильных пиджаках.

Краснов рассмеялся:

– Ага, помню! Эту «форму» окрестили по фамилии их премьера. Как его там? – пробу-

ждая память, молодой боец пощёлкал пальцами. – Не выговоришь: Каяндер...

– Каяндерка... – Филиппов с удовольствием помог приятелю вспомнить трудное слово.

– Точно! – веселясь, Андрей хлопнул ладонями по коленям. – Форма образца Каяндера! – отсмеявшись, он по деревенской привычке махнул ладонью. – Куда им пыжиться, Серёга, против Красной армии!

Отдельный пехотный стрелковый полк, в котором служили срочную два товарища, квартировал не то чтобы на северах, а в одном уютном местечке под Кандалакшей. Климат ещё тот – лето тёплое, дождей мало. Небеса – бездонная синь. Зимы – просто чудо! Снега много, температура редкий день за пятнадцать-двадцать градусов опускается. Служи себе да радуйся. Полк кадровый, бытовые условия на высоте, харч – санаторный. Добротные, тёплые и сухие казармы полка тянулись в ряд против обширного плаца. Койки рядовых Филиппова и Краснова стояли вместе. Они делили всё поровну, и тумбочку, и тяготы солдатской службы. Ничего не скажешь: друзья!

Горнист своими трелями выдернул друзей из постелей на прохладные крашенные доски пола.

– Рановато для побудки, – Сергей, позёывая, обратился к соседу, наматывающему портянку. – Похоже, Андрюха, что-то ноне произойдёт.

На плацу выстроилась вся часть. На дощатый помост трибуны поднялись командир и политрук:

– Товарищи красноармейцы! Пришла пора действий. Нужно показать белофиннам нашу решительность поддержать стремление финского народа влиться в дружную семью народов СССР. Через час мы выступаем в сторону государственной границы...

Вот полк, получив боекомплект, походным порядком выдвинулся в палаточный лагерь, разбитый в нескольких километрах от рубежей Страны Советов. Здесь личный состав проинформировали о варварском обстреле белофиннами приграничного посёлка Майнила. Следом зачли приказ наркома, и после очередного

пламенного выступления политрука 30 ноября начались активные боевые действия.

Взвод друзей оказался на острие наступления полка. Находясь в авангарде, им первыми пришлось вступить в огненный контакт с финскими пограничниками. В предрассветной мгле бойцы под могучее «Ура!» развернулись цепью и шибко-шибко побежали к чёрным баракам, прячущимся за шлагбаумом, выкрашенным в зебру. Их рота набегала на КПП финнов, нахраписто, по-молодецки, пока в потёмках со стороны границы не блеснули первые вспышки выстрелов и вокруг атакующих не засвистели пули. Посвист смерти в наступавшей цепи заставил дрогнуть многих. Не всех. Серёга, к примеру, пригнув голову и отгородившись от пуль штыком, лихо орал во всю мощь лёгких: «Ура-а-а!» и пёр напрямиком на вражеский огонь.

У Краснова же, наоборот, разом сбилось дыхание, и он позавидовал другу: «Разве ему не боязно»? Загнанное сердце необстрелянного солдата отчаянно колотилось, и бедолага ощутил, как в глухих потёмках его нутра принимается ворочаться мутившая сознание гадость страха: «Вот сейчас свистнет, и напрямиком в грудь». Как назло, к подкашивающимся ногам Краснова валится Юрка из Владимира. Юрка тоже кричит, просто орёт от нестерпимой боли, и с его воплями к молодому бойцу переходит ужас мысли, сковывающий мышцы и сжимающий сердце: «Убьют, непременно убьют!» Юркин крик становится похож на вой, и, подтянув к груди колени, обхватив руками горящий живот, подстреленный крутится на спине. От жалости к самому себе у Андрея задрожали поджилки, и, обмирая, он отчаянно принялся молить: «Может, только ранен?» Хотелось, бросив всё, оглянуться – некогда оглядываться! Нужно не отстать от своих. А тут ещё всякая ерунда комаром нудит в голове: «Ну что сегодня за погода, снег пополам с дождём, грязь, лужи кругом. Наступаешь, брызги летят. А если падать придётся...»

В предрассветном тумане тонут очертания финских строений, меж которых в ватных сумраках мечутся серые тени. Нереальные и оттого таинственно-пугающие. Краснов расте-

рян, его виски выламывает шалеющая кровь. Напирая на кость, она выстукивает азбукой Морзе: «Это они, те, кто изувечил конопатого Юрку!» Из-за угла навстречу робеющему красноармейцу чёртом выскакивает рослый финн. В пылу боя верзила потерял шапку, и его короткая стрижка отливает боевой медью. Андрей видит, как ужасный рыжий финн в упор палит в лучшего подающего их волейбольной команды. Наткнувшись на пулю, воин роняет оружие, его колени подгибаются, и он медленно оседает в слякоть. Убийца люто смотрит на обмершего Андрея, делает несколько быстрых шагов ему навстречу и, целя штыком в живот, с ходу совершает выпад. Атакованному Краснову нечем стрелять. Было дело, он несколько раз бахнул на бегу, и всё! На ходу не больно подёргаешь затвор трясущимися руками. Страх окончательно приморозил ноги Андрея к грязи, сковав бессильем руки. Забыв, чему его учили отцы-командиры, Краснов неловко отмахнулся разряженной винтовкой от первого удара. Финн насел всерьёз, и, сбитый на стылую землю его жёстким плечом, приготовился Андрей умереть. Блестящее остриё вражьего штыка невольно приковывало взгляд жертвы. Закрывая глаза, боец смирился: «Это конец...» Но вместо ожога от острой железки на лицо лежащего брызнуло тёплой кровью и мозговой жидкостью. Торжествующий враг подставил стриженный затылок под приклад Филиппова.

– Эх, растяпа, давай подымайся из лужи, простудишься, – предложил верный товарищ. Грудь Сергея высоко вздымалась, как после тяжёлой работы, а раскрасневшееся довольное лицо покрывали капельки испарины. – Отстанем, посчитают дезертирами.

Так началась ратная служба красноармейца Краснова. На непонятной кровавой схватке гиганта с лилипутом. Неся постоянные потери от наскоков финских лыжников, его полк, опасаясь завязнуть в снегах чистого поля, неуклонно двигался на запад по снежному насту дороги на Суомуссалми. Погода тоже отыгралась на участниках тех событий небывалыми морозами. Палатки плохо держали тепло, и внутри ночевать было ненамного теплей, чем

под звёздами. Потом и палаток не стало. 11 декабря лыжники бригады Сииласвуо, набранные из местных жителей, в белых балахонах поверх домашней одежды, рассекли на части подразделения полка и начали планомерно уничтожать группы бойцов, цепляющихся за непригодные позиции. Приказ удерживать продуваемое всеми ветрами поле принёс неисчислимыя беды. Ожесточение боёв нарастало. Постоянный огонь снайперов, подвешенных в люльках на деревьях, перестрелки встречного боя, переходящие в рукопашные схватки, холод и голод закалили Андрея в трудностях окружения. Не желая бездействовать, он каждый раз вызывался добровольцем в разведку. Сергей, напротив, растерял былой запал, стал молчалив, глаза на его худом, давно не бритом лице потускнели. Апатия друга беспокоила Андрея, но за стычками с наседавшими со всех сторон лыжниками некогда было поговорить по душам.

Последний раз друзья виделись утром 27 декабря у дороги Суомуссалми – Роата. С южного направления, от Кухмо, уже доносился рокот канонады. В той стороне шло сражение за населённые пункты Симо и Хайя. Северной тоже нарастал звук стрельбы. Там, за сосновым лесом, всё, что осталось от 163-й дивизии, пошло на прорыв окружения. Настал черёд их полку сделать рывок на восток. Вот и команда: «Вперёд!» Поднявшись в полный рост, Краснов, увязая по колено в снегу, попытался добежать до поросшего деревьями пригорка. Как в немом кино, в полной тишине рядом с человеком, барахтавшимся в сугробах, взметнулся фонтан чёрной земли, перемешанной с белым снегом. Разрыв снаряда! Злая сила, желая раскатать его тело в блин, швырнула бойца о ледяную почву. Мало того, что уши заложило – ничего не слышно, только звон до тошноты, рот Краснова оказался полон земли и сосновых иголок. Размазанный по грязному снегу, присыпанный земляным крошевом, задыхающийся от блевотной кислоты горелой взрывчатки Андрей видел лыжников, с финской педантичностью добивающих в поле раненых красноармейцев. Несколько чёрных фигур в обтрёпанных шине-

лях, с поднятыми вверх руками стояли и ждали своей участи. Она не заставила себя ждать. Несколько выстрелов, и на исколупанной воронками равнине остались только победители. Странно, одно из скрючившихся, недавно живых тел ему напомнило Серёгу. Его улыбчивого, отважного в первых боях товарища. Неужели это он, поднявший руки под дулом финских автоматов, валяется кучей тряпья, коченея, вон там, метрах в сорока от него?

Поле боя опустело. Контуженный Краснов решил шевельнуться. Напряг нечувствительное тело и остался доволен. Вроде руки-ноги целы. Раз так, разлёживаться некогда. Холод – птицы на лету стынут. Перевернулся на живот, затем приподнялся на четвереньки. Теперь можно и попробовать встать на ноги. «Ого, как качнуло». Пустой желудок вывернула сухая рвота: «Ощущение, точно весь деревянный. Слово тело отсидели, даже в тех местах, которые нельзя отсидеть». Краснов осторожно принялся разминать руки-ноги: «Вроде начало отпускать, стало покалывать грудину со спиной». Попытался идти и горько усмехнулся: «Мотает из стороны в сторону, словно пьяного».

Так и побрёл, оставляя в снегу странный путаный след. Пара неверных шагов – падение, встал, постоял, собрался с силами, двинулся вперёд – физиономия в снегу. Опять упал. Кое-как Андрей доковылял до намеченного взгорка. Опускаться в снег не стал. Можно и не встать. Привалился к ледяному стволу отдышаться. Обнял толстый ствол финского ружья, уткнулся гудящим лбом в его стылую древесину, но холода не почувствовал. Где-то в чаще скрипнул сминаемый лыжами снег: «Наверное, мерещится, я же хруста своих шагов не слышу». Краснов вздохнул: «Контузия». Вздохи вздохами, но его охватило беспокойство: «Нет, скрипнуло!» Звериное чутьё проснулось в теле, отшибленном взрывной волной, позволяя слышать и чувствовать всем нутром. Кто-то скрытно пробирался зимним лесом, и Андрей, наплевав на боль, принялся крутить головой. И не зря. Пышная снежная шапка медленно и тихо сползала с ближайшей ели, обнажая жёсткие колючки хвои. Чуток сбоку от оголившегося

деревца на полянку вышли двое *sissisota*. Все в белом, егеря, опершись на лыжные палки, замерли, вслушиваясь в напряжённую лесную тишину. Стоят сугробами, не шевелятся. Даже лежащие на их плечах еловые ветки не потеряли покрывавший их ледяной пух.

«Охотники за головами, – определился с противником советский боец. – У одного впереди на ремне болтается укутанная в белую тряпицу "пюстюкорва", второй вооружён автоматом "Суоми", – от такого зрелища захотелось повздыхать, пожалеть себя. Совсем плохо дело. Сама смерть стоит и ищет следы его присутствия, а у обессиленного контузией Андрея из оружия – штык от верной винтовки да наган старшины с единственным патроном. Позаимствовал у мёртвого Сидорчука. Ему-то зачем, а так – вдруг выйдет случай застрелиться. Пожалуй, случай представился. Сил сопротивляться нет, а руки поднимать не дело. Всё один конец. Перед глазами встала страшная картина: «Мёртвая белизна поля, загаженного воронками разрывов, растерзанные трупы, и среди них один, похожий на Серёгу».

Ненависть и жгучая ярость подкачали кровью одеревеневшие мышцы. Жажда расплатиться за страх и унижение вселили уверенность: «Расстояние невелико». Меня положение перед рывком, Андрей, приминая снег, неловко шумнул. «Заметили, курвы дешёвые! Снайпер потянул ремень "шпица", а второй, мордастый, глазами окрест стреляет, словно из автомата. Ну, держитесь!» Два быстрых шага, затем прыжок вперёд, в пушистый снег, с кувырком через голову. Ноги, обутые в трофейные пьексы, выстреливают пятками в живот снайпера: «Есть! Вылетел голубок прямо из лыж, только палки на тесёмках мелькнули перед глазами автоматчика». Финн сморгнул, но вовремя пригнулся, и очередь из М-32, сбивая хвою с шишками, пронеслась веером девятимиллиметровых пуль над лежащим на спине Андреем. Спокойно подняв почерневшей левой рукой ржавый наган, Краснов всадил пулю в живот оставшемуся на ногах лыжнику: «Нечего разлёживаться!» Сбитый с ног напарник подстреленного автоматчика завертелся в сугробе, освобождаясь

от второй лыжи. «Освободится, привстанет, и привет родителям...» Не мешкая, с колен, Андрей, навалившись на шустрого противника, со скрежетом вдавил ему в рёбра гранёный русский штык. Торжество победы не позволило герою почувствовать ответный гостинец покойника. Обессилев, победитель полежал некоторое время в мягком снегу, вольно раскинув руки и лоя растрескавшимися, кровоточащими губами сыплющиеся с сосен снежинки. Сердцебиение выровнялось, и Краснов, поднявшись на ноги, увидел на примятом снегу ярко-красную кляксу и лежащий рядом нож.

«Поменялись, – с безразличием подумал Андрей. – Я ему штык на вечную память, он мне *veitsi* в бок». Подняв саамский леуку, Краснов доковылял к корчившемуся с пулей в животе финну. «Не нравится – извини», – без каких-либо чувств (они тоже онемели от контузии) боец наотмашь резанул автоматчика ниже подбора трофейным ножом.

Очнулся вояка в госпитале. Как туда попал, толком никто объяснить не мог. Такая вот зимняя война получилась.

После госпиталя Краснова собирались уволить со службы вчистую. Чувствительность вернулась незначительно, в основном к кончикам пальцев, и невропатолог, седой старичок, стуча по коленям и царапая холодным молоточком рёбра раненого героя, поминутно цокал языком.

– Плохи ваши дела, молодой человек! Ох, плохи, – пророкотал басом военврач, беря со стола колесо Вартенберга.

Однако командование, желая сгладить позорную победу, позволило Андрею остаться в строю младшим командиром. «Пила» в петлицах и серебристая солдатская медаль довершили облик бравого старшины-сверхсрочника. Попытки восстановиться физически привели к тому, что следующую войну он встретил борцом-разрядником, к тому же имеющим за плечами пару десятков прыжков с парашютом. Правда, к его сожалению, пришлось сменить памятную финку на нож разведчика ОМСБОН НКВД. Отечественная война закончилась для лейтенанта очередным ранением, полученным на озере Балатон, когда он выдирает портфель

свиной кожи из скрюченных пальцев красно-мордого фрица в чёрном мундире полковника уже несуществующей страны и армии. Армии не существовало, а парабеллум в руке упрямяца плеснул реальным огнём, оставив ровное, опалённое по краям отверстие на груди Андрея.

– Напросился, – шепнул бойцам теряющий сознание Краснов, пытаюсь выдернуть из туши мёртвого фашиста свой нож.

Снова госпиталь, выздоровление и долгая дорога на восток, к океану и войне с японцами. Десантная операция по освобождению островов Курильской гряды проходила под гул судовых двигателей, с пеной за кормой и солёными морскими брызгами. Океанский бриз, пытаюсь растормошить мрачного старшего лейтенанта, стоящего у фальшборта в пятнистом комбинезоне и каске защитного цвета, подхватывал и швырял горсти холодных тугих капель в его нечувствительное лицо. Океан не знал, что для Краснова последним подобным воспоминанием навечно осталось ощущение падавших на щеки и лоб частиц мозга давно убитого вражеского солдата.

Командир с мостика морского охотника подаёт сигнал готовности. Дымовая завеса плотной стеной отрезает приближающийся десант от скалистого берега. Но дым мало спасает от массивированного артиллерийского огня. Снарядов японцы, зарывшиеся в скалах острова, не жалеют. Ежесекундно, вскипая от взрывов, морская вода подымает с глубин тонны грязи, перемешанной с водорослями и скальными осколками. Таким осколком снесло полголовы краснофлотцу, стоявшему в двух шагах от Краснова. Следующий снаряд попал в небольшой катерок, рвавшийся к полосе приобья. Корабль, разламываясь посередине, медленно приподнялся над водой. Из его обнажившихся, изодранных внутренностей вырвалось чадящее пламя. В единый миг стоящие на палубе десантники разлетелись вверх и в стороны рваными сочащимися кровью кусками. Их скорбный полёт был недолог. Останки героев приняло море, и на его поверхности закачались траурные венки матросских бескозырок.

Пора. Буднично, без спешки сыплются люди войны в холодные воды Японского моря,

и с каждым их шагом навстречу твякяющему пулемётным огнём берегу море роднится с русскими десантниками. Матросская кровь, смешиваясь с солёной водой – кровью океана, скрепляет неразрывную связь отдалённого скалистого острова с сердцем России. Пляж, сплошные валуны, шириной на бросок гранаты, уже позади. Он усеян чёрными бушлатами, бежавшими к расщелине с прикованными к скале фрагментами тела пулемётчика-камикадзе. Впереди обычная работа – гранатный бой в узких галереях подземных артиллерийских позиций. Цель десантирования – пробиться к секретной химической лаборатории. И кому судить, чья вина, если самурай-зараза успел затопить нужный подземный уровень практически со всей десантной штурмовой группой? Да и зачем? Есть командир – старший лейтенант! Он предпочёл остаться в живых, выбравшись с ещё одним шустрым малым к свежему воздуху через вентиляционный колодец.

Вот и пришлось выжившему герою продолжить службу в гвардейской ОДШБ номер 318, переброшенной в составе Свирской Красногвардейской дивизии из солнечной Венгрии в отдалённые приморские земли. Хоть капитанские погоны, за прежние заслуги, он всё-таки получил. Не отменять же штабным представлением начальству. Такой фортель может оказаться себе дороже. До осени пятидесятого капитан Краснов тянул нудную армейскую лямку в районе Покровского аэродрома, что немногим более 30 километров от города Ворошилова. Служил, не думая, что в зрелые годы придётся менять разрез глаз. «Но партия скажет: "Надо" – коммунист ответит: "Есть!"» Настало время «Ч», и Андрей с группой товарищей объявился недалеко от Порт-Артура. Через пролив от фанзы китайского военного, отдалённо напоминающего героя повествования, в смертельном танце за приз «Большой Корейский полуостров» сцепились две сверхдержавы, да так, что у несчастных корейцев хрустели перемалываемые маховиком войны косточки. Горячих дел не было, так, мелкие шалости. За мелочовкой прошёл год. В середине сентября срочно, в одночасье десантировали ветерана с

китайскими товарищами на пустынный пляж северней города Онджин. Группа двигалась без остановок, спешили до прилива. Где-то впереди, в неизвестности, на узкую прибрежную полосу приземлился подбитый «Сейбр». Эту машину требовал Сам! Он приказал доставить и забыл, а все сверху донизу металось как наскипидаренные. Возжелал Хозяин: «Подайте F-86, и точка!» И всё! Кровь из носу, а притащи ему этот злополучный «Сейбр».

Вышли к объекту под вечер. Самолёты ООН, отбомбившись, уже убыли на свои базы, и хотя «Сейбр» поглотил прилив, Краснов не горевал. С пловцами ТОФ горевать – последнее дело. Скомандовал: «В воду!» – и свободен. Выстави охранение, а сам сиди, жди у синего тёплого моря погоды и мечтай: «Окунуться было бы совсем неплохо!» Накатила ночь, а ночи на юге – чернее чернил. В кромешной тьме китайские добровольцы выволокли «Сейбр» из пучины, начав срубить крылья. Стук скрыл плеск вёсел морских пехотинцев вероятного противника, и три лодки подплыли к пляжу. С брезентовых У-8 резанул огонь автоматических винтовок. Бойцы Краснова ответили шквальным фланговым огнём. Надувные подушки на бортах У-8 улучшают их плавучесть, но плохо

служат защитой от пуль. Две посуды блинами закачались на волнах, и выжившие поспешили отплыть на спасательных жилетах от опасного берега.

Третья лодка утвердилась на песке, и командос несколько минут яростно жгли патроны. Неожиданно пальба стихла. Краснов с устатку размяк, решив, что на сегодня всё, «зевнул», и вражьи пули впились в его грудь. Слабеющие кисти разжались, автомат, клацнув о камень, упал на песок. Когда большой и сильный враг подхватил его пробитое тело, используя как прикрытие, у него даже мелькнула подлая мыслишка: «Считай – отвоевался». Но боль от ран не отключила сознание, неоткуда ей было взяться – боли. Отучили враги капитанское тело отзываться на внешние раздражители, даже если это американские пули. Рука сама, без затухающего сознания нашарила поясные ножны и обратным хватом потащила нож. Пока висел на руке морпеха, целящего из кольта в его товарищей, стальная воля капитана отдала приказ, и клинок погрузился в брюшину последнего вражеского солдата, убитого Красновым на войне. Он уже не видел, как китайские друзья остановили кровотечение, а затем боевые товарищи на пупу, не передохнув ни

разу, вытащили ценный трофей и его в придачу в расположение Кореической народной армии.

В очередной раз очнулся Андрей уже отставным майором в палате 310-го гарнизонного военного госпиталя города Ворошилова. Вольный одинокий казак. Нет, лукавил майор: живёт в таёжном посёлке Голендон вдова солдата под стать ему возрастом, сумевшая очаровать старого бобыля. Пойдёт наш герой к зазнобе в примачи, будет «чист, ухожен, пьян, сыт и нос в табаке», как любил говаривать дед-мельник. А ему об этом сами догадайтесь кто рассказал.

Виктор УСОВ

Зинаида КОРОЛЁВА

БУЙНЫ ВЕТРЫ

* * *

Мне сегодня только восемь,
Нолики забыла.
Были и зима, и осень,
Много чего было.

Надо помнить о хорошем,
Если в сердце радость,
Даже зимняя пороша
Не всегда не сладость.

А весна, кругом цветы –
Для души отрада,
Когда любим я и ты,
Той поре я рада.

И душою молода,
Жду всегда успеха.
И зачем считать года?
Это жизни века.

ДОЖДИК

За окошком дождик льёт,
Всё кругом поникло,
Мокнут люди, мокнет дом,
Розы тоже сникли.

Но проглянет солнца луч,
Всех он обогреет,
Уведёт от чёрных туч,
Ягодки созреют.

И улыбки расцветут
У людей на лицах,
Той минуты они ждут,
Ждут и в небе птицы.

* * *

Реют флаги над павшим Рейхстагом,
Но один флаг как будто подбит.
Тихо плачет отец над сыном,
Только час назад сын был убит.

Отпустите, отпустите,
Буйны ветры, вы меня,
Не пылает моё сердце,
Нет в душе моей огня.

А я в чисто поле выйду,
Руки к небу подниму,
Со слезою горькой-горькой
Я к земле опять прильну.

– Ты вернись, сестрица,
Не хватает тебя мне,
Некому пожалиться,
Горько мне вдвойне.

Как же было хорошо
Мне, сестра, с тобой,
И во всех вопросах
Ты была судьёй.

Всё с собою забрала
На века на вечные,
А во поле ветры дуют,
Дуют ветры встречные.
Южный ветер

Тёплый южный ветер
Дует к нам в окошко,
От него прохлада
И тепло немножко.

Наступивший вечер
Обнимает нежно,
И в душе отрада
От любви безбрежной.

* * *

На дальний фронт отец приехал к сыну,
Тому награду Родины вручали.
И вдруг над ними просвистели мины,
И не было печальнее печали...

ТРЕПТОВ-ПАРК

А в Трептов-парке над Берлином
Лежит с Тамбовщины Гаврилов,
С Сабурово Василий, паренёк,
Себе в билет добавивший годок.

В Берлине он тогда служил,
Но до Победы не дожил –
В апреле голову сложил.

В конце апреля был убит,
Родной Тамбов о нём скорбит.

ДОМ ВЕТЕРАНОВ

Во сосновом во бору
Дом стоит кирпичный,
В нём живёт весёлый люд,
В основном приличный.

Кто пришёл по доброй воле,
Примирившись с своей долей,
Но полно вокруг таких,
Кто в обиде на других.

Дом же принял всех едино
Как друзей и побратимов.
И удобства, и уют
Всем приезжим создают.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

Дзинь-динь-дон, дзинь-динь-дон...
Раздаётся утром звон,
Колокол к себе зовёт,
В даль далёкую ведёт.

«Все, кто жив, вставайте,
День свой начинайте.
День пришёл прекрасный,
Он, как солнце, ясный.

И дела все хороши,
Коли делать от души.

Дзинь-динь-дон, дзинь-динь-дон...
По утрам нас будит звон,
И весь день звучит мотив,
Он певуч и так красив!
Дзинь-динь-дон да дзинь-динь-дон...
Как приятен этот звон.

* * *

И в мае много лет назад
Пришла желанная победа.
Из прошлого дошедший взгляд
Нам скажет, кто и что изведаль.

Там и надежда матерей,
Искавших без вести пропавших,
И слёзы малых сыновей,
С войны отцов с победой ждавших.

И горе, слёзы жён уставших,
Растивших маленьких детей,
С войны мужей-калек встречавших
И с фронта ждущих вестей.

* * *

Утерян след к родному очагу,
Но лик Христа в киоте на стене
Напоминает нам всегда и всюду,
И манит он к себе, как свет в окне.

Мне кажется, что я к нему бегу
Сказать спасибо за тепло и знанья.
Прими мои сердечные признанья,
В душе я память нежно берегу.

* * *

Настанет день, и, жизнь итожа,
Нам вспоминаются грехи.
О, как хотелось бы хорошее умножить
И приподнять удачу на верхи.

Но груз ошибок горечь множит,
На сердце оставляя след.
И радость с грустью вместе сложат
И отведут от многих бед.

Из осенней тетради

Вениамин ПОБЕЖИМОВ

ОСЕНЬ

Позолотив листву, печалью время сдобрив,
Спускается с небес осенняя пора.

Подстриженных полей торчит ершистый
бобр,ик,
Но и над ним уже хлопочут трактора.

На поле, вдалеке, горят стога соломы.
Степные ковыли гордятся сединой.
И осень, словно мать, едва прибравшись дома,
Не дав мне догулять, торопится за мной.

* * *

День осенний истекает, не вернуть.
Тяжела вода речная, словно ртуть.
Вороха из жёлтых листьев пьют зарю...
Осень грянула, как выстрел, в жизнь мою.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Осенний день почти уgomонился.
Всё было в нём – и солнца блеск, и дождь.
А время утекло, и день забылся –
Ведь он на все другие так похож.

Но где-то в глубине его владений,
Где солнца луч пока ещё дрожит,
Родился на закате новый Гений,
И этот день не будет позабыт.

ПУШКИН В МОЕЙ ОСЕНИ

И снова в мире осень. Быть добру
В её бесценном болдинском начале.
Я к радости сегодня доберу
Немного светлой пушкинской печали.

Мне не устать в поэзию грести,
А это делать с Пушкиным милее.
Та осень тоже на моём пути,
Как знамя золотое, пламенеет...

Смотрю в окно – осенний дождь устал.
И показалось, что в ребячьей гуще,
Покинув надоевший пьедестал,
По осени моей гуляет Пушкин!

ЛИСТОПАД

Евгению Курдакову

Лист, словно солнцем вытканый,
Слетает в дикий сад.
Мы к осени привыкли бы,
Когда б не листопад.

Вот он опять по-новому
В душе моей воскрес.
И тихо плачут голуби,
Спустив крыла с небес.

ОСЕННЕЕ

Тихо август трётся веткой
О моё окно.
А на ветке вязью редкой –
Осени руно.

Облетают с клёна листья
В золотой пыльце
И мерцают, словно искры,
На моём крыльце.

Я по ним ступаю мягко,
Боже, благодать!
Это что, подарок? Взятка?
Братъ или не братъ...

Что-то август рано очень
Головой поник.
Побеждает, видно, осень –
Он почти старик...

...Нет для времени ни вето,
Ни границ, ни виз.
До свиданья, миссис Лето.
Здравствуй, Осень-мисс!

НА ПУСТЫННОМ ПЕРРОНЕ

Предлагает нам новые дни
Осень как-то невнятно:
То затеплится солнце вдали,
То исчезнет обратно.

То послышится плеск жестяной
На поникнувшем клёне,
То возникнет сквозняк ледяной
На пустынном перроне.

Разметаю листву, растопчу
Шелестящие звуки.
Я над мёртвым костром не хочу
Греть озябшие руки.

Осень-осень, красив твой узор,
Да тепла не хватает.
Чей-то пламенный чувствую взор,
Но грустинка не тает.

* * *

Осенний догорает костерок.
Кольшется дымок витиевато.
Боготворил я осень сколько мог,
Но всё, увы, кончается когда-то.

Отшелестят парчовые кусты.
На все цветы зима наложит вето.
Останешься в душе моей лишь ты –
Цветным портретом, вытканым из света!

ОСЕНЬ В СЕРОМ

Притупилось время.
Заострились нервы.
Бытие как будто
Стало злым и пошлым.
Где совсем недавно
Был всегда я первым,
В памяти как снимок:
Я в обнимку с прошлым.
Вечер загорелый.
Голоса и трели –
Соловьи распелись,
Как в последний раз...
Праздника охота –
Будни надоели.
Скоро осень в сером –
Старость без прикрас.

ОСЕНЬ ЗАБЛУДИЛАСЬ

Стало жёлто и бело –
Время в новых тонах,
Это осень созрела
На вселенских ветрах.

Наказанье иль милость?
Что угодно молве..
Осень вдруг заблудилась
На моей голове.

ПРИДЁТ ПОРА

Уж скоро время зимнего засилья.
И снежный дух за воротник залез.
Красотка осень наострила крылья
За горизонт, за голый серый лес.

Но верю: бес зимы устанет злиться.
Проснётся сок в стволах берёз и груш.
И снег последний тихо испарится
Из наших согревающихся душ.

И пусть ветра предзимние ликуют,
Пусть до весны ещё совсем не день,
Но кто-то утром мне уже рисует
На стёклах окон белую сирень.

ПОЭМА О СЛОВАРЕ

Валентина ОСТАНИНА

1. В ЦЕНТРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Сибирский кот, ступая важно,
 Встречать выходит на крыльцо
 Всех, кто спешит с духовной жаждой
 К истокам дедов и отцов.
 Едва порог перешагнёте
 И во владенья старины
 Вы непременно попадёте,
 Душой и сердцем отдохнёте
 У двух Татьян, у Нагимы.
 Наш Центр не хвалится размахом,
 Но в нём представлена ладом
 Культура немцев, и казахов,
 И русских со святым углом.
 Приятно посидеть у печки
 С ухватами и рушником.
 Здесь бодрый звук немецкой речи
 Струится бойким ручейком.
 С казахской песнею протяжной
 Мы слушаем родную степь.
 Сюда пришедший может каждый
 И рукодельничать, и петь.
 Здесь баянистам честь и место.
 Играют Тасин, Рой и Рой.
 А если песням станет тесно –
 До площади подать рукой.
 Мы вместе праздники встречаем,
 А в дни печальные скорбим.
 Земля родная за плечами,
 И за неё мы отвечаем,
 Сбережь для правнуков хотим.
 Мы помним грозные приметы:
 Повестки, плач в любом доме.
 Была война меж тьмой и светом,
 И, светом разгоняя тьму,
 Прожектора в московском небе
 Ловили чёрные кресты.
 Мать-Родина звала к победе:
 «А что для фронта сделал ты?»
 Дух тленья стлался над полями.
 Горели рощи и луга.
 Сердца ожгло: «Москва за нами!»

Переводчики – почтовые лошади просвещения.
 А.С. Пушкин

И страх преследовал врага.
 Недаром в наших родословных
 Сияют подвиги отцов.
 Их помнят рощи Подмосковья,
 Невы суровое лицо.

2. МОЙ ПОМОЩНИК

Чернит Россию вражья пресса
 И дует всячину в «окно».
 А мне не первый год известно,
 Кто – миротворец, кто – агрессор,
 Кому от века что дано.
 В ответ на вымыслы, нападки
 Традициями дорожу.
 С упорством пушкинской лошадки*
 С немецкой классикой дружу
 И кое-что перевожу.
 А мой словарь немецко-русский
 (Год выпуска – 42-й)
 Несёт привычные нагрузки,
 Поскольку он помощник мой.
 Наградой – редкие мгновенья,
 Когда учитель час найдёт,
 Чтоб детям Шиллера и Гейне
 Могла прочесть свой перевод.
 Жаль, встречи нынче стали редки,
 Хоть мы со школою соседки.

3. МОСКВА. ОСЕНЬ 1942 ГОДА

В ночном Трёхпрудном переулке
 Вовсю гуляли сквозняки
 По типографии, где руки
 Сновали женские легки.
 Где собирали букву к букве
 В слова свинцовые в тот час.
 Душевные томили муки,
 Но отдыха не знали руки,
 И в срок исполнен был заказ.
 Обложки в чёрном коленкоре,
 Как хлеб, обугленный в золе,
 Как ворон вещей на крыле,
 Мне говорят о страшном горе,

* Смотри эпитафия.

Прошедшем по родной земле.
 О партизанских тайных тропах,
 О сёлах, превращённых в гарь,
 После нашествия Европы –
 Мне всё поведает Словарь.
 Сухие жёлтые страницы
 Сто тысяч оттисков хранят.
 Где русские слова стоят –
 Там солнца яркие частицы.
 Им тьма ночная покорится
 И задыхающийся ад.
 Словарь печатали в столице,
 Когда сражался Сталинград.
 Когда мальчишки и девчонки
 В тылах недрогнувшей страны
 Писали на газетах чётко:
 «Рабы – не мы. Мы – не рабы».
 Когда в полях и у станков
 Весь мир спасали от оков.

4. ХРАНИТ ИСТОРИЯ СТРАНИЦЫ...

Словарь – помощник просвещенья,
 Поэтов трепетный слуга,
 Он на войне прошёл крещение
 В холодной Волге и снегах.
 Прямое принял назначение –
 Развязывать язык врага.
 Путь выдался суровый, длинный –
 Вперёд, на огненный закат.
 И пройден был до стен Берлина...
 Бандеровцы стреляли в спины
 Освободителей-солдат,
 От рабства спасших Украину.
 А вы, потомки тех кретинов,
 Вновь Украину ввергли в ад.
 Гордитесь близостью Европы,
 Готовы пасть к её ногам,
 Народу дать ярмо холопа,
 Ведь он ничем не дорог вам.
 Над русской речью измываясь,
 Плачевный выскребли итог:
 Вы у детей отняли радость,
 Что им от Пушкина досталась.
 Но русским словом движет Бог.
 Не вам указывать на лица –
 Гордиться кем и петь о ком.
 Хранит История страницы,

Где Гоголь и Богдан Хмельницкий
 В родстве с героем Ковпаком.
 Забыли вы, что всем известно,
 Как в зал Нюрнбергского процесса
 Неотвратимый суд пришёл,
 И приговор был оглашён.
 Под тяжестью всех злодеяний
 Фашистов и людских страданий
 Возник словарный дефицит.
 Тогда и вызрело в Германии
 Сухое слово «геноцид».
 Мои украинские корни
 Земля сибирская хранит,
 Донецка разделяет скорби;
 Нацизм на Украине вскормлен
 Из рук чудовищных элит.
 Убит Олесь, страдают дети,
 Живут под страхом старики.
 За всё придётся вам ответить,
 Бандеровщины байстрюки*.

5. У ДРЕВА КУЛЬТУРЫ

В России есть такое древо,
 Укоренённое в Сибирь.
 К нему зимой для обогрева
 Летит уверенно снегирь.
 Синички тенькают задорно,
 И не скучают воробьи.
 Никто не затевает споров,
 Здесь все – родные, все – свои.
 Летит, устав от перелёта,
 Истосковавшийся скворец.
 Весной и летом он в заботах –
 Скворчат заботливый отец.
 На древе том, в сплетённых ветках,
 Ненастье легче одолеть.
 Здесь мы,
     Большой России детки,
 Учились говорить и петь.
 Иртыш и Омь зовём родными,
 Какой бы ветер ни качал.
 С Сибирью мы неразлучимы,
 Здесь наши корни и причал.
 Обычай чтим переселенцев
 От славных дедовских времён.
 Хлеб вынося на полотенце,
 Гостей встречает наш район.

* Байстрюк (укр.) – «ублюдок» (от нем. Bastard – «ублюдок»).

И простёр Моисей руку свою на море, и гнал Господь море сильным восточным ветром всю ночь, и сделал море сушею, и расступились воды.

Исх. 14:22

ИСХОД

Далеко не добрым утром Алик проснулся от очень раннего телефонного звонка.

– Штатский, – услышал он голос коменданта, – мы отступаем. Мы уходим. Прямо сейчас. Ты понял меня?

– Понял, – ответил Алик, мгновенно проснувшись. – Где мне вас перехватить?

– Нигде, – отозвался комендант. – Ты меня прости, но мы отступаем на Донецк, и я даже не знаю, дойдём ли. Это серьёзно. У меня куча военных, за которых болит голова, и мне совсем не хочется иметь ещё одну головную боль – штатского. Если тебя убьют, что я твоей маме скажу? Могу посоветовать только одно: попытайся лечь на дно. Может быть, пронесёт. Здесь для тебя шансов погибнуть гораздо больше. Штабные документы я забрал с собой, так что там не осталось ничего, где бы твоё имя фигурировало. Дальше думай сам. Всё. Отбой.

– Отбой, – ответил Алик.

И охренел.

И немудрено – только вчера записывался видеоролик с обращением коменданта к жителям города, где говорилось, что всё в порядке. Что позиции стоят крепко и нерушимо и всё, что требуется от мирных, – сохранять спокойствие. И вдруг – отступление. Объяснение этому могло быть только одно – любой манёвр есть военная тайна, и комендант, заранее зная об отступлении, не мог, не имел права сказать об этом заранее, тем более в эфир.

Алик тут же набрал номер Шерифа, коменданта здания штаба. И Шериф ответил ему:

– Да, всё так. Якут правильно тебе сказал. Мы уже за пределами города. Так что да, либо ложись на дно, либо уезжай.

– Понял, отбой, – ответил Алик и после нажатия кнопки отбоя прорычал: – Твою мать!..

Ну что ж... Он действительно занимался в штабе краматорского ополчения исключительно

гражданскими делами. И оружие не носил. И позывной его был – Штатский. Но разве в этом дело? Если каратели его арестуют, они на это не посмотрят. Так Алику подумалось сразу.

Между тем за окном стояло совершенно раннее утро, но после таких новостей было уже не до сна. Алик нервно выкурил сигарету и стал одеваться, даже не попив утреннего чая. Какой чай, Господи? До него ли сейчас? Прежде всего нужно было выйти на улицу и увидеть своими глазами, что происходит, а уже потом о чём-то думать и что-то решать.

– Сынок, ты далеко собрался? – услышал он голос ещё не проснувшейся мамы.

– Нет, мама, я скоро.

Алик уже очень давно ничего не боялся, но сейчас, как только он вышел на улицу, ему стало не по себе. В городе было мертвецки тихо. Если бы не птицы, которые после любых обстрелов пели по утрам, недолго было бы и с ума сойти. На улице не было ни единого человека. На дороге не было ни единого автомобиля. Это привело Алика в ступор – ведь даже в самые страшные дни блокады хоть изредка, но ходили и машины, и даже редкие смелые таксисты. И на поднятую руку всегда останавливались и подвозили. Бесплатно. Таксисты – за символические копейки. А сейчас – никого. Хоть собак гоняй. Это была первая недобрая примета. И к сожалению, не последняя.

Когда Алик дошёл пешком до штаба ополчения, он увидел вторую примету, ещё более зловещую. Возле входа в штаб топтались какие-то мутные мужики, которых Алик никогда здесь раньше не видел. Изнутри столь же мутные мужики вытаскивали коробки, которые тут же грузились в машины и увозились непонятно куда.

«Эх, – вздохнул Алик, – не успели оккупанты в город войти, а мародёры уже тут как тут. Что же вытаскивают, суки? Гуманитарку, не иначе».

Действительно, в штаб регулярно приходила гуманитарная помощь для ополченцев. И что характерно, ни один ополченец не съел оттуда ни единой крошки и не присвоил ни одной тряпки. Всё раздавалось мирным жи-

телям. Да, раздавалось не так оперативно, как хотелось бы, но всё же... Алик тут же вспомнил, как ответственный за раздачу человек однажды подошёл к нему и спросил:

– Алик, как ты считаешь, как мне с этим справиться?

– Да очень просто, – ответил Алик. – Нужно раздавать помощь самым нуждающимся. То бишь инвалидам и ветеранам. А теперь оглянись: в здании, что напротив, находится Общество ветеранов. Оно закрыто, не ломай двери. Моя мама – зампредседателя Общества ветеранов. Будет нужно – я у неё списки возьму. А Общество инвалидов находится в Старом городе, буквально в двухстах метрах от моего дома. Мне будет несложно завтра утром зайти туда и взять списки. С фамилиями, с адресами. Легко!

Список ветеранов действительно был составлен на следующий день. А с инвалидами всё оказалось не так просто. Как выяснилось, всё руководство Общества инвалидов исчезло из города. Они вывезли группу инвалидов в Одессу и там остались вместе с ними. И появились в городе только после прихода карателей. И вывозили инвалидов на всякие проукраинские сборища и шабаши. В креслах. С жовто-блакитными флагами. Создавали, так сказать, массовку. Впрочем, не будем о грустном...

Но что ветераны, что инвалиды – люди, которые не всегда сами в состоянии прийти за гуманитаркой. Нужен как минимум микроавтобус, чтоб развезти её по адресам. А он под рукой оказывался далеко не всегда. И потому гуманитарка частенько стояла на первом этаже, упакованная в коробки и готовая к развозке. Вот её-то и растаскивали новоявленные мародёры.

Алик вздохнул, развернулся и пошёл в сторону дома. Возле штаба ему больше нечего было делать.

«И что теперь?» – спрашивал себя Алик по дороге домой. И не находил ответа. А возле дома зашёл в магазин, взял водки и, вернувшись домой, тут же прошёл к себе в комнату, открыл... И немедленно выпил.

И ушёл в запой.

Сколько дней прошло, три или четыре, Алик не осознавал. Всё это время он мрачно пил водку. Иногда выбирался в магазин, пополнял запасы и немедля возвращался домой. Но всё хорошее имеет свойство заканчиваться, так что то ли на четвёртый, то ли на пятый день Алик внезапно обнаружил, что водка кончилась. И деньги тоже. Одновременно. И с этим нужно было что-то делать.

Алик тяжело задумался.

«Ну а что тут думать? Нужно добывать денег. Где? Снять с карточки. Но вот в этом-то и вся загвоздка... У меня карточка филиала Сбербанка России. Отделение Сбербанка разбило снарядом, и больше нигде в городе я денег не сниму. Нужно куда-то ехать. В соседний город. Но только не в Славянск, там вообще всё разбито вдребезги. Нужно в другую сторону. В Дружковку. Там вообще практически не стреляли. На нас бросили все силы, а на Дружковку их уже не хватило. Значит, нужно ехать туда».

С этим решением Алик взял в руки телефон, нажал несколько кнопок и спросил:

– Паша?

– Он самый! – раздался в ответ бодрый голос. – Привет из города-героя Дружковки!

– Город-герой Краматорск аналогично приветствует тебя, – хмыкнул Алик в ответ. – Ты лучше скажи мне, у вас филиал Сбербанка России работает?

– Конечно, работает, куда ж ему деваться, – даже удивился вопросу Паша.

– Отлично. Тогда я еду к вам.

– Когда?

– Да хоть сейчас.

– Автобусы же не ходят...

– Не впервой.

– На въезде в город меня набери, я встречу тебя возле банка.

– Замечательно. Добро.

Алик встал и начал одеваться.

– Ты куда, сынок? – тут же спросила его мама.

– В Дружковку. Денег с карточки сниму.

– Осторожнее там.

– Не впервой...

Алику повезло: он достаточно быстро поймал попутную машину и спустя какие-то полчаса уже въезжал в Дружковку. И вот тут-то, прямо на въезде, он увидел третью зловещую примету времени. Он сидел, задумавшись о чём-то, и вдруг водитель толкнул его локтем в бок и указал на окно со словами:

– Смотри. Зачистка.

И Алик увидел: несколько вооружённых людей в камуфляже колотили прикладами в чьи-то ворота. За кем-то пришли. Метров через триста картина повторилась. Потом ещё. И ещё. Впечатление было такое, словно арестовывают весь город. И вокруг стояла такая же пугающая тишина, нарушаемая только ударами прикладов в ворота.

– Вот и пришли к нам каратели, – задумчиво произнёс Алик.

Другого слова у него не было. Ополчение, что бы о нём ни сочиняли, всегда старалось не обижать мирных, и уж если приходилось кого-то арестовывать, то это всегда было ЧП. Каждым подобным случаем занималась военная полиция, которая тщательно разбиралась в причинах ареста, выясняла, не было ли оговора, и если арестовавшие мирного были неправы или превысили свои полномочия, разбор был быстрым и наказание виновных жёстким. А чтобы вот так, среди бела дня... Да такого в кошмарном сне присниться не могло! Так поступают только каратели. Охреневшие от собственной вседозволенности.

Зато центр города выглядел почти спокойным. Алик с невольным изумлением разглядывал улицы без разрушений, улицы, полные прохожих, улицы с работающим городским транспортом. Оказывается, за время блокады он от всего этого отвык, и поэтому сейчас слегка диковато озирался по сторонам, глядя вокруг изумлёнными глазами. И увидев встречающего его Пашу, не сразу его узнал.

Они обнялись, и Паша тут же заторопил Алика:

– Идём скорее, пока ты ехал, я тебе очередь занял.

И это было-таки совершенно правильное действие! Алик прекрасно помнил суточные

очереди у банкоматов, когда нужно было записываться с утра и снимать деньги в лучшем случае на следующий день. Здесь тоже была очередь большая – ведь не один Алик приехал сюда из другого города, – но терпимая. Два-три часа не время.

А когда деньги были получены, Паша предложил:

– Ну что? Поедем ко мне? Хоть поговорим. Расскажешь, что и как.

И у Паши за стаканом коньяка Алик разговаривался. А Паша слушал и только качал головой. Сначала недоверчиво, потом недоумённо. Да и понятно: во время блокады информация из Славянска и Краматорска даже до соседних городов практически не доходила. Либо доходила в искажённой форме. В основном всяческие страшилки. О страшных разбойниках-ополченцах, грабящих население направо и налево, о чеченских боевиках, устраивающих поголовный террор, о русских уголовниках с наколками от плеч до пяток, выпущенных из тюрем специально для войны на Донбассе... да мало ли всякой лжи нагромождалось вокруг первых донбасских городов-героев. Паша молча всё это выслушал, после чего задал единственный вопрос:

– А штаб ваш где находился?

– Как где? – удивлённо переспросил Алик. – В здании исполкома. Где ж ему ещё быть?

– Мать... – вздохнул в ответ Паша. – А до меня доходил слухок, что вы базировались на первом этаже детского дома. А на втором были дети. И вы ими прикрывались от обстрелов.

– Паша, ты с ума сошёл? Это же наш город. Это же наши дети. От кого ты это услышал?

Паша назвал имя общего знакомого, который когда-то очень давно жил в Краматорске, но уже много лет как после окончания медицинского института перебрался в Харьков и нёс оттуда всяческие небылицы о зверствах ополченцев. Ему из Харькова было виднее.

– Передай ему при встрече, чтоб не попадался мне на глаза, – попросил Алик. – Я, конечно, известный гуманист и филантроп, но за такую ложь я ему голову отобью, и рука не дрогнет.

После паузы Паша задумчиво произнёс:

– Он ещё в апреле вывез из Краматорска маму и поселил её где-то в селе на Полтавщине. И там её не приняли ни соседи, ни местные власти. Сказали, что им сепаратистка не нужна. Она сейчас там на птичьих правах, а он... может быть, потому он и утверждает подобные вещи?

– Пашенька, дорогой мой... – вздохнул в ответ Алик, – Честное слово, это его ничуть не оправдывает. Ни в моих глазах, ни вообще. Это же последнюю совесть продать...

За такими невесёлыми разговорами они просидели почти до вечера. Уже начинало смеркаться, когда Паша вывел Алика на трассу, и они поймали машину до Краматорска.

Алик вышел из машины возле вокзала. До дома нужно было пройти метров триста. И на полпути Алик увидел нечто такое, от чего попросту оцепенел. На улице стоял ящик. Большой фанерный ящик с прорезью в верхнем торце, как у избирательной урны. Выкрашенный в жовто-блакитный цвет. С нарисованным бандеровским трезубцем. И крупной надписью: «Сообщайте о сепаратистах и террористах!»

Немая сцена. Через какое-то время, выйдя из ступора, Алик отправился дальше, размышляя о своём. И мысли его были невесёлыми.

«Да... Наступило не только время мародёров и карателей, но и время стукачей. Как-то так вот, сразу... Интересно, когда меня сдадут? И кто будет первым? Если уже не сдали... Мало того, начнут сдавать всех подряд. Кому-то сосед не нравится, жена у него красивая. Возьмёт и напишет: мой сосед, такой-то и такой-то, сепаратист и террорист. И ведь даже подписываться не станет. Всё равно никто проверять не будет. Придут за соседом и закроют. Может, и меня уже у порога ждут...»

К счастью, у порога Алика ждал только огромный серый кот тигровой масти. Он всегда, только лишь Алик заходил в подъезд, стремглав нёсся к двери его встречать. Как только Алик перешагнул через порог, кот приветливо потёрся о его ногу. Алик улыбнулся, погладил кота и произнёс:

– Зверик... У дверей встречаешь... Нужно было бы тебя Аргусом назвать. Хотя это был

пёс... Ну ничего. Теперь здесь будет твой пост. Будешь сторожевой кот. Укропов будешь на части рвать. Ты это сможешь, я в тебе уверен.

– Дурак, – прокомментировала мама его слова.

Войдя в комнату, Алик сразу же включил компьютер и пошёл ставить чайник. И только компьютер загрузился, тут же страшным голосом заорал «Скайп». На окошке вызова Алик прочёл имя своего давнего ростовского друга.

– Алька! – закричал тот, едва Алик отозвался на звонок. – Ты как там?

– Да как... Жив пока.

– И это хорошо. А где ты находишься?

– А где я могу находиться? Здесь, в Краматорске.

– Алик, ты совсем с ума сошёл или ещё нет? Что ты там до сих пор делаешь? Ждёшь, когда за тобой придут и расстреляют? Или надолго закроют? Герой хренов! Короче, поднимайся и езжай сюда! Немедленно! Мы все тебя ждём, ты нам нужен! Видали красавца, забаву нашёл – в Краматорске сидеть?! Вали сюда, я желаю видеть тебя своими глазами! Понял?

– Сынок, – раздался за спиной у Алика голос вошедшей в комнату мамы. – Твой друг совершенно прав.

Проснувшись следующим утром, Алик не обнаружил маму дома. Она пришла через пару часов и положила на стол билет.

– Это тебе, – сказала она Алику. – На автобус. До Харькова. Завтра утром.

Алик пробурчал что-то невнятное, поднялся и достал из шкафа старый надёжный рюкзак.

– Что возьмёшь с собой? – поинтересовалась мама.

– Самое необходимое. – И, бросив сожалевший взгляд на книжные полки, добавил: – И ни грамма лишнего веса.

– Ну а всё-таки?

– Чистые брюки, пару рубашек, носки и смену белья. Свитер на всякий случай. И достаточно.

– А куртку? А тёплые вещи?

– Зачем? Июль на дворе, жара стоит невыносимая. Какие тёплые вещи?

– Июль будет не всегда.

– Да брось ты... К зиме вернёмся.

Наивный чукотский юноша... Он был в этом свято убеждён.

Завтрашним утром невыспавшийся, злой и похмельный Алик сидел в автобусе и ворчал:

– Козлы... двадцать лет меня дома не было, мотался по всей стране. А когда вернулся, думал, что уже навсегда. Так нет же, принесло этих западенских педерастов, и опять меня из дома выживают... Чтoб у них у всех рога на лбу повыврастали... чтoб они все попередохли тут... чтoб им своей Галичины век не увидеть... чтoб... – Дальнейшие пожелания можно не цитировать, достаточно заметить, что каждое новое было гораздо более вычурным и непристойным, нежели предыдущее.

Под эти заклинания автобус тронулся. Алик вздохнул, полез в рюкзак, достал оттуда бутылку и стальной стакан, выпил и, не прекращая пересчитывать все виды сексуальных извращений, которыми он желал бы заняться с карателями, уставился в окно. И первое, на что он обратил внимание, – автобус пошёл не в ту сторону. Лишь через несколько секунд Алик осмыслил, что обычно харьковский автобус идёт через Славянск, но Славянск разбит. А во время блокады очень редкие автобусы проходили в Харьков по сельской местности, в обход блокпостов. Очевидно, водитель был из тех героических шофёров, что ходили этой дорогой. Подумав об этом, Алик успокоился и уже с любопытством смотрел на окружающую местность. Здешние дороги он знал очень неплохо, и сейчас, глядя на названия сёл, через которые проходил этот окольный путь, только диву давался, представляя себе, какими кругами и зигзагами идёт автобус, и мысленно отдавал должное мастерству водителя, который ехал уже третий час и ни разу никем не был остановлен.

Но наконец, уже где-то на границе области, автобус остановился. Дверь открылась, и с улицы прозвучало:

– Мужчины, все с документами на улицу.

Люди начали подниматься со своих мест. Поднялся и Алик, слегка качнувшись

от выпитого. Едва он оказался на улице, как к нему тут же подошёл какой-то нездорово злой мужик с автоматом и приказным тоном заявил:

– Снимай рубашку.

Чуть позже Алик понял смысл этого требования. Конечно же, каратели искали на теле следы от оружия – в первую очередь потёртости от автоматных ремней, а также возможные следы от ранений и прочее. Но Алик понял это позже. А тогда... Тогда он поднял на карателя совершенно мутный взгляд и ехидно спросил:

– Трусы кружевные тоже снять? Тут тебе что, стриптиз, что ли?

Мужик взъярился.

– Снимай рубашку, тебе говорят! – гаркнул он дурным голосом и схватился за автомат.

– На, любуйся, – ответил ему Алик и стащил с себя рубашку, бормоча при этом под нос: – Педик какой-то...

Мужик окинул его взглядом и приказал:

– Спиной повернись.

– И что? – ехидно поинтересовался Алик, поворачиваясь спиной.

И мужик с автоматом ответил:

– Чистый...

– Это всё? – произнёс Алик и, не дожидаясь ответа, заявил: – Тогда я пошёл.

И пошёл. В автобус.

И только усевшись на своё место и приняв внутрь очередной глоток, Алик сообразил, что этот мужик с автоматом, явно оскорблённый в лучших чувствах, сгоряча забыл проверить его документы.

«Вот хорошо, – удовлетворённо подумал Алик. – В глаза б они не видели моего паспорта. Он забыл, а я напоминать не буду. Обойдётся.»

Между тем люди потихоньку возвращались в автобус и рассаживались по местам.

Наконец автобус тронулся. Алик тут же достал из кармана телефон, нашёл нужное имя и нажал кнопку вызова.

– Володя, здравствуй! Я таки прошёл первый блокпост, всё в порядке. Посмотрим, что будет дальше.

– Отлично! – услышал он в ответ. – Давай, чтоб и дальше всё было удачно!

– Попытаюсь.

– Я на связи.

– Аналогично.

По предварительной договорённости Алик в дороге держал с Володей постоянную связь. Если бы его где-то задержали и Володя не получил звонок, он смог бы из Донецка поднять шум на тему пропажи человека. Конечно, вероятность благополучного исхода даже в этом случае была бы мизерной, но она всё-таки была.

Нажав на кнопку отбоя, Алик вновь посмотрел в окно на бескрайнюю, ровную, как море, степь, и в его сознании отчётливо прозвучал стих из Книги Исхода:

«И обвёл Бог народ дорогою пустынною к Чермному морю. И вышли сыны Израилевы вооружённые из земли Египетской».

Алик был человеком верующим и хорошо знал Священное Писание, но никогда не был нездорово религиозным и потому неукоснительно соблюдал третью заповедь – не поминал имени Господа всуе. Но сейчас, осознав минувшую ситуацию, он облегчённо вздохнул и совершенно искренне произнёс: «Слава Тебе, Господи!» – и ему стало легче. Настолько легче, что он с удовлетворением отпил ещё глоточек, закрыл глаза и задремал.

И проснулся он на въезде в город Изюм. На горе Кременец.

И вновь за окном был блокпост. И вооружённые каратели. Очень серьёзно настроенные. И вновь открылись двери автобуса. И на этот раз прозвучало:

– Все с паспортами – на улицу!

«О как... – подумал Алик. – Женщин тоже будут раздевать?»

Но здесь раздевалки не было. Выходящих людей сразу начали ставить в строй. В руках одного из карателей была прозрачная папочка с какими-то бумагами. Явно со списками.

Алика спасло чудо. Точнее, какой-то звериный инстинкт, тут по-другому не скажешь. Он не был готов к такому обороту событий, он не знал, есть ли его имя в тех списках. А наверняка могло быть. И он без малейших раздумий обратился к первому же попавшемуся карателю с автоматом, стоявшему возле автобусной двери:

– Мужик... Где тут у вас сортир?

- Кто? – изумлённо переспросил каратель.
- Сортир, – повторил Алик.

После недолгой паузы до карателя дошло, что от него хотят, и он показал на одноэтажное здание через дорогу:

– Воц, видишь здание? Через дорогу. В нём военкомат, а в военкомате сортир.

– Понял, – ответил Алик и не спеша пошёл через дорогу. Намеренно не спеша, постоянно ожидая окрика «стой!» и жёсткого шмона. Но, к его удивлению, ни окрика, ни шмона не последовало. Он не спеша перешёл дорогу, дёрнул дверь военкомата, и та оказалась открытой.

– Мужик, – спросил он дежурного. – Где сортир у вас?

– Пройди по коридору насквозь, выйдешь во дворик, увидишь, – равнодушно ответил дежурный и уткнулся в кроссворд.

И Алик так же не спеша прошёл по коридору, вышел во дворик, увидел сортир, зашёл в него, а выйдя, не спеша выкурил сигарету и только потом направился к автобусу.

Подойдя, он увидел, что худшие его опасения оправдались. Строй стоял возле автобуса, и у всех поголовно проверяли документы и сверялись со списками. Повторюсь, Алик не знал, есть ли в этих списках его имя, но у него не было ни малейшего желания проверить это. Потому он молча подошёл и встал в ту часть строя, которую уже проверили. И на него никто не обратил внимания. Это было дико, это было невероятно, но так случилось.

Алик не верил. Алик отказывался верить в то, что ему так непомерно повезло. Даже тогда, когда автобус тронулся с места и стал с каждым мгновением увозить Алика всё дальше от изюмского блокпоста, он всё ещё не верил. Даже тогда, когда он перезвонил своему донецкому другу и отчитался о том, что всё в порядке, он всё равно не верил. И лишь через какое-то время, успокоившись и отдышавшись, он понял, что сегодня Господь очень хорошо отнёсся к нему.

Спустя несколько месяцев, в Москве, Алик разговорился со своим старым товарищем, хорошо знавшим толк в военном деле. Тот выслушал рассказ Алика и кратко прокомментировал:

– Это всё потому, что тамошние идиоты ничего не умеют. Даже поставить нормальную гребёнку и просеять всех выходящих. Прислали необученных... Был бы я там, я бы смог наладить работу как положено и их заодно научить. Но я там не буду. Не нравятся они мне.

Алик невесело улыбнулся и ответил:

– Ну так очень хорошо, что тебя там не было. Может, кому-то ещё вот так повезло. А что тебя там и не будет – так это ещё лучше. Иначе я с тобой за столом не сидел бы.

Но это было потом. А тогда, допив водку, Алик уже спокойно задремал, и его никто не трогал до самого Харькова. А там его встретили друзья. Спасибо, что Бог не обидел Алика друзьями!

Дальше – звонок в Донецк.

– Володя, всё в порядке. Я вышел, я в Харькове. Меня встретили.

– Отлично, Алик! Я спокоен. Удачи тебе. Отбой.

Дальше – квартира одного из ребят, где в Алика влили какое-то количество коньяка, а потом долго расспрашивали обо всех событиях. Как очевидца. И Алик, прекрасно понимая, что сюда правдивая информация не поступала вообще, рассказывал без усталости обо всём. До позднего вечера. Пока не уснул.

А наутро – снова автовокзал, билет до Воронежа и по бутылке пива с друзьями на перроне. А через час – украинская граница, где Алик впервые за всю дорогу положил на стойку свой паспорт, и никто не задал ему ни одного вопроса. Это позже украинские тамошники сделались драконовскими. А тогда Алику ещё раз повезло.

И наконец-то – Россия.

На белгородском автовокзале Алик снял оставшиеся деньги с карты. То, что их было немного, его не беспокоило: руки есть, голова на месте – заработаем. А пока ещё бутылка пива вдогонку, затем в автобус – и спать. Время выпасться было. Далее сутки в Воронеже – и в поезд.

Ростовский вокзал встретил Алика сутолокой. Вокруг сидели, лежали, бродили толпы

таких же, как и он, – ушедших. В кассовом зале стояли столики, где проводилась регистрация беженцев. Что с ними будет дальше, не знал никто. Слухи ходили самые разнообразные: и о спецлагерях для беженцев, и о расселении их по малолюдным регионам России, и... о чём только не говорили сорванные в одночасье с места растерянные люди. Алик запомнилось объявление на вокзальном туалете: «Прибывшие из юго-восточных областей Украины обслуживаются бесплатно», – чем он и не преминул воспользоваться. А вот регистрироваться не стал. Ещё в Краматорске ему объяснили, что если ты зарегистрируешься и получишь статус беженца, могут возникнуть проблемы при возвращении домой, а Алик свято верил, что возвращение не за горами. Потому он сказал себе: бог с ней, с регистрацией, поживу пока нелегалом, не привыкать, а дальше видно будет. И вышел из здания главного вокзала.

Пригородный вокзал находился в пятистах метрах. Алик перешёл туда, сел на таганрогскую электричку, вышел на полпути и... задохнулся от свежего воздуха и тишины. Совсем другой тишины. Не пугающей. Господи, как давно он здесь не был!

Дальше оставалось совсем немного – перейти через луг и подняться на взгорочек к домам. Поднявшись, Алик зашёл в один из двориков, где узнавшая его собака даже не залаяла, а сразу кинулась под ноги ласкаться. Погладив собаку, Алик поднялся на крыльцо. Двери в этом доме никогда не запирались, так что Алик просто открыл дверь и вошёл в дом. И хозяин дома, старый друг Алика, поднялся ему навстречу, обнял и произнёс:

– Алька... Добро пожаловать домой!

Домой... Какое чудесное слово! Это по-настоящему понимаешь только тогда, когда лишаешься дома. Алик всерьёз собирался вернуться домой к зиме, но прошло уже две зимы, а воз и ныне там. И он такой не один – огромное количество людей было вынуждено покинуть свои дома, и сейчас одни из них воюют за право

вернуться в свой дом, но в дом без предавшей их Украины, а другие, сжав зубы, терпеливо ждут. Вот только война за это время приобрела полномасштабный характер, и иногда кажется, что не будет ей ни конца и ни края. Но люди воюют. И ждут.

Спустя неделю после приезда в Ростов Алик вызвонил корреспондент одной из местных газет и договорился с ним о встрече и интервью. Они встретились в одном из центральных кафе, где подавали исключительно чай, но очень хороший чай, выпили по чашечке, заказали ещё и начали разговор. Корреспондент, молодой мальчик, начал беседу со слов:

– Итак, вы приехали из зоны АТО...

И Алик тут же резко прервал его:

– Молодой человек, давайте, прежде чем начать беседу, определимся с терминологией. Что такое АТО? Антитеррористическая операция. То есть, по определению, блокировка и уничтожение террористической группы. Я повторю: террористической группы, а не населения двух областей! Поэтому то, что у нас происходит, – это не АТО. Это гражданская война. И мы можем вести беседу только с этой позиции. Если вы придерживаетесь другого мнения, то нам с вами не о чем разговаривать. Действительно, молодой человек, я не шучу. На Донбассе идёт гражданская война. И люди там заняты очень важным делом. Они отстаивают русский мир. И это касается всех. И вас тоже. Донбасс сейчас – форпост. Если его уничтожат, вы – на очереди. Никто не отсидится. Да и я здесь не отсиживаюсь. Ростов для меня – всего лишь пункт перепряжки. Рано или поздно я обязательно вернусь домой, потому что там я нужнее.

Действительно, не прошло и года, как Алик вернулся в Донбасс. Пусть пока и не в родной Краматорск, но всё-таки вернулся. Впрочем, это уже совсем другая история.

Александр СУРНИН

Светлана ЛЕОНТЬЕВА

Уйти не смогу...

* * *

Вся жизнь как мучительное прикосанье:
чужою судьбой обжигая себя я.
О, сколько мне раны, как в притче, власами
друзей отирать, воздух жадно глотая?
До самого мая.

Я думала, что всё наладится скоро.
Как я ошибалась, наивная дура.
Всё так же прямою наводкой по школе,
всё так же от взрыва горит арматура.
Открытое настезь распахнуто поле.
Глаза тех людей, что сейчас под обстрелом,
вы видели?
Это такой сгусток боли.
Смещается сердце куда-то сквозь тело.
Глаза – два огромные озера словно.
Глаза словно два «О полку» вещих слова.
Глаза – жуть ледовых побоищ, что возле
Вороньего камня, на Узмени слёзы.
Глаза – Марианские впадины. Жёлоб
как будто космического измеренья.

По полю иди! Под обстрелом тяжёлым,
а после, старушкою, встань на колени.
А ноги как ватные, как деревяшки
негнущиеся! Мышцы, косточки, хрящик.

Мне Ольга Арент говорила, как братство,
слова её были. Как к тётке добраться
моей, что на линии фронта. Да, фронта!
И фильм снял про зайцевский храм
Полубота.

Красивы люди! Алёша и Ольга.
О, сколько они пережили! О, сколько!
А в Харькове – в городе доброго сердца –
подруга живёт у меня Владислава.
Стихи её –
космос сумел бы согреться,
стихи её –
в Арктике сделали б лаву.

Так вот: написала, что укрофашисты
стихам не открыли проход и границы!
Доколе, доколе, доколе, доколе
идти нам сквозь пули по этому полю?

Стреляй, гад! Я здесь в шёлке из
Магеллана.
Ты целился плохо.
Вот – рана.
Она никогда не затянется боле,
рву пуговики я на груди: целься, что ли!
Здесь церковь сгорела. Детсад разбомбило
с игрушками – мячик, медведь, бегемотик.

Огромное в небе сияло ярило –
горячее солнце всеобщих прародин.
Теперь нам куда? В совпадение музык
на этом открытом всем пулям
пространстве?
Уйти не смогу, я – тот смертник, тот лузер.
Уйти не смогу.
Так же как и остаться.

ВЕРХНЕПЕЧЁРСКАЯ ИПОСТАСЬ

(отрывок)

1.

Пускай я не спою, так хоть оплачу
откос крутой, нависший над рекой,
где одуванчик золотой, цыплячий
растёт сквозь сердце, рвёт корнями слой,
двенадцать пар моих упругих рёбер.
Пусть не спою, но выношу в утробе
дорогу вверх, в Печёрский монастырь.

И если вам сподобится однажды
приехать в Нижний Новгород, где вширь
разлёгся город – древний мой, отважный,
характер у него многоэтажный,
он слеплен из эпох – «карман, банкир»
Руси всея. Храбры нижегородцы.
И если всё же, всё же вам придётся
здесь побывать, сходите вы в Печёры,
как будто огненная печь, пещеры, норы,
пещное действо. Выпекает так
из времени, огромного, как сердце,
из прошлого, наивного, как детство,
Печёрский монастырь – большой, как песня,
весь белый, как морской архипелаг.

Земля Франца-Иосифа как будто.
Неважно, вечер, полдень или утро,
но ваша жизнь становится прямой.

Не трогай руку мне. Мне без тебя больней,
высокий луч, что полон перламутра...

2.

Сперва вся бытность ваша, как ступени
не вниз, а вверх! О, сколько поколений
вот эта церковь – церковь Вознесенья,
обитель тихая – увидела сполна?
Кто вы перед огромным, небоскрёбным,
вы – мотылёк, зверёк ли, птичье пенье,
песчинка, нитка белого рядна?
И даже гвозди острые, стальные
(вы помните ли строчки «не вобью?»),
а мне вбивали, свете тихий, клинья
в мои ладони! Камни ледяные.
Тогда мне было между тридцатью.

Сейчас июль. Итак, иди по тропке,
«ради усопших братий» в загородке,
что ближе к городу. Когда с откоса храм
сошёл от молний грозных, что в слободке
звучали, к помощи взывал к своим сынам.

Но, как известно, без казны какая стройка?
Как глыбы выдолбить, вросли что в гору стойко,
как выровнять упрямые холмы?

Подточенные родниками брёвна,
кусок земли ополз и лёг неровно,
и «паче осыпаться», страшны
с тоской и грохотом. О Господи, что сны,
ужель возможно наказание сие нам?
Молитесь, братия! Остались лишь нетленны
Иоасафа мощи, ризы льны,
гроб, что сколочен был из досок деревянных.
Всё это вынесено было на поляны,
цветущие ромашкою с весны.

3.

Так расстилается Печёрский монастырь
с четырнадцатого, посчитай, столетья.
От царствия Ивана Калиты, как дети
мы все его!

Мы без него – пустырь.

А с ним мы – дом.

А с ним мы – правда, снизу
одна из башен здесь, как будто в Пизе
наклонная.

После нашествия татар
обитель всю разграбили. Как в дар
отдали сокровенное, мол, нате!
На пятьдесят сажень спустившись ниже.

Братьев

схватив с собою!

Но не быть ярма.

Царь Михаил был добр и щедр весьма,
и одарил казной он для строений.

Но до сих пор сквозь листья и траву
здесь можно видеть основание во рву
уже как шесть столетий и шесть бдений.

Мирское словно порознь: в книге книг,
в синодике есть имена и списки,

владельческих домов боярских снизки
и грамоты, и имена ярыг,
посадских дьяков и простых слободских.
О, сколько, сколько там нижегородских
из рода Репиных, из Бельских!
В вечность миг
за мигом так проскальзывает тихо,
на цыпочках. Но не будите их вы,
уснувших там, в монастыре, где доски,
где стены, где лепнины белой стук.

4.

Дал на поминоку восемьсот рублей он:
служить собором, поминать келейно
хлебами, рыбой, калачами, мёдом,
не порознь, списком помянуть синодным.
О, так же точно мя бы помянуть!
Почасно ли, подневно, годовало.
Вот здесь вчера я, братья, побывала.
Таким благословенным был мой путь...
Я заросла веками вся, как есть.
По всей Руси меня так растянуло
до моря Белого от Чёрного, как весть
трубящую, взывающую в гулы
и гуглы, в отклики старославянской вязью.
О, как мечтала я об отклике, о связи
такой обратной, проще, как фидбек.
Я из ребра, из правды имярек.
Из слёз твоих слеза.
Из чрева – матерья.

И пел мне хор моих печёрских братьев.
Теперь я стала Божий человек.

5.

Человек жив обратную связью лишь,
отзывом, откликом, если хотите.
А теперь хоть арабскою вязью откликнись,
хоть под алые шли паруса,
да хоть рыцарем храбрым, что встал на защите,
да хоть смертником-воином в поле,
сошедшим с холста.
Не отмоешь от старости город, и это
количество лестниц
не уменьшишь уже. И количество солнц
не сморгнёшь, и количество лун.
Я прошла максимальную точку невыносимой

боли той, местной,
что струилась вот здесь, между рёбер,
как будто бы струн.
Мне любой теперь отзыв и отклик, звонок,
СМС ли, общение,
восхищенье, тибетские письма, арви
и китайские «лы»,
руны, куонкнги слышатся так,
как сплошное прощенье,
словно на распродаже: базарные дни
так светлы.

И кармические все узлы растрепались,
ослабли.

Из горящего дома не надо, не надо занозы
из сердца, что вглубь проросли,
сколько ни наступай – иступились лопаты
и грабли,
я прошла максимальную точку всех горестей
тех, что руин
не оставили, что не оставили камня на камне,
что письма на письме, что река на реке.

Ты пойми,
человек совершенен прощеньем, разрывом,
рыданьем.

Я так несовершенна! Я так не рыдала о них!
Я жалела всегда стариков и собак тех,
что бросили люди,
я жалела котят, переживших хозяина. Им
так нужна эта связь, что обратна,
что руны, что руды,
проангличенный «фид», сокращённый
до цифры, как нимб.

Скоро станем мы все кодом, цифрами,
шифрами, видом,
хоть века несём в генах. А во мне столько их,
столько их!

Аномалий, солярисов, скважин космических, ибо
я прошла эту точку, сакральную точку любви.
И теперь живу так, как в младенчестве,
старости, в детстве,
на реке, где жуки, водомерки бегут,
как стихи по воде.

Не нужна эта связь мне обратная, лайки,
отдачи, реестры.

Лишь жалею собак, стариков. И хороших
жалею людей.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Путь, или, если проще выразиться, дорога, – неотъемлемая часть моей жизни. Может быть, самая важная. Может быть, ещё больше – дорога и есть моя жизнь, причём не в переносном, а в прямом смысле. Рёв паровозов моего детства, тяжёлое движение грузовика к перевалу, лязгающий рваный ход гусеничного вездехода в тундре. Взгляд с кормы корабля на барк «Товарищ», идущий бейдевинд. А чаще всего – пеший маршрут. В горах, в тайге, пустыне, саванне...

Что же есть цель пути? Очень просто. Цель – это личность. Это я сам, такой, какой есть. В каждый миг – тот же самый и всё равно новый, другой. Человек однажды рождается, но становится им – всю жизнь.

Воспоминания – тоже путь, и, двигаясь по нему, приходишь к своему прошлому и воссоздаёшь его, а с ним воссоздаёшь и себя, ещё молодого, ещё не познавшего всех странствий жизни. Я всегда любил вспоминать, но сейчас любовь подкреплена необходимостью, настоящим чувством, желанием закрепить, запечатлеть то, что ещё хранит слабеющая память.

Сейчас мне хочется вспомнить о самом, наверное, некомфортном, проблемном, бестолковом и утомительном из всех моих странствий. Было мне тогда двадцать пять лет, шёл 1981 год. Время это уже стало историей, мифоло-

гически исказилось в сознании людей, а кое-где покрылось патиной и ржавчиной. Люди вообще много забывают, и я предполагаю, что большая часть жизненных событий каждого человека утрачивается его памятью с течением лет. Оттого всякая мемуарная литература – источник сведений о времени. Субъективных, неточных? Да, конечно, как, впрочем, субъективны, неточны, зачастую фальсифицированы и исторические документы. Если их вообще не засекретили.

Ну и ладно. Отправимся в путь-дорогу, и пусть нам поможет «чувство истины», доступное детям и поэтам, а дорога приведёт туда, куда нам надо. И началось всё это с завершения – моей геологической экспедиции на Памире. В конце июля мы выехали из Мургаба на экспедиционном ГАЗ-52, гружённом снаряжением и собранными образцами горных пород. Два дня трудных дорог и перевалов, жаркий Душанбе, недолгая стоянка, отправка подчинённых самолётом в Москву – а дальше мне и шофёру предстоял путь в Баку, где предполагалось передать машину другому полевому отряду, отправив экспедиционный груз контейнером в Москву. В общем, стандартные хлопоты полевых геологов.

Долго ли, коротко ли, наконец мы выехали из Душанбе на запад, через городок Байсун.

Вскоре начались цепи скалистых, выжженных солнцем невысоких гор, и там двигатель машины, выдержавший памирские перевалы, вдруг начал сдавать. Он перегревался, в радиаторе закипала вода. И когда горы кончились и перед нами раскинулась ровная Каршинская степь, шофёр съехал с дороги и сказал, что теперь надо разбираться. Дело было худо, двигатель «троил», один из поршней был то ли разбит, то ли повреждён.

Встали мы аккуратно на выезде из маленького города Гузар, и встали намертво. Шофёр возился с двигателем, а я дивился тому, что как-то тускнеет свет в разгар узбекского полдня. Это было неполное солнечное затмение, и сейчас без особого труда можно узнать, какого числа это случилось. На второй день шофёр оставил попытки самостоятельно исправить двигатель – худшие подозрения подтверждались, а запчастей не было. Нас, впрочем, уже заметили в Гузаре – как и в русском селе, здесь, в узбекском городке, все друг друга знали, и о новых людях, да ещё русских на экспедиционной машине, остановившихся на окраине городка, скоро стало всем известно. Молва летит быстрее новостей. Вечером около нас остановилась машина, и высокий крупный узбек поинтересовался, что произошло. Мы рассказали всё как есть. Он выслушал, а потом сказал мне: «Завтра я в середине дня приеду, и ты со мной пойдёшь, будем решать ваше дело». Сам он был, как мы потом узнали, водителем местного рейсового автобуса.

На следующий день он пришёл и повёл меня к ближним одноэтажным домишкам, и у меня случилась настоящая этнографическая экскурсия. Словом, попал я на дастархан, традиции восточного гостеприимства требовали сначала накормить гостя. Сидели в небольшом полутёмном помещении, было нас человек двенадцать, все мужчины. Ели классический плов с бараниной, было очень жарко благодаря полдню и из-за замкнутости помещения (а кондиционеров в таком, практически сельском, строении и быть не могло!), и не в последнюю очередь горячий и острый плов сам добавлял градус.

Говорили по-узбекски, спокойно, медленно. Спросили меня несколько раз, уже по-русски, я каждый раз отвечал и благодарил, так же медленно и спокойно. Всё было тихо за дастарханом, только через щель в матерчатой шторке, занавешивавшей выход, лучился солнечный свет в крошечных искорках от пылинок и через краткие миги промелькивала быстрая женская фигура. А может быть, две, не помню точно. Эта женщина готовила еду, передавала посуду (узкую смуглую руку можно было заметить), забирала опустошённые тарелки. Вечные труженицы Востока...

Наступило время чая. Зелёный, грубоватый на вкус, горячий, и ни единой крупинки сахара, как и положено. Я тогда уже был привычен к зелёному чаю, он мне нравился, а в эту страшную жару в Каршинской степи он был спасением. Жаркое одолевало жару, и было такое чувство, что сам я уже нагрет больше, чем окружающий воздух, который стал казаться мне прохладным. Относительность человеческих ощущений удивительна – так в бане кажется, сначала очень жарко, но после нескольких минут в парной выйдешь – и чувствуешь прохладу.

За первой кружкой чая последовала вторая, а там и третья. Было хорошо, только зудила в сознании нотка нетерпения – ну когда же о деле речь зайдёт? Но я молчал, не спрашивал, не торопил. В самом деле, разве прилично было бы мне, приглашённому и угостившемуся, лезть со своей машиной? И это было правильно. Вдруг ко мне обратились, и сразу коротко, быстро, по-деловому мне было сказано, что сегодня вечером два шофёра приедут и помогут исправить двигатель.

Так оно и случилось. Прибыли двое – тот здоровенный водитель автобуса, а с ним пожилой, маленький и сухонький. Привезли целый поршень, ещё какие-то детали, начали работать, иногда подбодряя себя тонким чёрным порошком (потом я узнал, что это насвай, особая смесь табака с известью). Втроём все шофёры трудились часа два, а я наблюдал да подавал, что требовалось, инструмент или деталь. Так и вечер прошёл, наступила чёрная звёздная ночь. Старший из

наших спасителей говорил: «Главное, тихо ехать, и чуть что, масло заливать, да побольше, побольше». Бутылку масла они нам дали.

Вот как оно было, и денег с нас не попросили, а времени и сил сколько потратили! И сейчас чувствую благодарность к этим людям, а ведь не знаю даже, живы ли они – оба были много старше меня, двадцатипятилетнего. А одно знаю точно – если бы каким-то чудом мы встретились ещё раз, то всё равно не узнали бы друг друга. Столько прошло времени! Стираются детали событий, блёкнут черты, и только добрая память живёт.

А наутро мы тронулись в путь. Сначала Карши, Касан, Каган, а там и Бухара. Ехали медленно, останавливались на редких заправках, спрашивали масло, но его не было. Пол-литровая бутылка уже опустела, израненный движок поглотил всё масло. Но мы были в Бухаре, сказочном городе Востока!

Каждый значимый город, значимый, конечно, в культурном и историческом смысле, обладает присущей только ему особой аурой, уникальной трансцендентностью, открывающейся, впрочем, не всем и не всегда. Мне, наверное, отчасти повезло, и я смог хотя бы краешком прикоснуться к душе Бухары. И сейчас я попытаюсь преодолеть вставшие между нами хребты времени.

Бухара открылась мне неожиданно. Панельная советская застройка расступилась, и возник за ней массив древней городской стены, серый плотный кирпич. В одном месте кирпичная облицовка уже давно осыпалась, и дожди размыли необожжённый кирпич и вскрыли внутренность стены, обнажив переkreцивающиеся брёвна, иссохшие, древние, времён Бухарского эмирата. Контраст массивной и кажущейся незыблемой нетронутой части стены и её размытого дождями нутра очень резок. Но дальше контраст стал ещё больше.

Огромные и дивно лазурные купола своей яркостью любое небо затмить могут. Но небо Средней Азии в разгар лета вообще не голубое. Оно бледно-желтовато-серое, как бы выцветшее от нестерпимого зноя в сорок градусов. И к этому выцветшему небу поднимается блистающая

глазурью лазурь куполов многочисленных мечетей и медресе. Блестят и их огромные порталы, изукрашенные многоцветием изразцов, складывающимся в узоры. Но стены – кирпич цвета слежавшейся пыли, тускло-желтовато-серый. Вот он, главный контраст. Ослепительная трансцендентность Неба, возвышенного над прахом земной юдоли. Небо бессмертно, прекрасно, недоступно и неизъяснимо, земля же – могила и прах могильный, тленная пыль.

Человек покорно склоняется перед лазурью, перед этим образом Бога, и так сочетается с прахом, тленной землёй, тем самым подтверждая своё происхождение из праха и скорое возвращение в прах. Исламское видение Бога и мира заметно отличается от нашего, православного, склонного видеть Бога среди земли, среди её цветов и птиц. Что-то домашнее, в самый быт врастающее есть в религиозном чувстве русского человека. Разные мы.

Но это не мешало мне любоваться и восхищаться, а когда я увидел огромное, многолетнее, несуразное и похожее на скособоченную папаху гнездо аистов на лазурном куполе, то вспомнил я Ходжу Насреддина и подумал о том, что природа (а скорее даже сам Господь её силами) поправляет человека. Недоступен и трансцендентен купол, но гнездо стоит, и каждый год в нём вылупляются птенцы, и зелёный побег жизни вьётся по суровой и жёсткой коре тысячелетнего древа. Мудр человек, но не всегда постигает Бога в самой простой Его черте. Тщится объять величие, но может не узнать «небо в чашечке цветка».

Однако самое высокое сооружение старой Бухары не блещет лазурью. Только кирпич, хмурый и тусклый, слагает массивную колонну минарета Калян, что возвышается на главной площади города, словно гигантская фигура шахматного короля, да и не короля даже, а Шаха, коли уж мы в Бухаре. Лишь в верхней трети минарета есть узкая полоса голубых изразцов, всё остальное – неглазированный фигурный кирпич, складывающийся в причудливые арабески, перемежаемые изречениями из Корана. Простота облика минарета соединена со сложностью и даже вычурностью. И ещё,

в облике Каляна есть суровость. Чем-то родственен он крепостным стенам Бухары, может быть, своей терракотовой массивностью? Не знаю, но вспоминаю легенду о казни сбрасыванием с минарета. Не верю в это, ибо подобные рассказы вообще распространены на Востоке, но минарет самой главной святыни города, Пятничной мечети, не кажется подходящим местом для казней. И всё-таки легенда эта сочетается с суровостью огромной башни.

Калян очень древен (XII в.), это самое старое здание Бухары. Большинство мечетей и медресе относятся к XVI–XVII векам, а есть и совсем поздние. К своему удивлению, наткнулся я на маленькое медресе начала XX века, у входа в которое на стене красовалась табличка «Детский сад имени Павлика Морозова». Анекдотично и печально. Впрочем, вкрапления современности в давно сложившуюся картину культуры обычно ужасны. Вспоминаю, как много лет спустя, гуляя по венскому Бельведеру, наткнулся взглядом на совершенно неуместные в этом парке начала XVIII века современные скульптуры-раскоряки. Впрочем, там хоть идеологическая сущность не давила...

Гуляя по Бухаре, мы, увы, не чувствовали себя спокойно, ибо на самой окраине города движок нашей многострадальной машины застучал. Это означало, что в Баку нам уже не попасть. Шофёр предложил дотянуть до Чарджоу, где тогда жила его бывшая подруга, там заказать железнодорожную платформу и ехать поездом в Москву. Собственно, иного решения не было. Поэтому знакомство с Бухарой было бедным и скромным. И всё-таки остались в памяти её образы – и огромный Шах (или, может быть, фарзин, визирь) Калян, и небесные купола с нахлобученными гнёздами аистов.

И мы тронулись дальше в путь, на юго-запад, медленно, делая не более сорока километров в час. Да и некуда было больше спешить. Мимо проползали пески и стада одnogорбых верблюдов, а потом открылась ширь Аму-Дарьи. Переправа на пароме, тяжкое течение серых мутных вод, и вот он, придавленный жарой, дышащий знойной испариной город Чарджоу. Старины в нём я не увидел, всё только XX век –

«сталинки», панельные новостройки. Въезжая туда, я почувствовал: здесь мы застрянем надолго.

И наступили трудные времена. Мы поставили машину в квартале пятиэтажек, среди пыльных тополей. У подружки шофёрской побывали, чай попили, побеседовали и отправились по делам. Побежали на почту, послать телеграммы в Москву, в институт, запросили деньги («когда ещё придут?» – ворочалась мурная мысль). А на почте, о чудо, работали два мощных кондиционера, и можно было подойти близко-близко и дышать, дышать благословенным холодным воздухом. А потом надо было запастись терпением и выдержать ожидание. Хорошо, что скоро пришёл ответ из института с обещанием, что всё будет сделано.

А пока тянулось ожидание, пошли гулять по Чарджоу, забрели в городской парк. Увидев поливальную машину, я обрадовался – сейчас посвежеет, – а шофёр моей радости не разделил, говоря: «Так сейчас парить начнёт, дышать нечем будет». И правда, так потянуло сырým и горячим, что совсем невольно стало. Пошли дальше – а там бильярдная, да только мы с шофёром какие игроки... Так, поколачивались да с содержателем бильярдной разговорились. Маленький чернявый мужичок, да не туркмен, а... условно русский. А может, еврей. Во всяком случае, юмор у него был – хоть сейчас в Одессу отправляйся. Он развлекал нас длиннющей смешной поэмой, написанной лёгким чередованием четырёх- и трёхстопного хорей, и описывались в ней, весьма пикантно, похождения дамочек на южных курортах:

*Там лимоны, апельсины,
Сладкое вино,
Там усатые грузины
Ждут давным-давно.*

Смеялись, смеялись, а сердце глодало беспокойство, мысли роились – а как дальше-то? И, как часто бывало и бывает ещё в подобных ситуациях, хотелось придержать время, отдалить неизбежный час работы, незнакомой и трудной, и решений, в которых не уверен. И в

тот же момент вдруг возникало противоположное желание – чтобы скорее закончилось мучительное ожидание.

Классическим способом скоротать время всегда был и есть поход в кино. До сих пор вспоминаю как нечто комически-утомительное длинную ночь в аэропорту Якутска в начале августа 1991 года – рейс был утром, а ночь надо было как-то провести, вот и мыкался я из одного видеосалона в другой (видеосалонами тогда называли любой вагончик, сарай или гараж, в котором стоял видеомагнитофон с телевизором и были расставлены стулья), полузасыпая под очередной идиотский боевик или не менее идиотскую «клубничку». Но в Чарджоу мне повезло.

Мы с шофёром гуляли по парку и наткнулись на летний кинотеатр. На афише значился «Али-Баба», это была совместная советско-индийская кинопродукция. Сам фильм был ярко охарактеризован в одной зарубежной (югославской!) рецензии, которую я прочёл уже через несколько лет. Там с иронией говорилось, что в этой картине гармонически сочетаются особенности советского и индийского кино: прогрессивный юноша выступает против засилья капитала и криминала и направляет обрётённые сокровища на службу народному хозяйству под музыку и танцы, сопровождаемые обильными слезами, перемежаемыми не менее обильными улыбками на протяжении длительного периода времени, достаточного для крепкого и здорового сна.

Но дело даже не в фильме, который, при всех чертах, отмеченных рецензией, был ярким и развлекательным, а в самом летнем кинотеатре. Чёрное небо, южная ночь, благословенно тёплая после жаркого до испепеления дня, – всё это было прекрасно. Не знаю даже, есть ли сейчас летние кинотеатры, в наше время электронного проецирования и долби-звука. Раньше было их много – в парках, в самой Москве. Ещё, судя по фильмам и книгам, были они в Америке – у дорог, и туда приезжали на машинах (мы в свои пешком ходили, сочетая просмотр с прогулкой в парке). Наверное, много таких летних кинотеатров было в Индии, может быть, и сейчас есть.

Но кино, даже индийское, всё равно кончается, а ожидание длится и длится. Что же, на помощь приходит нужда, которая и занимает время, тянущееся резиной. Есть что-то надо? Надо. Деньги при себе – можно пойти в лагманную. Огненный лагман в сочетании с полузамкнутостью помещения действует сильно, но в этом находишь спасение и защиту от дневного зноя на улице. Прекрасно, но дорого, деньги тают, а в магазинах скудно. Хорошо, есть хлеб, есть вино, а скажем, сыра ну никак не найти. Про колбасу и не спрашивайте, такие уж времена были.

Тут шофёр порадовал смекалкой. Сначала он высказал неожиданную идею о том, что если развести томатный соус, то можно его пить как сок. Попробовал и я, но понял, что так можно поступать лишь изредка и если уж очень хочется. Уксус, знаете ли, часто не попьёшь.

А один раз увидели в магазине брынзу и, не задумываясь, купили. Увы, она была весьма почтенного возраста, высохшая и совершенно закаменевшая. Шофёр, однако, не стал унывать. Ничего, сказал он, такую можно варить! Попробовали. Что получилось!.. Этот кусок почти кирпичной крепости после варки размягчился и стал напоминать по консистенции жевательную резинку, приобретя неопределённый вкус и выразительный запах. В общем, даже закусить вино им было трудно. В итоге наши кулинарные изыски деградировали до немудрёной выпечки и рыбных консервов. Последние делились на две категории: бланшированные и обычные. Обычные предпочитались, а о бланшированных шофёр со знанием дела говорил, что они изготавливаются из такой рыбы, которую вот-вот надо бы выбросить. Разнообразия здесь не наблюдалось – никаких лососей натуральных или там тунцов-макрелей, чаще всего килька с глазками (то есть целая) в томате. Ей и закусывали.

Но вот деньги пришли, и настало время хлопотать, оплачивать платформу. Пообивали пороги, на удивление недолго, и получили направление на станцию Зергер. Проехали через город, и на окраине выбрались на станцию, за которой, судя по карте, расстились пески пустыни Каракум. Там железнодорожники уже

приготовили для нас платформу, и мы завели на неё машину. Шофёр где-то достал деревянные бруски, смастерил чурбаки под колёса – я и не успел заметить и запомнить, когда и как он их сделал. Но это всё были мелочи, главное нам только предстояло.

Надо было делать стропы, крепления из проволоки – за скобу платформы и за рессору или раму грузовика. Один из железнодорожников, старший по положению, если судить по тому, как он держался, сказал нам: «Делайте из проволоки, только калёную не берите. Лом есть?»

Лом был. А где взять проволоку, нам не было сказано, выплывайте, как можете. Бродили мы по станции – тут и там мотки толстой проволоки или же обрезки, куски. Ну что же, взяли один моток, спросить, годится ли, боязно – не наше ведь. И давай – петлю туда, петлю сюда, тянем, а она пружинит, гнётся тяжело. Намотали и начали скручивать, продев лом через середину намотанных петель, изо всех сил вдвоём вращая лом. Раз провернули, два, но не тут-то было. Крак – и лопнула проволока. С тех пор знаю, «калёная» означает «стальная». А для нашей цели железная, гнущаяся нужна. Странно, что шофёр сразу это не понял.

Так и прошёл день. Вечером ещё бродили по станции, да все мотки, что валялись меж путей, были стальными. Огорчённые и измученные, легли мы спать в кузов машины, и тут началась пытка. Налетели тучи комаров, очевидно, с каналов. Днём они спят, жара невыносимая, а ночью – на промысел. Вот ужас был... И ночью ведь жарко, а от них деться некуда, и ни пологов марлевых, ни репеллентов у нас не было, ведь мы же на Памире работали, на четырёх тысячах метров над уровнем моря, где комаров не бывает.

Почти бессонная ночь, а утро как путь на казнь. Только солнце блеснуло, как навалилась жара. И в этой жаре начались новые поиски проволоки. Да, мотков не было, но зато нашлись спутанные, гнутые-перегнутые клубки этой самой проволоки. Ну что ж, рельсов сколько угодно, разгибаешь проволоку руками, как получится, кладёшь на рельс и молотком выправляешь,

стук-постук, даром, что ли, в геологи пошёл. Один большой кусок нашли, распрямили, потом долго и мучительно наматывали его, продевая через раму, а потом стали закручивать ломом. Пыль, ржавчина, жара сорокаградусная (а, может, и выше), сущий ад. Ну как-то закрутили, а день уж на исходе...

Промучившись следующую ночь, мы активизировались, облазили всю станцию, совались в любые закоулки. А железнодорожников это совершенно не волновало. В итоге мы нашли ещё несколько клубков толстой железной проволоки, и стало ясно, что теперь все стропы получатся. А мне стало ясно, что в этой системе главное – бери, что плохо лежит, да делай побыстрее своё дело и не мозоль глаза.

И вот все стропы были сделаны, и мы отправились в станционную контору докладывать, что машина окончательно установлена на платформе. «Хорошо, завтра отправим вас», – был ответ. О ужас, ещё одна комариная ночь! Но, видимо, мы уже так намучились, что заснули, невзирая на кровопийц. А наступившее жаркое утро казалось просто благословенным, ибо работа наша закончилась и можно было сидеть на платформе, пить чай и ждать. Всё относительно, и то, что кажется сущим мучением, становится отдохновением после тяжёлого труда.

Маленький маневровый локомотив зацепил нашу платформу и оттащил её на крайний путь, сцепив ещё с несколькими. А потом медленно двинулся в путь по направлению к Чарджоу. Как же радостно движение после долгого изнурительного труда и пусть недолгого, но всё-таки ожидания. Дорога, железная дорога стелилась и блестела впереди, локомотив тихо тянул наш маленький состав, колёса постукивали, пусть редко, но постукивали, отсчитывая метры, десятки метров... И даже лёгкий, хоть и жаркий, ветерок оведал лицо. А станция Зергер уходила назад, и с ней уходили так и не увиденные мной пески пустыни Каракум.

В детстве я наивно верил, что объеду весь мир. Тропическая Африка, аризонские красные скалы, идолы острова Пасхи казались мне пусть и трудно, но вполне доступными.

В юности я думал уже иначе. Но когда пришло время окончания университета и получения диплома, я посмотрел на огромную геологическую карту СССР, висевшую в рекреации, и подумал, что уж эти земли я точно все-все-все увижу... И поначалу во мне жила иллюзия, я вправду надеялся... Но наступили 90-е годы, и тогда, помнится, купил я атлас Московской области масштабом два километра в одном сантиметре и стал мечтать поехать туда, и туда, и туда... Наверное, даже в пределах большого города можно странствовать, если просит душа. И неважно, что многого не увидел и никогда не увижу. Важно только то, что в тебе, и то, что ты нашёл на своём пути, подобрал и сохранил.

А неспешная дорога наша тянулась всё дальше, и уже ползли по сторонам городские кварталы и пирамидальные тополя. Но вот начались разветвления рельсов, потянулись неподвижные длинные полосы вагонов. Мы прибыли на сортировочную станцию Чарджоу. Локомотив отцепил нас и ушёл обратно к Зергеру, а мы сначала ждали, а потом другой локомотив протащил нас несколько раз туда-сюда по станции, пока не приткнул к формирующемуся составу. Потом подогнали ещё вагонов, с грохотом соединили, и мы оказались в середине огромного эшелона. И всё стихло, только зной наплывал, затопляя мозг и обесцвечивая небо до тускло-серого цвета.

Мы сидели в кабине своей машины. Это было самое удобное место, лучше ничего невозможно было выбрать. Заберёшься туда, сидишь в относительном покое, поглядываешь на окружающий мир через лобовое стекло, если оно ещё не пожелтело от выхлопов локомотива (такое бывает, если прицепят близко к локомотиву – тогда его мощный дизель в течение долгого перегона обдаёт следующие три-четыре вагона). А если смотреть не на что, можно достать книгу и читать.

В те времена Средняя Азия была местом, где в магазинах попадались хорошие книги. Вообще книги были великой ценностью для думающих людей моего поколения – их искали, выменивали, покупали у спекулянтов. Книга

была дефицитом, иметь хорошие книги было престижно, читать книги было модно. Из-за этого я иногда с грустью думаю о той эпохе. Но сейчас важно не это, сейчас надо объяснить, почему в книжном магазине Чарджоу, куда я заглянул в период ожидания, ещё до мытарств на станции Зергер, оказался том «Памятников литературы Древней Руси», XIII век, третий том знаменитого издания под редакцией академика Лихачёва. Очень просто – потому что тогда была плановая экономика, и тираж книги более или менее равномерно распределялся по книжным магазинам огромной страны без учёта читательского спроса. Столько-то попало в Москву и Ленинград, где большая часть ушла «налево», а остальное моментально расхватывали спекулянты, знавшие время выставления книг на продажу от товароведов и продавцов. А столько-то попало в Чарджоу, где этим почти никто не интересовался, и пылилось на полках.

Вот так сидел я в кабине машины, кругом раздавался обычный шум сортировочной станции, а мне до него и дела не было, я читал повести трагического века России, пожарища Рязани и Козельска чернели в моей душе. Тут снаружи донёсся крик. Мы с шофёром взглянули – кричали с соседнего состава. Рядом с нами стоял большой серый вагон-рефрижератор, из окна которого выглядывали двое мужчин – один лет тридцати, с бойкими глазами и гусарскими усиками, другой постарше, с первой сединой. Старший, увидев, что мы смотрим, ухмыльнулся и крикнул: «Ну, заводи!»

Слово за слово, заперли мы кабину и пошли к ним в гости. Пошли разговоры о том, о сём, выяснилось, что эти двое – профессиональные сопровождающие железнодорожных грузов, путешествуют так по всей стране. Стали они рассказывать про станцию Чоп, не помню, правда, отчего она им запомнилась, но говорили много. А я и сам вспомнил Чоп, где неоднократно пришлось мне бывать в детстве и ранней юности, во время поездок на поезде в Югославию, где мой отец был на дипломатической службе. Стоило вспомнить!

Чоп – маленький городок и большая железнодорожная станция в Закарпатье, на гра-

нице с Венгрией. Там уже нет гор, там широкая равнина, самое начало большой Паннонской низменности. На станции меняют колёсные пары, широкие русские на узкие европейские и наоборот, смотря куда ехать. И каждый раз, пока длилась эта процедура, родители отправлялись со мной в привокзальный ресторанчик, где первым блюдом была хорошо запомнившаяся мне солянка, густая, золотистая и в красноту переходящая, с любимыми солёными огурцами и нелюбимыми мной в то время чёрными горьковатыми маслинами. А потом мы возвращались, вагон долго обходили советские пограничники, наконец поезд трогался, за окнами медленно проплывали ряды проволочных заграждений, контрольно-следовая полоса, красно-зелёный столбик. А дальше была венгерская сторона, уже без проволочек и полосы, венгерские пограничники быстро проверяли документы, уходили, и поезд устремлялся в заграничный простор.

Это я вспоминал, но сам не рассказывал о своей дороге через Чоп, ибо уже хорошо знал, что рассказы о заграничье вызывают зависть, а то и неприязнь. Молодой сопровождающий тем временем взял гитару и стал импровизировать на тему песни Верещагина из «Белого солнца пустыни». Беседовали, пили, закусывали салатом из помидоров. Я почувствовал, что развозит, попрощался и ушёл в машину спать, уже темно.

Проснулся от тряски, вагон качало из стороны в сторону. Выглянул – мчимся куда-то стремительно, вокруг пустынная равнина, кое-где кусты, временами тускло-голубые каналы. Вскоре и шофёр проснулся. Трясло так, что нечего было думать о чае, глотнули холодной воды. Есть хотелось, а сготовить хоть кастрюльку риса или гречки было невозможно.

Тем временем поезд замедлил ход и остановился на разъезде. А там – домик, тополя, огород, в огороде женщина трудится, а наша платформа как раз напротив остановилась. Мы скорей-скорей соскочили с платформы, позвали. Попросили продать нам помидоры! Русская женщина средних лет, приветливая, собрала нам полную миску, денег брать не хотела, но

мы уговорили. Забрались обратно на платформу, поезд тронулся, она нам помахала. Словно сквозь бездну времени вижу её с поднятой рукой. Где ты, добрая душа, жива ли? Перенесла ли трагедии, что совершились потом, унижения от местных, нищету, изгнание? Грустно и горько вспоминать об этом.

А поезд мчался всё дальше. Помидоры и хлеб стали нашим обедом. Да много ли надо молодым? Главное – движение, главное – уносящиеся назад километры пути, главное – приближение к дому. К России. Я уже говорил, что с детских лет грезил путешествиями, странствовал в мечтах своих в дальних удивительных краях. А потом, жизнь полевого геолога такова, что поездки, путешествия составляют самую суть её. И когда я стал ежегодно уезжать далеко и надолго, то узнал о себе то, что прежде мне было неизвестно. Оказывается, во мне жила и живёт сильнейшая связь с домом. Перед отъездом в экспедицию я всякий раз обязательно отправлялся погулять по Москве. Чаще всего в Лужники, поскольку этот парк был недалеко от дома, где я тогда жил. Там я проводил несколько часов, прощаясь с зелёными склонами Воробьёвых гор, Москвой-рекой, стадионом, где я много раз бывал – но не на футболе, а в маленьком кино-театре «Рекорд»... «Андрей Рублев», «Солярис», «Древо желания» – там смотрел...

А возвращение! Сколько эмоций, когда видишь после трёх, а то и четырёх месяцев экспедиции Москву в осеннем убранстве, когда лица в метро вдруг кажутся знакомыми (отвык от русских лиц), когда вдыхаешь влажный и прохладный воздух, в котором растворена золотеющая листва. Потом уже нашёл параллель в английской литературе, в стихах Байрона о родном доме, где пёс лаает у ворот. А дальше я понял, что цель всякого странствия – возвращение.

Что же до описываемого путешествия, то оно с начала до конца и было возвращением, а города и станции этого маршрута были промежуточными пунктами на пути к дому. Один из таких пунктов уже приближался. Было ещё совсем светло, но жара уже начинала спадать, когда мы прибыли на станцию Ургенч. Это древнее название носил один из больших городов

Хорезма, полностью уничтоженный во время нашествия Чингисхана, потом восстановленный, но в XVII веке почти покинутый жителями из-за изменения русла Аму-Дарьи. Нынешний Ургенч, где расположена большая железнодорожная станция, вполне современный город.

Какая же радость дожидаться остановки поезда и увидеть, что локомотив отцепился и ушёл! Это значит, что стоять будем достаточно долго и можно не только отдохнуть от стремительного и совсем не комфортабельного движения, но и приготовить ужин – помидоры хорошо, но надо поесть что-то существенней. Готовили мы либо на примусе, либо даже на паяльной лампе – грубо, но быстро. Поели наконец и стали пить чай.

Тут нас окликнул молодой машинист-узбек (стоит сказать, что мы уже покинули Туркмению, Ургенч находится в Узбекистане, а впереди Каракалпакия и Казахстан). Мы его пригласили к чаю, он пожалел, что у нас чёрный, а не привычный зелёный. Как-то мы не запаслись зелёным чаем, но это объяснимо, ведь работали мы на Памире, в высокогорье, и не готовились к жарким низинам Средней Азии. А зелёный чай, тогда мало известный столичным жителям, был, как я уже рассказывал, наиглавнейшим средством в летнюю свирепую жару. Уже позже, в 1984 году, в СССР состоялся Международный геологический конгресс. По всей стране прошли экскурсии для участников конгресса, одна из них была в горах Малого Каратау в Южном Казахстане, где в 1977 году я прошёл преддипломную практику, так что этот район мне хорошо известен. Зверская жара, голый камень, никакой тени на геологических объектах. Иностранцы привезли с собой огромное количество пива, всякого «Туборга» и «Карлсберга», но на второй-третий день все перешли на горячий зелёный чай. Что и требовалось доказать.

Если же мысленно отправиться в далёкое прошлое, скажем, в середину XIX века, то можно узнать совсем неожиданное. Оказывается, в то время в России в ходу был именно зелёный чай, выращенный в Китае, преимущественно с цветочным ароматом. Об этом пишет Гончаров в книге «Фрегат "Паллада"», весьма уничижи-

тельно отзываясь об английском чёрном чае как о чём-то неприятном на вкус и прямо-таки наркотическом. Об этом свидетельствует Островский (помните «Грозу»?). Куда отправляют Бориса Дикого после признания Катерины мужу? «В Тяхту, к китайцам...» А Кяхта, маленький посёлок на границе Бурятии и Монголии, был тогда важным перевалочным пунктом на чайном тракте из Пекина в Москву...

Да, не было сейчас у нас зелёного чайку, но машинист всё равно остался с нами и оказался он словоохотливым и любопытным. Рассказали мы ему, откуда едем. Естественно, он поинтересовался – куда? Как куда – в Москву! Удивлению нашего узбека не было предела. Да что там удивление! Он несколько раз переспросил, даже уточнил: «Так по этой дороге, через Казахстан едете?» Ну конечно, а как же ещё? И тут нашего машиниста прорвало: «Ребята... вы будьте осторожнее там. Они же на вас нападут, они убьют вас. Они же звери! Возьмите что угодно, чтобы защищаться. Монтировка есть?» Шофёр показал лом, сказал, что есть ещё и монтировка, и кувалда. Тогда машинист немного успокоился, но всё равно твердил: «Вы не спите там, на разъездах очень опасно. Они бандиты, звери, они вас убьют спящих!»

С тех пор я всегда вспоминаю этот разговор, когда читаю или слышу про советскую дружбу народов. Нет, она, конечно, была, эта дружба. Только не всегда и не со всеми. Справедливости ради надо сказать, что в Казахстане, в том же мной упомянутом Малом Каратау, я много общался с казахами, приходилось встречаться и с простыми людьми, и с образованными, и у меня не было и нет к ним предубеждения. Но слова машиниста-узбека меня тогда шокировали.

Стояли мы в Ургенче долго, наступила темнота. Ночью поезд тронулся, и утром мы пересекли восточный чинк (обрыв) плато Устюрт. Сыпучие склоны, подчёркнутые горизонтальными пластами, желтовато-серые, усыпанные сверкающими на солнце кристаллами гипса. А дальше поезд пошёл по ровной, как стрела, дороге, пересекавшей плоскую сухую степь, унылый безлюдный пейзаж.

Дорога здесь была одноколейная, и поезд останавливался на каждом разъезде, иногда на несколько минут, иногда на полчаса, а то и больше. Причём совершенно невозможно было угадать длительность стоянки. И, конечно, случилось то, чего я опасался с самого начала нашей поездки. Шофёр на очередном разъезде куда-то отлучился, прошло несколько минут, и вдруг поезд плавно тронулся. Я глядел во все глаза, но никого не было видно, а поезд набирал ход и вот уже мчался по пыльной глади Устюрта. Теперь я был один на платформе!

Одиночество, нередко желанное в большом городе, благословенное в краткие часы творчества, может стать не просто неприятным, но опасным и даже трагическим в путешествии. Я сразу ясно представил себе последствия – теперь мне не отлучиться от машины, вода кончится – а отойти набрать не получится. Просить кого-то на станциях? Разве что... Добрые люди всегда найдутся. Но и дурные – тоже. В любом случае я теперь один, и на мне одна забота о машине, экспедиционном грузе и о себе самом.

Так я думал, пока поезд преодолевал перегон. Но вот разъезд, остановка. Вижу, бежит шофёр, изо всех сил бежит. Вскочил на платформу, отдышался. Выяснилось: когда поезд тронулся, он успел забраться в тамбур последнего вагона и так ехал весь перегон. Я, конечно, почувствовал облегчение, а потом снова задумался об одиночестве. Люди избирали его добровольно, люди искали его. И при этом его страшились. Религиозные медитативные практики, различные пути самосовершенствования, формы отречения от мира, аскезы. И – наказание, исключение из мира людей, изгнание, бойкот. Так одно и то же становится то желанным, то ненавистным. И сколько ещё таких примеров помимо одиночества!

Впереди была ночь. Темнело быстро, холодело, в ясном небе всё ярче проявлялись звезды, и хотелось думать о прекрасном и таинственном. Степной простор содержит в себе отчётливую, сильную ноту космоса – её слышишь, только подняв глаза к ясному ночному небу. Так было со мной ещё в 1976 году

в Монголии. Помню чёрные августовские ночи в Гоби, когда во всех концах горизонта в необъятной дали высились грозовые тучи, подсвечиваемые призрачным бесшумным огнём зарниц, а вблизи зенита сияли Вега и Альтаир, выделяясь среди бесчисленных светил. Мне было достаточно снять очки, чтобы множество звёзд превратилось в рассеянное свечение всего неба – оно горело вечным светом, не сгорая, но светясь изнутри. И много позже, в 1992 году, на полуострове Мангышлак в холодной мартовской ночи мне так же сияло ледяное небо, сияло безмерным, прекрасным и пугающим простором. Есть некая справедливость в том, что космодром Байконур стоит среди практически такой же степи под ясным небом, открывающим космос.

Космос, дивная мечта моего детства, полного восторга от первых полётов, от ожидания новых и новых чудес, что обязательно должны были стать явью, и очень скоро. В середине 60-х годов я несколько не сомневался, что ещё при моей жизни люди достигнут Марса, построят базы на Луне и огромные орбитальные станции, космические города на околоземных орбитах. Рэй Брэдбери на склоне лет горько заметил – ничего этого не случилось, но зато люди вдоволь позанимались всякой чепухой вроде костюмов для собак. Правда, мечта осталась, и я вспоминаю о ней всякий раз, когда вижу звёздное небо над головой.

Что же до нравственного закона во мне, то именно в эту ночь ему было суждено испытание. Поезд вновь остановился, как уже было много раз. Неожиданно далеко впереди, на расстоянии не меньше десяти вагонов, раздались громкие крики. Разобрать, что кричат, было невозможно. Не по-русски, яростно, сразу несколько человек, слышались удары. Похоже было, что напали на сопровождающих какого-то вагона, и мы сразу вспомнили машиниста в Ургенче... Без колебаний схватили ломы и стали ждать. Шофёр тихо сказал мне: «Если полезут, сразу бей по голове».

Ломом – по голове. Как бы я поступил, случись нападение на нас? Вот тут мой мир, красивый мир моей прекрасной души, даёт трещину. Брешь быстро ширится, сквозь лазурь

прёт чернота. О том, что дальше, не хочется думать. А надо бы, да только как?

*Целомудрие старца не подвиг,
а немощь на похоть –
говорил в стародавние годы великий Святитель.
Вот и мы в наше время ведём себя вроде неплохо –
не кромсаем, не бьём, говорим поминутно
«простите!».*

*Но достаточно сбить надоевшую
планку запрета,
на кровавую волю пустить аппетит обезьяний,
и тогда развернётся он, страхом
и злом разогретый,
и пойдёт, не считая ни времени, ни расстояний.*

*И рука волосатая стиснет дубовую ветку,
и поднимет её, и узлами раздуются вены...
Это чёрное семя, наследство звериного предка –
от него не спасёт даже чтение
Тейяр де Шардена.*

Как же повезло нам, что никто не подошёл к нашей платформе... Поезд тяжело взгремел и пошёл, крики утихли. А мы так и не узнали, что случилось. Не было времени, остановки на разъездах коротки, отстать страшно. А потом эшелон переформировали на очередной сортировочной станции, не помню уже где.

Дальнейшие несколько дней просто смешались. Кончился Устюрт, тянулась плоская Прикаспийская низменность. Помню, как проехали вполовину пересохшую Эмбу – цепочка луж, подумалось мне. Проползли мимо нефтяных вышек Доссора и Макита. Пересекли реку Урал. Стояли в Гурьеве. Странная апатия овладевала мной. Брал книгу, читал. «О дивно дивная и пресветло украшенная земля Русская» –плыли перед глазами строчки «Повести о погибели Русской земли».

Мы свою землю чаще умом любим, чем чувством. Можем восхищаться берёзовыми рощами, травой-муравой, речным плёсом. Но стоит отправиться на экзотический юг или роскошный богатый запад, и своё, родное вдруг начинает казаться бедным, безыскусным, про-

стоватым каким-то. Мне кажется, что лучшее средство для пробуждения любви к русской природе – это длительное пребывание в азиатской засушливой степи или пустыне, причём непременно равнинной, плоской. И чтобы обязательно было жарко и пыльно, так, чтобы тончайшая пыль обесцвечивала небесную синь, обращая её в нечто грязно-желтовато-серое. И чтобы не было зелёной мягкой травы, а росли бы только серые сухие кустики степной полыни, колючек, перекасти-поля. Ну если не хотите сами это видеть, перечитайте «Очарованного странника», там как раз об этом.

А потом мы как-то незаметно пересекли границу Казахстана и оказались в России. И ничего не изменилось для глаза – те же плоские выжженные солнцем пространства, кустики бедной растительности, верблюды. Потом, как миновали Астрахань и поехали вдоль Ахтубы, потянулись густые прибрежные заросли, повеяло влагой, захотелось свежей рыбы. У нас из продуктов остались только крупы, сахар и соль, всё остальное кончилось – мы же не ожидали капитальной поломки машины, отправляясь в Баку. И на столе нашем уже давно доминировала килька «с глазками», та самая, в томатном соусе, что стояла штабелями в продуктовых магазинах.

Потом поезд вновь удалился от зелёной полосы в сухую степь и наконец надолго остановился на станции Баскунчак. Было ясно, что стоим как минимум час, и я бросился в магазин. Очередь, длинная, медленная. Продавщица с каждым покупателем ещё и беседует. Стою, то и дело оборачиваясь, – как там поезд. Слушаю, не прогремит ли локомотив, сцепившись с вагоном. Нет, пока тихо. Очередь ползёт по-черепаши, каждому надо то и это, вроде всё купил, но начинает что-то вспоминать, потом, долго перебирая слова, из которых не всё по делу, просит ещё столько-то грамм того и этого. И жара, бесконечная жара, теперь уже астраханская, или нижневолжская.

Ну дошла и до меня очередь, купил, что было, – и к платформе. А локомотива всё нет, и уже ясно, что и волноваться не стоило, всё равно ещё долго ждать. Сквозь просвет между

вагонами увидел фрагмент пейзажа – одинокую гору Большой Богдо, заныла душа по геологии... Потом я спустился и стал бродить по станции. Между рельсами валялось множество всякой всячины: белые и розовые куски гипса, ярко-жёлтая сера, которую собирал шофёр, чтобы окуривать деревья и кусты на своей даче. А главное – лежали арбузы. Большие, спелые, расколотые, разбитые, упавшие во время погрузки. Можно было выбрать самый большой и самый красный, вынуть прямо рукой чистую сочную сердцевину. А потом искать ещё один такой же арбуз.

И так прошёл целый день. Вообще за время этой поездки, этих мытарств дни словно слиплись в один комок, подобно подмокшей карамели, и сейчас, спустя почти сорок лет, мне трудно разлепить их. Да и зачем их разделять? Пусть они и в этом повествовании будут слитными, текущими единой полосой, словно непрерывная лента дороги. Остался позади Баскунчак, и теперь поезд очень медленно двигался по узкому коридору между двумя бесконечными лесополосами, ограждающими путь. Шофёр скучал, а я утешал себя древнерусской литературой. Где мы находимся, было непонятно. Но вот раздвинулись лесополосы, поезд вошёл на станцию. На здании станции была табличка «Урбах». Яснее не стало.

Ну ничего. Остановка длилась и длилась, и до меня дошло. Это же Саратовское Заволжье, некогда бывшее автономией с необычным названием «Трудовая коммуна немцев Поволжья». Оттуда и название. Многие железнодорожные станции сохранили свои названия во время кампаний по переименованию, иначе в копеечку всё влетало, – так мне объясняли. Впрочем, это объяснение не могло удовлетворить, ведь переименование города влечёт ещё большие издержки. Теперь мне думается, что в таких делах был какой-то интерес у железнодорожников, и министерство имело возможности и желание отказывать в переименовании станций. Хотя и не всегда, например, железнодорожные станции бывшей Твери в то время, как и город, носили имя «всесоюзного старосты».

Переименование называют войной с прошлым. Но оно и война с будущим. Это пристёгну-

тый ярлык, ещё хуже – поводок, закрепление в названии именно этой эпохи, именно этого деятеля. Между тем время отшелушивает лишнее, сдувает сор. Есть городок Пошехонье, к которому прививали название «Володарск». Пошехонье – это старина русская, отзывающаяся родовым воспоминанием в сердце, это название, говорящее яснее ясного каждому русскому, осознающему себя. Володарск... Много ли найдётся людей, помнящих, кто такой Володарский и каковы заслуги этого деятеля?

Между тем немцы из Заволжья давно уже рассеяны по Оренбуржью, Казахстану, а их прежняя малая родина сохранила только следы их пребывания – саратовские здания начала XX века в духе раннего экспрессионизма да названия железнодорожных станций и некоторых городов. В Урбахе мы постояли. Кажется, была сортировка. Расскажу и об этом, дивное занятие. Состав расцепляют, вагоны по одному вкатывают маневровым локомотивом на горку – небольшое искусственное возвышение, – откуда они скатываются, а железнодорожники, работая со стрелками, направляют их на нужные пути. Вагон катится, сближается с составом и – бабах! – сцепляется. Хорошо, что путевые рабочие всегда имеют при себе ценнейшее приспособление под названием «башмак». Это простое устройство подкладывается на рельс под колесо вагона для его торможения. Иначе так может стукнуть, что костей не соберёшь.

А пока катаются вагоны с горки, надо набраться терпения. Оно, терпение, постоянно требовалось в те времена. Эпоха очередей и дефицита длилась давно, не знаю, с какой поры. Ожидание в очереди могло быть и долгим, и бесплодным. Но душа человеческая, настроенная на это ожидание, душа жаждущая, была исполнена не только терпения, но и осознания неизбежности и необходимости этого страдания. Помню один случай, печальный и трогательный.

В конце семидесятых годов нам как младшим научным сотрудникам и стажёрам выпало несколько раз в год отработать в добровольной народной дружине (ДНД), помогая родной милиции. И вот отправили нас на Ленинский проспект, к универмагу «Москва», на ту

сторону проспекта, где сам универмаг, так что мы к нему спиной стояли. Раздали нам свистки и дали задание: если видим, как кто-то пытается перейти проспект, свистеть. Там вообще-то был подземный переход, почти у входа в него на противоположной от нас стороне проспекта останавливались автобусы и троллейбусы.

Но люди приезжали за покупками в универмаг «Москва» издалека, в том числе из других областей, и уже успели натерпеться в поездах, на московских вокзалах, в городском транспорте. И вот наконец, добравшись к желанной цели, увидев совсем близко здание универмага, они достигали предела терпения и очертя голову бросались через дорогу, не замечая подземный переход. Боюсь, что были и пострадавшие из-за этого, в любом случае милиция нас не просто так туда отправляла.

И вот однажды на моих глазах случилось так, что женщина с ребёнком, выскочив из троллейбуса, бросилась через дорогу, таща ребёнка за руку, и, то ли в порыве она не слышала свистков, то ли не приняла их на свой счёт, но, вилля между тормозящими и сигнализирующими автомобилями, она пересекла весь Ленинский проспект и выскочила прямо на нас... Увидев нас с повязками дружинников и свистками, она вконец растерялась. Мы ей говорим: «Ну что же вы делаете, вот же переход, вы же и себя, и мальчика погубите». А она то растерянно на нас смотрит, то жадно – на универмаг и заискивающим голосом просит: «Пропустите, пожалуйста, давайте я вам штраф заплачу...» – «Да не надо нам штрафа, вы только не бегите больше через улицу!» Отпустили, и она устремилась в универмаг. Чтобы стоять там в очереди. Так что терпение ей ещё требовалось, и надолго.

В сравнении с этим ожидание на сортировочной станции совсем даже ничего – не надо бежать, не надо толкаться, не надо стоять на лестницах универмага (на этажах очереди не помещались). Сиди себе, да поглядывай на катящиеся вагоны, да слушай грохот, когда они сцепляются. Любуясь на работу станционных служащих, как они ловко подсовывают башмак под колесо, а потом, когда вагон достаточно затормозится, не менее ловко выдёргивают

башмак и спешат с ним к следующему вагону. Прямо кино.

Вот такое разглядывание неплохо помогало вытерпеть долгое стояние на станциях. Хотелось всё быстрее ехать – всё ближе была Москва. С этих земель, с Заволжья, начиналась привычная Россия, её уже можно было чувствовать – в расцветающей лазури неба, в зелёных кустах деревьев вдоль каналов и речек, в дыхании травы. Россия звала к себе, всё сильнее и сильнее.

И вот тронулись, и спустя недолгое время открылся водный простор, и прогрохотал поезд по мосту через Волгу, и мы очутились в Саратове. Было ясно, что стоять придётся долго, и я отправился в ближайший магазин. Какой же радостью было тогда купить несколько плавленых сырков!

Тут не обойтись без пояснений. В Советском Союзе с его плановой экономикой продуктовое снабжение разных областей, республик и городов было неравномерным. Лучше всего снабжались Москва (в перспективе – образцовый коммунистический город, как о том вещали плакаты на улицах), Ленинград, Киев, хуже всего – малые городки Центральной России. Будучи в Средней Азии, я так и не понял особенностей их снабжения, но видел результаты – богатые столы (или дастарханы) и практически пустые магазины. Там господствовали рынок и связи. Поэтому нам приходилось нелегко – хлеб, мелкая выпечка, консервы. И поэтому саратовский магазин с банальными плавлеными сырками, что тогда народ прозвал закуской алкоголиков, показался мне просто благословенным местом.

Возвращаясь на станцию, забираюсь на платформу и нахожу шофёра в приятном нетерпении поглядывающим на подошедший эшелон, где на платформах красовались новенькие тракторы. Шофёр сказал, что сейчас обойдёт этот эшелон – в кабинах новых тракторов обязательно должны быть ящички с инструментами. Вот он и хочет поживиться. Ну ладно, иди. Сижу, жду. Через некоторое время он вернулся разочарованный. Нет ни в одной кабине, всё уже попёрли!

К тому времени воровство в стране вообще и на железной дороге в частности приняло поистине гомерические масштабы. Крали всё, что

можно было унести, не боясь, практически среди бела дня, и это не мои домыслы – сохранились и были неоднократно обнародованы уже в наше время доклады ответственных лиц в политбюро ЦК КПСС об этом явлении. Любители нашей новейшей истории без труда найдут эти документы. Разворовывалась огромная страна, вступавшая в последнее десятилетие своей истории. Кто-нибудь может сказать мне, что это чепуха, вот потом как крали! А я отвечаю, что не чепуха, что тогда люди учились красть, приобщались к краже, тренировались и, как видите, хорошо научились и показали свои навыки в 90-х годах.

Кроме того, я сейчас говорю о тех впечатлениях, о том, как тогда это воспринималось. Для меня всё это было предвестием бед, причём размах предполагаемых мной крушений был куда больше реально произошедших в 90-х годах. Впрочем, и тогда было не легче. А в этот день нам вообще не везло. Некоторое время возле вагонов болтался какой-то тип, заговаривал с нами, но ни о чём определённом разговора не было, так, пустые фразы. Потом он исчез. А после этого на нас ополчилась целая ватага десантников в тельняшках с соседнего эшелона – что-то у них украл этот тип. Хорошо, до рукоприкладства не дошло.

Железнодорожные станции вообще зоны риска. Там крадут (мне то и дело снится дурацкий сон, на протяжении которого у меня крадут одну за другой вещи из багажа), там арестовывают, там этапируют (одно из моих воспоминаний 70-х годов – вагон-зак на станции Псков и лица зеков, вглядывающихся в простор воли), там гибнут люди, попадая под поезд, оказываясь в мясорубке крушения, и так далее. А ещё железная дорога – это образ эпоса XX века, это нескончаемая череда разлуки и возвращения к руинам былого, это путь не по своей воле, а иногда и путь без цели. Думая обо всём этом, признаю, что моё путешествие 1981 года можно отнести к позитивным примерам...

Вот и Саратов остался позади, и теперь вокруг тянулись холмы, рассечённые балками, укрытые рощицами. Проехали Татищево, и шофёр стал вспоминать, как служил в армии в этом самом Татищеве. Интересно, что для мужчин

моего возраста служба в армии была в любом случае весьма примечательным событием в жизни – они и сейчас, в пенсионном возрасте, охотно вспоминают об этом, и иногда кажется, что они много бы дали, чтобы вернуться в годы своей службы, даже если она была трудной и сопряжённой с массой пренеприятных обстоятельств, таких как общеизвестная дедовщина. Память, подобно фильтру, захватывает и сохраняет позитивные впечатления, выбрасывая негатив. Это понятно, об этом уже множество раз говорили. Но есть ещё одна, не столь очевидная сторона дела. Не всякие события отфильтровываются памятью – было бы что выбирать из воспоминаний, а то бывают у многих годы и десятилетия, из которых и на полчаса рассказа не наберёшь, и жаль этих лет и этих людей.

Служба в армии, впрочем, к этому не относится – из этих двух лет набирается не только дембельский альбом. Примерно так же можно сказать и об экспедициях – за три месяца столько всего происходит, что потом всю жизнь рассказываешь. Возможно, кто-то осудит меня за такое сопоставление. Ну что ж. Один мой добрый знакомый, вспоминая даже не об армии, а всего лишь о двухмесячных сборах летом после окончания университета, говорил, что это было выкинутое из жизни лето. Да, но сколько историй он рассказывал, и все из этого потерянного лета! Да я и сам расскажу, только попозже.

И эти дни лета 1981 года можно было бы назвать потерянными, если бы не богатство воспоминаний и сохранившаяся в них радость узнавания нового. Одним из удивительных впечатлений было постепенное возвращение в Россию, когда, как на фотобумаге в проявителе, сквозь раскалённую серую степь стали проступать небесная синева, зелень травы, кроны деревьев, по небу поплыли кудрявые облака, заголубела вода речек, усеянная блюдечками листьев кувшинок. И повеяло Россией, нашими, с детства знакомыми травами. Подумалось о том, какие же невероятной силы чувства должен был испытывать Афанасий Никитин после трёхлетних странствий, когда он, измученный и тяжело больной, достиг Смоленска и понял, что здесь ему умирать и родную Тверь он уже не увидит...

А Россия тем временем обнимала всё крепче, всё зеленей становился её простор. Холмы саратовские сменились плоскими тамбовскими равнинами. Всё представляло знакомым и привычным, и уже казалось, что больше ничего удивительного и необычного не будет в пути. Но нет! Недаром китайцы называют Россию «страной неожиданностей» – произошло событие яркое, оригинальное и даже комическое.

Случилось это, когда поезд подъехал к городку Кирсанову Тамбовской области. Город маленький, окраины все одноэтажные, окутанные зеленью садов, а подальше можно было видеть и невысокие строения центра, среди которых выделялась церковь. Вполне идиллическая картина тишины и покоя, казалось бы, городок мирно уснул. Но дальше...

Отовсюду – из домов, из садов, из калиток – в сторону замедляющего ход поезда бежали группы людей. Бежали так шибко, что стало ясно: их цель – поезд! Это напомнило мне знаменитую сцену из фильма 50-х годов «Коммунист», виденную мной в детстве и крепко врезавшуюся в память. Так как этот фильм сейчас не показывают или показывают редко, то напомню.

В этом фильме молодой коммунист Губанов (его сыграл Евгений Урбанский) сопровождает эшелон с зерном в город. Дело происходит в годы Гражданской войны. На эшелон нападают, грабят, Губанов отчаянно борется, защищая свой груз, и трагически погибает. И вот когда поезд стал замедлять ход и показались группы бегущих к полотну людей, я вспомнил старый фильм времён хрущёвской оттепели...

К нашему вагону устремилась весьма колоритная группа: три огромные толстые бабы, каждая поперёк себя шире, но отнюдь, кажется, не обременённые своим весом. Бежали они весьма бойко. А среди этих трёх почтенных матрон ходячим недоразумением казался маленький, чёрненький, в меру пропитой мужичок неопределённого возраста. Я сказал, к нашему вагону подбегали, но это исключительно мой эгоцентризм, наша убогая платформа с грузовиком их никак не могла заинтересовать. Целью был соседний закрытый вагон, вверху которого зияла щель. Для вентиляции? Может быть, не знаю.

Подбежав к вагону, четвёрка стала действовать очень быстро и, вероятно, по заранее намеченному и хорошо отрепетированному сценарию. Бабы подхватили мужичка, посадили его и буквально впихнули в вагон. Он туда рыбой нырнул, только ноги подрыгались в воздухе немного, а затем исчезли в щели. Потом этот мужичонка выглянул, опять скрылся, а дальше стал проворно выбрасывать из вагона арбузы. Бабы эти арбузы ловили и складывали на землю. Потом крикнули: «Хорош!» Мужичок высунулся из вагона, вылез и спрыгнул, бабы и его поймали, не хуже арбузов. А потом все три богатырши подхватили каждой рукой по два-три арбуза, прижали их к своим бокам дебелим и пошли восвояси, переваливаясь на манер Кинг-Конга, а мужичок трусил между ними.

Вот так довелось мне увидеть разграбление товарного поезда среди бела дня. Шофёр потом из любопытства забрался в этот вагон. По его словам, большая часть арбузов в вагоне уже была раздавлена и перебита. Я же вспоминал вечные августовские очереди за арбузами в Москве и то, как я стоял в этих очередях, чтобы купить, угостить маленького братишку, да и родителей. Грустно стало. А что из других вагонов тащили, я не знаю. Может быть, тоже арбузы? Или что-то иное, чего могли взалкать бедные жители Кирсанова, которым арбузы, наверное, и не завозили?

Вот какова Россия – и смешно, и горько видеть её, и любишь её, и плачешь над ней, и не знаешь даже, как охарактеризовать это удивительное иррациональное чувство. И думаешь – какая неустроенность, какая дикость! И вдруг теплеешь душой – вот он, дом. Вот она, родина! И я не хочу возмущаться, я соскучился, я хочу любить.

Покинули мы Кирсанов, миновали Тамбов и к вечеру остановились в Мичуринске. Дореволюционный Козлов был родиной многих известных людей. Кроме Мичурина, стоит упомянуть главного художника соцреализма Герасимова, а также митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. Много-много лет спустя прочёл я воспоминания владыки и в начале его повести нашёл упоминание об Александре Герасимове,

который в дореволюционные годы занимался подновлением фресок кафедрального собора Козлова. Причудливы судьбы человеческие...

Но в то время это меня ещё не занимало в силу моего незнания. Мне просто приятен был чуть прохладный августовский вечер на станции, где мы остановились надолго. Поскольку локомотив был отцеплен, мы без боязни прошли вдоль состава к вагону с вином, где сопровождающий за некоторую мзду нацедил нам своего нектара.

А дальше вернулись мы к себе, выпили этого винца да вольно подышали свежим воздухом русского летнего вечера, особенно дорогим после тяжкой среднеазиатской жары. Я уже говорил о странной притягательности армейских воспоминаний, вот и у меня одно нашлось. Пусть это совсем даже и не армия, а лишь сборы после окончания университета, но всё же... Лето 1978 года в Подмосковье было дождливым и прохладным, но в конце июля погода более-менее выправилась. И тут нам устроили некий вариант учений, подгадав их к прибытию высокого университетского начальства, вплоть до проректора. Но мне не пришлось участвовать в этих манёврах, я в это время был в числе дежурных по кухне. И это было ох какое везение!

Отрядили нашу команду обслуживать офицерский банкет, где за столами сошлись преподаватели нашей военной кафедры и офицеры Таманской дивизии, в которой мы и проходили сборы. Первая наша боевая задача состояла в том, чтобы подготовить и разложить посуду, выгрузить из машины приготовленную еду и занести её в палатку, ну и ещё всякую помощь поварам оказать. После того как мы всё это выполнили, нам был вручён здоровенный бак, наполненный салатом оливье, а также несколько буханок хлеба. При этом мы получили ещё один приказ – тихо сидеть в пределах видимости большой армейской палатки, предназначенной для банкета, и быть в полной готовности.

Друзья, как же прекрасен тихий летний вечер в средней полосе России, на берегу сонной речки с кувшинками, в тени лип и берёз, среди цветущих зарослей тысячелистника и пижмы. Мы были счастливы. Щедрая порция салата,

сколько хочешь хлеба – что ещё надо солдатику? О выпивке даже и не думалось, до того хорошо было просто разговаривать, о чём только вздумается, не выбирая тему, но позволяя диалогам мерно течь куда пришлось, подобно этой сонной речке, название которой я так и не удосужился узнать. И длилось это счастье целых два часа. Конечно, потом всё кончилось, и нетвёрдо подбежал к нам молоденький лейтенант, от которого, как в рассказах Саши Чёрного, «сладкой водочкой так и польхало», и крикнул нам: «Вперёд, ребята, ликвидировать последствия ядерного удара!» Ну и начался обычный труд, посуду собрали, повезли на кухню, мыли и так далее. Неважно, зато какая память осталась!

Наслаждаясь вечером, пусть на станции, пусть среди гудков и шума поездов, я чувствовал близкое завершение дороги и в то же время как будто не верил, что всё кончается. Но этой ночью действительно случился последний перегон. Мы проснулись в стремительно летящем поезде где-то уже после Коломны. Скорей приводить себя в порядок, насколько возможно! Грею воду паяльной лампой, потом мою голову, переодеваюсь, то же самое и шофёр делает, а кругом несутся уже дачные посёлки, ещё немного – и пролетает Малаховка, а там и Люберцы, и вот впереди вырастают белые высокие коробки выхинских (в ту пору ждановских) панельных новостроек. Москва!

Нам ещё предстояло покататься на Сортировочную, оттуда в Перово, потом опять на Сортировочную, но мы были в Москве. Возвращение домой... Это великая радость, таящая в себе многие обещания, и волнение, и скрытую до поры до времени печаль. Хорошо, когда можешь вернуться, когда тебя ждут, когда дорога твоя пришла к месту, из которого последует её продолжение. Жизнь длится, и это возвращение подобно привалу возле поворота дороги или перекрёстка путей. И даже физическая неподвижность не означает остановки – пока течёт кровь, пока летит мысль, путь продолжается. И мне иногда думается – ведь мы все в эти годы возвращаемся в Россию. Дай Бог!

Никита БРАГИН

Олег СЕЛЕДЦОВ

ВОСЕМНАДЦАТОЕ МГНОВЕНИЕ ВЕСНЫ

Прикрыв былые кудри ранней плешью,
Без видимых причин, без лишних слов,
Ко мне в окно влетел профессор Плейшнер
С шифровкой от центра меж зубов.

Я молча ел окрошку из кастрюли,
Текилой разбавляя, пил кефир.
Но в форточке торчал товарищ Мюллер,
И он в моём окне наделал дыр.

Сижу, гляжу на дыры и тоскую.
Кефир давно в кастрюле загустел.
И в этот миг в одну дыру такую
Нечаянно профессор залетел.

Он мне мигнул, и выпил цианида,
И перекрасил стены в красный цвет.
Смеётся Мюллер – значит, карта бита.
Попал я в сеть, и выхода мне нет.

И вот кричит он мне: «Попался, парень!»
Я руки вверх, но тут меня спасли
Сам Штирлиц с контрабасом Страдивари
И пастор Шлаг на лыжах от Дали.

В горшках цветы, на небе звёзды вьются.
Пусть знает враг, пока ещё у нас
На каждого на Мюллера найдутся
И лыжи, и кефир, и контрабас!

СОН № 7, УВИДЕННЫЙ В ЧЕТВЕРГ, ПОСЛЕ СНЯТИЯ КАРАНТИНА

Мне снился сон: под сладкозвучье вальса
(Читатель, не сочти, что я «ку-ку»)
Мой конь в пальто, который не валялся,
Был остановлен бабой на скаку.

Да ладно б пятитонною бабищей,
Стройна и атлетична, как назло.
Но днём с огнём всё королевство ищет
По паркам и садам её весло.

А мне лишь Дон Кихота латы впору.
Корм не в коня, и я спешу успеть
В Кудыкино, на облачную гору,
Где Ёрш и Ёршкин котик плавят медь.

Ползу в толпе с французами впритирку.
Ну, брат-мусью, не торопись, постой!
Я доберусь... но тут меня за шкирку
Поймал, ипона мать, городской.

Нет. Не волнуйтесь. Всё сошлось, как надо.
Сыграли мы в гусарское лото.
Пусть бабы нет, есть лучшая награда –
И я без лат, и конь мой без пальто.

ВАРЕНЬЕ

Ты варишь в тазу варенье.
Компьютер остыл в забвенье.
Дни чахнут, как привиденья.
Дожди о чатах поют.
Упрятан июнь под ником,
И пахнет твой лоб клубникой,
И чайка протяжным криком
Туманит память мою.

Буянит сосед за стенкой.
Ты ложкой снимаешь пенки.
Кузнечик расшиб колени –
Хотел на пир заглянуть.
Забыты даты и лица.
И старость совсем не снится.
Ах, как голова кружится.
«Ну дай на пробу чуть-чуть...»

АВГУСТОВСКАЯ ПЬЕСА

На окошке компании «Лето»
Поржавели слегка занавески.
Третью ночь я не сплю до рассвета,
Я пишу эсэмэски.

Звёздам, скрывшимся в утреннем шторме,
Бело-бурые снятся медведи.
В дымку горы оделись по форме.
Где же ты, моя Леди?

Я пишу сумасшедшую пьесу.
О любви и о верности, что ли?
Упросить бы мне ночь-баронессу,
Чтобы выучить роли.

Сны и грёзы о чём-то чудесном
Разлеглись в рыжелистой печали.
А смартфон на затёртую пьесу
Отвечает молчаньем.

Три часа на часах. Утро близко.
Ты, конечно же, спишь, моя Нежность.
Я дождями приправлю записки
И дыханием снежным.

Вышел месяц из тайного грота.
И на узкой тропинке, на Млечной,
Потеряю я, кажется, что-то,
Может, целую вечность?

Три часа. Спят Нева, Дон и Сена.
Спит на кухне варенье из вишни.
Я во сне репетирую сцену.
Я люблю тебя. Слышишь?

ПАСЬЯНС

Ах, жизнь моя, честное слово,
Мне ласки твои не впрок.
Я просто Валет бубновый,
У меня голова вместо ног.

Но я не несчастный самый,
Пусть кровью плюёт молва.

Дружу я с пиковой Дамой,
У неё вместо ног голова.

И вкус у надежды горький.
В нём зло, клевета и боль.
А в мире – одни «шестёрки»
И ногоголовый Король.

Елена ЗАСЛАВСКАЯ

ЭТИ РУССКИЕ

Эти русские мальчики не меняются:
Война, революция, «русская рулетка».
Умереть, пока не успел состариться,
В девятнадцатом, двадцатом,
Двадцать первом веке.

Эти русские девочки не меняются:
Жена декабриста, сестра милосердия.
Любить и спасать,
Пока сердце в груди трепыхается,
В девятнадцатом, двадцатом,
Двадцать первом веке.

Ты же, мой русский мальчик:
Война, ополчение, умереть за Отечество.
Ничего не меняется,
Ничего не меняется.
Бесы скачут,
А ангелы ждут на пороге вечности.

Я твоя русская девочка:
Красный крест, белый бинт, чистый спирт.
В мясорубке расчеловечивания
Будет щит тебе
Из моих молитв.

А весна наступает. Цветущие яблони
Поют о жизни, презревшей тлен,
Так, будто они – православные,
Русские и после молитвы встают с колен.

ГРАНИЦЫ

Нас разделяют границы.
Линия фронта. Линия жизни.
Мы будем друг другу снится,
Это всё, что осталось нам ныне.

Я ничего не забыла...
Но снова – в который раз –
Обрывается связь мобильная,
Остаётся сердечная связь.

Ни прощения, ни отмщения,
Только боль распиная грудь,
Не осталось путей сообщения,
Только Млечный Путь.

И по звёздам, что в небе светятся,
Через взорванные мосты
Я лечу к тебе, чтобы встретиться
У взятой тобой высоты.

ЛЮБОВЬ НЕ ТРЕБУЕТ

Любовь не требует взаимности
И не гадает: что же будет?
Вот я иду по полю минному
И рву ромашки с незабудками,
А месяц тонкий, тронь – порежешься,
Глаза решимости полны.
Есть только шаг один до вечности,
До тихой легкокрылой нежности,
До бьющей в сердце откровенности,
До истинной душевной верности.
И нет ни страха, ни вины.

В ЗИМНЕМ СНЕ

В снежных шапках терриконы,
В белых ризах тополя,
Как тиха и как спокойна
В зимнем сне моя земля!
Мягким светом отливают
Золотые купола,
На молитву заывают

Всех мирян колокола.
Но божественное явно,
Осязаемо, смотри,
Как незыблемая данность,
Непреложность красоты,
Как огонь, что сердце греет,
Заставляя трепетать,
Как желание поверить,
Что не страшно умирать!

НА САУР-МОГИЛЕ

На Саур-Могиле
Опять его убили.
Его убили снова.
Красивого, родного,
С глазами, как у мамки...
Арта. Пехота. Танки.
Как в страшном сорок третьем,
Уже в другом столетье.
Там, где отцы и деды
Сражались за победу,
Он там же пал, он с ними,
Теперь в одной могиле.
На высоте контрольной
Героем стал невольно.
Кругом лишь степь, да поле,
Да русское раздолье.

Земли нет в мире краше.
В ней спят солдаты наши.

КОГДА-НИБУДЬ

Когда-нибудь
Ты вылепишь из глины
Лицо моё,
И шрам, и родинку, и каждую морщину,
Свидетельницу болей и тревог,
Ты влажными и тёплыми руками
Коснёшься острых скул,
Быть может, Бог
Вот так лепил Адама
И жизнь в него вдохнул.
Твори меня – средь смерти и войны,

20 лет
1993 СССР

Завод тракторных запчастей, г. Курск, Россия

20 лет
1993 СССР

Завод тракторных запчастей, г. Курск, Россия

20 лет
1993 СССР

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

РАССКАЗ-ДИАЛОГ

Когда смотришь по «ящику», как сегодня люди называют телевизор, маститых политологов и просто ведущих, которые не жили ни при Союзе, ни при других формациях, и слушаешь их поверхностное суждение о жизни, то невольно начинаешь вспоминать свои прожитые годы и удивляться плодам их фантазий. Не секрет, что от частого повторения их фантазии перерастают в мифы, часто отрицательного толка, в угоду существующему режиму.

У нас не привыкли слушать простых людей, их мнение редко в какие времена было решающим. И сегодня, как бы наверху ни твердили: «Народ и только народ решает, как ему жить. Народ – это власть!» – всё это остаётся красивыми словами, а роль личности в истории неоспорима, и хорошо, когда эта личность обладает государственными чертами, беспокоится обо всём народе, а не о его части, но всё в большинстве случаев происходит наоборот.

Мы, трое детей, родились в семье рабочих казачьего происхождения, в самом сердце России, Воронежской области. Двое парней довоенного рождения и сестра, родившаяся в первом послевоенном году, страшном своим голодом, о котором сегодня не помнят, а скорее просто не

знают. Этот голод не очень коснулся больших городов, а больше малых и сельской местности, которых обобрали в угоду большим городам.

Как-то в 80-е годы прошлого века, когда я в форме капитана 1-го ранга стоял в очереди за туалетной бумагой (представьте, было и такое), одна расфуфыренная москвичка вспоминала о хорошей жизни в послевоенной Москве. На это я ей сказал, что в это время провинция голодала. «Вы ели лепёшки из желудей?» – спросил её. Она стала обвинять меня во лжи и прочих поклёпах на нашу власть. А ведь действительно, откуда ей было это знать, такое замалчивалось. Мало об этом известно и сегодня. Почему? Да потому что «бытие определяет сознание», а в нашей стране всегда был лозунг «Мы лучше других!».

Я вспомнил об этом, потому что в это время сестре было полтора года, и все заботы о ней легли на мои плечи как старшего из детей, а отец с матерью были заняты тем, чтобы всем обеспечить выживание.

Сегодня, 75 лет спустя, нас осталось двое с сестрой, средний брат умер, судьба распорядилась так, у него была нелёгкая жизнь и работа. А мы вот с сестрой вспоминаем прошлое, глядя на настоящее.

Сестра моя живёт в Воронежской области, я в Подмосковье. Так пришлось. Сегодня разница в жизни этих двух регионов более ощутима, чем 75 лет назад. Тогда по крайней мере жители провинции не искали работу на стороне, в больших городах, а развивали свою промышленность и хозяйство, помогая и большим городам, как говорят в армии, «не только припасом, но и живой силой!». Сегодня положение иное – тогда кабачковую икру и подсолнечную халву Острогжского комбината знал весь Союз, а сегодня эти продукты доподлинно «заморские».

– А почему? – задаёт вопрос мне сестра. На него в двух словах трудно ответить.

– Одно ясно, – говорю ей, – немалую роль здесь сыграла необдуманная оптимизация!

Сегодня, когда загублена местная промышленность под видом оптимизации и экономии средств в угоду нерусским предпринимателям, люди из сёл и малых городов вынуждены искать работу в больших городах. Сестра говорит, что в Нововоронеже, где работают уже четыре блока АЭС, работы не найти. На станции работают только «свои люди», а остальные ищут работу в Воронеже, Курске, а в основном в Москве. Провинция, отдавая свои кадры на сторону, гложет и пустеет... Вот вам и великая Россия, которая суживается до Московии.

– Почему так? – спрашивает сестра.

– Сложный вопрос задаёшь мне, Катюша, – говорю ей. – Нет сегодня в стране людей, болеющих за её интересы, вернее, за её народ. Всё продали за 30 серебряников старые политики, выросшие в дублёнках КПСС, а также новые, бывшие комсомольцы. А потом пошли их дети, а как говорят в народе, «от паршивого семени рождается поганый плод». На флоте ещё говорят так: «хороший человек тонет, а дерьмо всегда плавает». И нет сегодня личности, способной вывести страну из штопора...

– Но должен же быть конец этому! – восклицает сестра.

– Не знаю, – отвечаю. – Я всё чаще возвращаюсь к словам, которые печально произнёс истинно русский поэт: «С того и мучаюсь, что не пойму, куда несёт нас рок событий!»

Сестра задумывается и говорит:

– Вадим, вот мы плохо жили после войны, голодали. Я плохо помню это время, была маленькой, но и потом не очень было сытно. В своём детстве я не имела даже хорошей куклы, игралась тряпичной, которую смастерила бабушка. В школе не имела нарядов, даже порядочного пальто, но радовалась жизни и смотрела в будущее с надеждой. А сегодня! Чего не хватает нынешней молодёжи, да и вообще людям? Имеют то, о чём мы даже и не мечтали, – дачи, машины... молодёжь устраивает сказочные выпускные праздники после окончания школы, а счастья на лицах нет...

– Катюша, сегодня совершенно другое общество. Мы не успели воспитать истинно трудового человека, дали ему свободу, не объяснив её смысла. А в человеке быстрее проявляются низменные, нежели положительные чувства, чем и воспользовались наши идейные противники, опередив нас в идеалах, к которым не очень стремились наши руководители. Мгновенно трудовое общество превратилось в общество потребителей. Мы сегодня даже обычные бинты ввозим из-за границы, развивая их промышленность, а не свою, которую загубили в 90-х годах при Ельцине. Хваткие занимали всё, а честным и трудолюбивым не досталось ничего. «Не умеете жить!» – говорят нам власти, бросая мелкие подачки с барского стола. А народ и этому рад. Выживать-то надо. И не родилась ещё личность, готовая покончить с этим беспределом. Страной сегодня правят временщики, а не хозяева. Трудная задача стоит перед страной, чтобы стать великой. И во главе этой задачи стоит Человек, о котором забытый сегодня Максим Горький говорил: «Человек – это звучит гордо!» Когда это сбудется, то и слово «Россия» зазвучит гордо!

– Брат, да ты патриот России, – говорит сестра, – с такой надеждой говоришь о её будущем...

– К слову, о патриотизме. Этот термин и сегодня вызывает массу вопросов. Что это такое? Никто не может ответить определённо. Лично я считаю патриотизмом любовь к малой родине. Недаром раньше говорили: «Где родился – там и пригодился». Сегодня эту поговорку уже редко услышишь. А почему? Попытаюсь коротко пояснить.

Сегодня вместо той поговорки чаще звучит другая: «Рыба ищет где глубже, а человек где лучше». И это проявляется хотя бы на примере эмиграции. В нашем детстве мы и не слышали такого термина, а сегодня это мировая проблема.

Почему люди не могут или не хотят жить на родине? Я считаю, что причиной стало общество потребления – труда меньше, а желаний больше. Люди устремляются туда, где живут лучше, и пытаются воспользоваться плодами чужого труда, ведь не они создавали этот уровень жизни. Сдерживать их на родине никто не стремится. Власти, которые должны руководить народом, заняты своими заботами. А что такое народ без руководства и вожака – это, грубо говоря, стадо, которое ищет себе пастбище, рискуя даже жизнью...

Власти только говорят о патриотизме, а сами не хотят вникнуть в суть этого явления.

В послевоенные годы после окончания институтов и техникумов многие из нас стремились вернуться на малую родину, но этому мешала система обязательного распределения. Сегодня вольные хлеба, но почему-то большинство бежит за тридевять земель... Одним словом, Катюша, патриотизм – это сложное понятие, и его надо решать не словами, а делами.

Чтобы привить младому поколению уважительное отношение к своей родине, требуются время и усилия. В первую очередь отношение к человеку, забота о каждом человеке в отдельности, о чём мы говорили выше. Никакими призывами и лозунгами внушить это невозможно, надо чувствовать! Нужна великая цель!

Сестра, как-то ты меня спросила, что вот Нововоронеж отдаёт в Воронеж два миллиарда рублей, то ли налогов, то ли каких взносов, а куда идут эти деньги? Этот вопрос заставил меня изучить кое-что, и я понял, что зависимость регионов от центра существовала давно. Но последний курс на оптимизацию и централизацию окончательно загубит Россию как цельное государство. Большая часть налогов всегда уходила в центр, но то, что происходит сегодня, это уже перебор, на мой взгляд рядового гражданина страны.

Большую часть налогов нижестоящие поселения отдавали выше, не всегда получая помощь сверху. Сегодня это уже за пределами. Курс на

централизацию и оптимизацию под видом экономии довёл ситуацию в стране до абсурда.

Вспоминаю, что ещё в начале века, посещая город Острогожск, мою малую родину, я удостоился приглашения главы района, не буду называть его фамилию, где он в задушевной беседе приоткрыл мне тайну формирования бюджета Воронежской области. Сегодня Острогожск теряет значение в области, а 30 лет назад это был значительный район. Для меня откровения были не открытием, но подтверждением финансовой зависимости муниципальных и региональных образований от вышестоящих властей.

Такой курс в политике и экономике ведёт страну в тупик, но верховные власти это устраивает. И принцип «хочу дам, а хочу – нет!» распространяется на все уровни власти. И те, кто у власти, понимают пагубность такого управления, но не готовы отказаться от него, понимая, что для них личная власть – всё, а интересы страны и народа – это второстепенно! Им чужд постулат «Богатый народ – сильное государство!»

Сестра, что-то мы с тобой заболтались. Кому нужны наши воспоминания сегодня? Все предпочитают учиться на собственных ошибках.

Знаешь, у памяти есть хорошее свойство – оставлять хорошее, а вот плохое и жестокое как-то сглаживать. И это хорошо. Если бы негатив хранился в нашей памяти, то жизнь превратилась бы в сплошной кошмар. Но этого свойства, к сожалению, нет в общественном развитии, скорее наоборот, что и подтверждают наши с тобой воспоминания.

Каждая формация правления имеет свои плюсы и минусы. Если бы каждая последующая власть заимствовала от предыдущей только положительные моменты, то мы, наверное, жили бы уже в раю. Но, как показывают факты, зачастую всё происходит наоборот, то есть выходит, что история учит, что у неё никто не учится. Мне возразят маститые политологи, но я уже давно понял за немалую жизнь, что большинство политологов и экономистов всегда оправдывают власть, при которой живут и которая даёт им масло на хлеб!

Давай, Катюша, продолжим свои воспоминания в последующем, если Бог даст нам такую возможность.

Вадим КУЛИНЧЕНКО,
публицист

РЯДОВОЙ ВОРОБЬЁВ

РАССКАЗ

У рядового Воробьёва срочная служба в армии только-только началась, но лейтенант уже хвалил его и ставил другим солдатам в пример. Дело в том, что строевая подготовка, которую взводный считал основой основ армейской службы, Воробьёву давалась куда легче, чем многим из его товарищей. Дома он много лет занимался карате, и теперь «тянуть носок», как требовал командир, было для Воробьёва просто детской забавой. Но однажды всё изменилось...

Мотострелковый батальон, в котором служил Алексей Воробьёв, прибыл в Чечню на второй день штурма Грозного. Среди солдат ходили самые разнообразные слухи о количестве убитых и раненых, и эти пересуды не предвещали ничего хорошего в судьбе любого из вновь прибывших. Маховик войны, в огне которой уже сгорели сотни русских и чеченцев, с каждым днём набирал обороты...

Орудийные выстрелы, которые Алексей слышал раньше лишь во время праздничных салютов, теперь грохотали непрерывно. Воробьёв ясно ощутил, что прыгающий на кочках БТР неумолимо приближается к тому месту, где каждому без исключения в лицо заглядывает смерть. Алексею было страшно. По спине пробежал холодок, переходящий в лёгкий озноб. Он оглядел притихших сослуживцев, трясущихся в жёстком и неудобном бронетранспортёре, и с некоторым облегчением отметил, что на его состояние никто не обращает внимания. Незаметным движением руки убедился, что нагрудный крестик на месте.

Алексей вспомнил дом, где остались мать и бабушка, которой было уже за восемьдесят. Он знал, что они будут переживать за него, и в душе всколыхнулась жалость к матери, которая страдала от диабета и держалась только благодаря лекарствам. Воробьёв с сожалением подумал о том, что нет у него ни отца, ни брата, ни сестры.

Отец по пьянке утонул в реке, когда Алексею не было ещё и года, и осталось от него только несколько пожелтевших фотографий и могила на городском кладбище. Девушки у солдата тоже не было.

На следующий день рано утром Воробьёв и его товарищи заняли боевую позицию. Стоял густой туман, и за его стеной не просматривались даже ближайšie сто метров. Где-то совсем рядом, заглушая автоматные очереди, рвались снаряды. Впереди что-то горело, тянуло дымом и непонятным зловоньем. Лейтенант послал сержанта разведать, что там, впереди, а в качестве помощника выделил ему Воробьёва.

Сержант и Воробьёв медленно шли метрах в пятидесяти друг от друга и, опасаясь возможных «сюрпризов», оставленных противником, внимательно изучали почву под ногами.

Совершенно неожиданно возле Алексея разорвался шальной снаряд. Ему оторвало ногу и зацепило живот.

Огненная боль как ножом вспорола все чувства... Беспорядочно замелькали знакомые и незнакомые лица.

Появилась приземистая фигура комбата, который в такт приступам боли отчеканил:

– Мы едем не к теще на блины. Мы едем наводить конституционный поря...

Очередной вопль солдата взорвал сознание. Комбат пропал...

Какой-то мужик задержался перед Алексеем и пробасил:

– Вот такая загогулина, понимаешь...

Потом всё исчезло, кроме острой пульсирующей боли.

– Мама! Мама! – кричал и рыдал Воробьёв.

И вдруг боль отступила, и Воробьёв увидел, что над ним склонился Бог.

– Господи, спаси меня, я хочу жить, я ведь ещё так молод. Я почти ничего не успел. Я ещё не испытал, что такое женщина, – умоляюще прошептал Алексей.

И в ответ услышал:

– Я тебя спасу, если ты захочешь. Но сначала расскажу, что тебя ждёт. До конца своих дней ты останешься калекой, ковыляющим на деревяшке. Ты не сумеешь устроить свою жизнь

и сопьёшься. Никому не будет до тебя дела. Ты будешь слабым, а слабых не любят ни окружающие их люди, ни власть. Новые русские будут тебя презирать, и никто из них не поможет тебе. Для всех ты станешь обузой. Будешь просить милостыню, а деньги пропивать. И грязный, вшивый, больной умрёшь на вокзале на бетонном полу... Ну что, теперь хочешь жить?

– Господи, хочу жить! Хочу! И постараюсь изменить твоё предсказание. Ты же создал меня человеком, дал разум, волю.

– Ну что ж, живи.

Видение исчезло, и солдат погрузился во тьму.

Сержант, который получил только лёгкое ранение, вовремя оказал Воробьёву помощь и тем самым спас его...

Алексей долго скитался по госпиталям и домой вернулся на костылях. Мать и бабушка встретили его обильными слезами, в которых смешались и радость, и горечь беды, ворвавшейся в их жизнь.

Воробьёв долго осматривался в новой для себя обстановке и думал, как не пропасть в этом мире. На работу его не брали, а на скудную пенсию прожить было невозможно. В городе одно за другим закрывались предприятия, и слово «безработица» стало для многих жителей понятием вполне конкретным и осязаемым. Однако судьба всё же улыбнулась Алексею. Через своих знакомых мать устроила его в сапожную мастерскую, где был хоть какой-то заработок. Теперь Воробьёв был при деле, работа ему нравилась. Она позволяла приносить людям пользу и отвлекала от тяжёлых мыслей. Иногда Алексей бросал через окно взгляд на улицу, видел спешащих прохожих и, потрогав рукой обрубок своей ноги, продолжал заниматься старой обувью. Там же, в мастерской, он познакомился с Татьяной, которая была в числе первых его клиентов. Вскоре они поженились.

С раннего детства Татьяна сполна хлебнула сиротства. Может быть, именно это и подтолкнуло её избрать профессию воспитателя детского сада. Она жалела слабых, а все дети, по её мнению, были слабыми и беззащитными. В жизни у неё была только одна большая мечта: создать

крепкую семью и вырастить детей, которые не повторили бы её судьбу.

Алексей и Татьяна жили дружно, и поначалу всё складывалось удачно. Невестка ладила со свекровью, хотя и жили они в одной квартире. Вскоре Татьяна родила сына – это был самый счастливый день в её жизни.

Гроном среди ясного неба стало для Алексея известие о том, что помещение сапожной мастерской выкупил какой-то предприниматель, чтобы открыть там магазин. Воробьёв остался без работы. Пытался ремонтировать обувь на дому. Чтобы привлечь клиентов, расклеил по городу объявления. Однако из этой затеи ничего путного не получилось.

Как назло, вскоре появились проблемы и у жены Алексея. На работе начали задерживать зарплату, которую и деньгами-то назвать было как-то неловко, так как инфляция набирала обороты. Пришлось Татьяне подрабатывать: вечерами и в выходные дни торговала в хлебном ларьке одного мелкого предпринимателя. Платил тот не ахти как, но где заработаешь больше...

Пришла зима, и в ларьке Татьяну стал одолевать холод. Можно было бы поставить мощный электрический обогреватель, но как же его купишь, если он стоит ползарплаты, а денег хватает только на питание. В разговоре с хозяином Татьяна как-то заикнулась о камине, и хозяин сказал, что купит калорифер, но недвусмысленно намекнул, чем за это ей придётся заплатить. Подобные домогательства Татьяна сразу же отвергла и продолжала мёрзнуть, хотя надевала на себя всё самое тёплое, что у неё было.

На появившееся недомогание она не обратила особого внимания, пересиливала себя и шла на работу. Когда слегла, молодой врач «Скорой помощи» не нашёл ничего страшного, а спустя неделю Татьяна умерла от крупозной пневмонии.

Воробьёв совсем пал духом, стал пить, и водка заглушала его душевные и физические муки. Перед глазами маячил годовалый осиротевший сын. Периодически стали появляться мучительные боли в желудке и позвоночнике; от протеза по ночам ныла культя и не давала спать. Душило безденежье. Алексейпил горькую, и ему становилось немного легче.

У Алексея появились друзья, такие же, как и он, неудачники. Он стал пропадать по ночам. Однажды Воробьёв ушёл из дома и не вернулся. Говорили, что его видели на юге, в одном из курортных городов, на вокзале, в компании бомжей, испитого и окончательно опустившегося.

Через два года в городской газете появилась публикация следующего содержания:

«Решила написать вам горькое письмо, может быть, поможете нам. Дело в том, что я уже старая, пенсия маленькая и ту задерживают, а мой внук остался без отца и без матери. Мать умерла, а отец бросил своего ребёнка. Внуку моему три годика. Такой красивый ласковый мальчик, чистенький, но мы часто сидим с ним полуголодные.

Сейчас вот все ноги истоптала по милиции, сколько заявлений на сына подала, чтобы его изловили и заставили работать на ребёнка. Правда, сын-то у меня инвалид, да и спился к тому же, где-то бомжом ходит. Жив ли, и сама не знаю. А милиция говорит, что этим заниматься никто не будет. Вот теперь прошу, чтобы сына лишили родительских прав, потому что уже толку не будет. Наша местная власть пообещала устроить дитя в детдом, но всё до сих пор что-то тянут, и никакой помощи.

Помогите мне, добрые люди, отдать внука в хорошие руки на воспитание. Клянусь Богом, искать его не буду. Я сама не могу воспитать. Буду не против, если кто-то из-за границы усыновит.

Не осуждайте меня, люди, за такой мой грех. Ведь я уже старая и больная, и к тому же диабетик. У меня на руках ещё и мать 86 лет. А живу я на первом этаже. Соседи меня то и дело заливают, да и свои краны ни один не работает. Куда только не обращалась. И в жилконтору тоже. А там отвечают, за свой счёт, бабка, всё делай. Много ли на пенсию сделаешь, если порой молока ребёнку не на что купить.

Простите меня, люди добрые. Раиса Ивановна».

Ниже этого письма была пометка о том, что адрес Раисы Ивановны находится в редакции.

Уйти от суеты...

ДАРЫ

Дарило солнце мягкое тепло,
Последнее перед зимою стылой,
Перед осенней слякотью унылой
Заплакало оконное стекло.

Дарила осень золото листвы
Перед своим уходом в бесконечность.
И, не преодолев свою беспечность,
Трепал верхушки ветер у травы.

Дарила ночь серебряную нить,
Связующую сумерки с луною.
Мне осень подсказала быть такою,
Чтоб, уходя, от всей души дарить!

КАК МНЕ УЙТИ ОТ СУЕТЫ?

Как мне уйти от суеты?
Без долгих сборов сесть на поезд.
Пусть за окном плывут цветы
И травы сочные по пояс.

На верхней полке боковой
Улёгшись – что же, не до жиру! –
Уснуть, чтоб выспаться с лихвой,
И с нижней полки пассажиру

Про утро доброе сказать,
В ответ услышав ту же фразу,
Проводнику постель отдать,
Ответить на звонок не сразу:

«Да, я... пропала?.. никуда...
Нормально... ну пока... в плацкарте».
Сойти на станции «Мечта»,
Не обозначенной на карте.

Ирина РЕЗНИК

Родилась в совхозе Ленинском Северо-Казахстанской области. Детство прошло в г. Петропавловске. Окончила художественно-графический факультет Омского государственного педагогического института. Работала художником-оформителем на предприятиях Омска, преподавателем рисунка и живописи в студии творчески одарённых детей, заведующей музеем Омского государственного университета путей сообщения (ОмГУПС). Кандидат философских наук, член Союза писателей России, член творческого Союза художников России. Участница творческого объединения «Рисовальные понедельники» при Омском музее народного художника РСФСР К. П. Белова. Учёный секретарь Омского регионального отделения Петровской академии наук и искусств (ПАНИ, Санкт-Петербург). Издано восемь книг стихов и прозы. Имеет множество публикаций в различных изданиях. Лауреат нескольких поэтических конкурсов. Автор-исполнитель собственных песен.

ВДРУГ ПОНИМАЯ

Прийти и губами белее мела,
Не думая: надо ль, не надо –
Бросаться словами, как острыми
стрелами,
Добавив смертельного яда.
Уйти, оставив того, кто повержен,
Тихо зализывать раны,
И равнодушно – не рад, не рассержен –
Строить дальнейшие планы.
Острой косою о камень твёрдый

Бить, чтобы искры летели.
 Знамя победы поднять и гордо
 Двигаться к выбранной цели,
 Вдруг понимая, что цель – пустяк,
 И у знамени цвет поблек,
 И что поверженный – вовсе не враг,
 А близкий, родной человек...

ВЕТРЫ

Ветры с востока подули,
 Похолоданье неся.
 Уже середина июля,
 Начало вернуть нельзя.
 Ветры, сырые ветры
 Серых нагнали туч,
 Что мне считать километры,
 Если утерян ключ?
 Если забиты двери,
 Дни забыты и сны.
 Приобретенья в потери
 Если превращены...

ОТКУДА БЕРЁТСЯ ТОСКА?

Птицам киваю слегка,
 Сбившимся в чёрную стаю.
 Откуда берётся тоска?
 Не очень-то я понимаю.

Может, рождает её
 Неба свинцовая серость?
 Вот и душа не поёт
 Так, как раньше ей пелось.

Крик ли тех самых птиц,
 Бред ли, несомый пьяным,
 Иль под ногами шприц,
 Брошенный наркоманом?

Или бессонная ночь,
 Утро ли непогожее,
 Или просто выросла дочь,
 Так на меня похожая?

ГОРОДСКИЕ ВЛЮБЛЁННЫЕ

Какой арбузный запах у травы,
 Что срезана косилкою газонной,
 Судьба и одуванчикам, увя,
 Попасть под нож, ну что ж,
 вполне резонно,

Чтобы ухоженностью ровною своей
 В дизайн среды внести порядок строгий.
 А им бы в неухоженность полей,
 Влюблённым двум, идущим по дороге.

Упасть бы им в душистую траву,
 Заполненную стрекотом и звоном,
 И обо всём забыть, и наяву
 Вдруг воспарить над полем невесомо,

И плавно опуститься, и опять
 Идти, почти не слыша телефона,
 Вернуться к старым планам и дышать
 Оттенками арбузными газона.

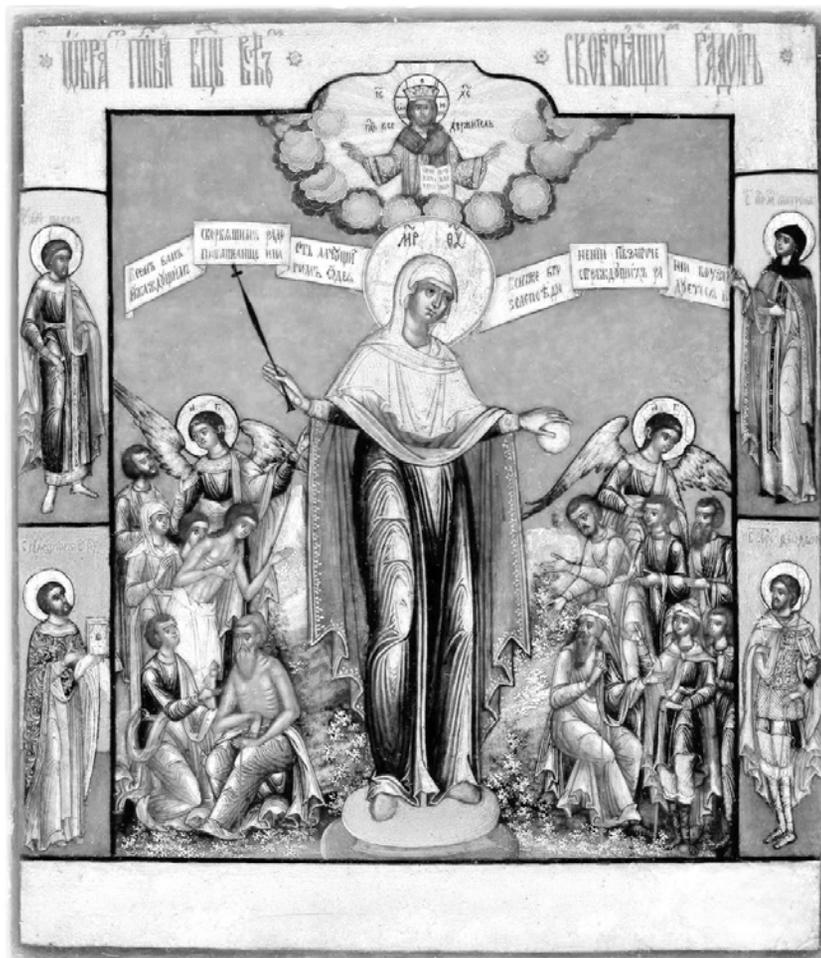
ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ

Этот опыт, жизненный опыт
 Мне спасибо сказать позволит
 Той, чей злой и нелепый ропот
 Мою рану обильно солит,

Нанесённую ею, впрочем,
 Это было совсем не сложно.
 И тому, кто успех пророчит,
 Проклиная меня безбожно.

Я спасибо сказать могла бы
 И тому, кто считался близким,
 Сильным, но оказался слабым
 И лгуном на процентов триста.

Пусть и крик, и зловещий шёпот –
 Всё на пользу и всё к чему-то,
 И подскажет жизненный опыт
 Мне любую ценить минуту...

«Надежда ненадёжных, сила беспомощных, заступление обидимых...»

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЬ»

Среди чудотворных образов Царицы Небесной особенно близка сердцу православного человека икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Это неудивительно, ведь многие из нас на протяжении жизни проходят через лишения и трудности, скорби и печали, болезни и немощи. И уже само название иконы «Всех скорбящих Радость» пробуждает и укрепляет веру людей в Богородицу как в дивную Заступницу, Которая всегда там, где людские скорби и страдания, Которая и в самом тяжёлом горе утешает нас и даёт минуты небесной радости.

Подлинник чудотворной иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» с 1643 года находился в московском храме Преображения Господня на Ордынке. Прославился образ в 1688 году поразительным исцелением родной сестры патриарха Иоакима. Евфимия тяжело страдала от ужасной раны в боку, и только горячая молитва помогала ей переносить мучительную боль. Однажды, моля Пресвятую Богородицу о помощи, она услышала голос: «Евфимия, почему ты не прибегаешь к общей для всех Исцелительнице?» – «Где же мне найти такую исцелитель-

ницу?» – спросила больная. «Есть в храме Преображения Сына Моего, – отвечал невидимый голос, – образ Мой, именуемый “Всех скорбящих Радость”. Призови священника с этим образом, и когда он отслужит молебен с водосвятием, ты получишь исцеление. Исцелившись, не забывая Моего к тебе милосердия». Выполнив это повеление, страдалница стала здоровой на глазах поражённых чудом родных. С того времени не иссякали чудеса и исцеления от этой иконы, и все «с верою притекающие» к ней получали утешение и помощь Пресвятой Богородицы. В 1770 году для иконы был устроен придел. Празднование ей совершается 6 ноября (24 октября).

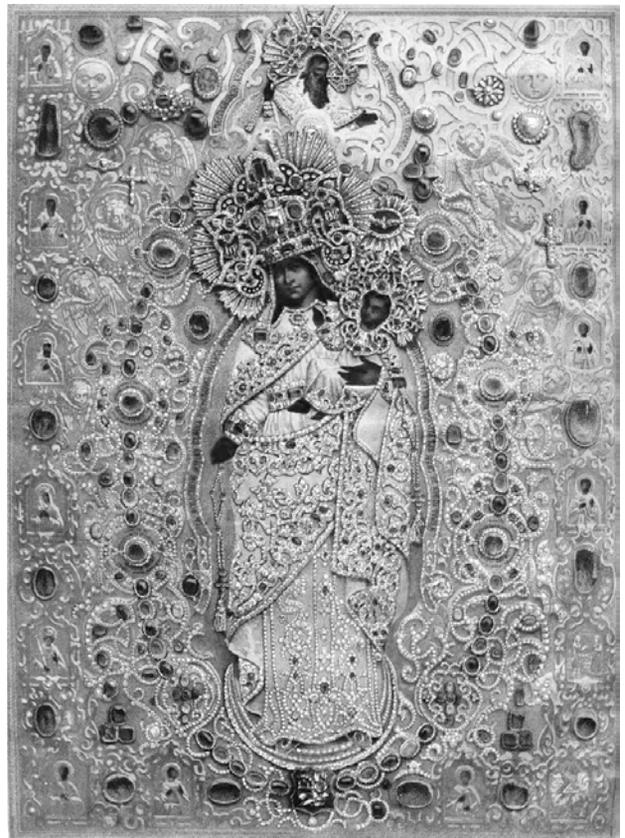
В 1922 году власти изъяли церковные украшения и утварь – более четырёх пудов золота и серебра. В 1933 году храм был закрыт, колокола сняты, но внутреннее убранство сохранилось. Во время Великой Отечественной войны здесь были запасники Третьяковской галереи. В 1948 году богослужения возобновились, и верующие вновь получили доступ к чудотворной иконе.

Многочисленные списки с явленного образа, разошедшиеся по всей России, также прославились чудотворениями. В 1711 году, когда царская резиденция была перенесена в Санкт-Петербург, родная сестра императора Петра I царевна Наталья Алексеевна, по чувству особого благоговения к чудотворной иконе, в числе прочих святынь перевезла из Москвы её копию и поставила в домовую церковь Воскресения Христова при своём дворце. При этом дворце устроены были больница для бедных и богадельня с особым отделением для приёма брошенных младенцев, первым в своём роде, до основания воспитательных домов в Санкт-Петербурге и Москве. В царствование Елизаветы Петровны для чтимого образа был возведён большой каменный Скорбященский храм. Сама святыня под устроенной сенью заняла правую нишу возле иконостаса, четыре колонны вокруг неё и свод были вызолочены. Стараниями почитателей святая икона была украшена золотой ризой, алмазными венцами, большой алмазной цепью и жемчужным покровом. В числе украшений ризы особенно замечательны были два больших яхонта, принесённые в дар графом

Шереметевым и герцогиней Серра-Каприола. Все украшения на иконе оценивались в 150 000 рублей.

В 1928 году церковь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» была закрыта. Чудотворную икону перенесли в Спасо-Преображенский собор, где она пребывает поныне. А в открытом в 1995 году Скорбященском храме на Шпалерной сейчас находится другая икона Богоматери «Всех скорбящих Радость», копия XVII века. Московская икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость» по-прежнему пребывает в Преображенском храме на Большой Ордынке.

Ещё один список с иконы прославился исцелениями в середине XIX века в селе Ивановском Московской губернии. Крестьянка Ирина Петрова, семь лет страдавшая неизлечимой болезнью, по откровению во сне нашла в приходском храме старую икону Божией Матери «Всех скорбящих Радость» и после молебна перед ней получила исцеление. Сейчас село Ивановское вошло в черту Москвы (метро «Новогиреево»), и этот образ находится в местном храме.

Среди икон Божией Матери «Всех скорбящих Радость» в XIX веке особенно прославился образ из Санкт-Петербурга, который называют «с грошиками». В 1998 году в память 110-летия чудесного прославления этой иконы Патриарх Алексей II своим указом присвоил ей особое наименование «Санкт-Петербургская икона Божией Матери “Всех скорбящих Радость” с грошиками». Образ называется так в память о чуде, произошедшем 23 июля 1888 года. В часовню в деревне Клочки близ Петербургом во время страшной грозы ударила молния. Опалившая стены и окна стихия оставила невредимой икону «Всех скорбящих Радость», лишь пережгла шнурок, которым она прикреплялась к стене. Образ этот был пожертвован купцом Матвеевым, торговавшим на заводе. Рассказывали, что икона была прибита волнами к берегу Невы и принята купцом. Бывшая при часовне сторожихой монахиня, очнувшись, увидела, что стоящий на полу образ чудесным образом обновился – потемневший от времени и копоти лик просветлён. Рядом лежала разбитая кружка для сбора пожертвований, деньги рассыпались, а двенадцать монет – грошиков (полукопеек) – оказались прикрепленными к образу, вплавленными в него, потом одна из них отпала. Весть об этом событии быстро разносилась по столице, толпы народа потянулись к часовне. Почтил это место своим посещением и император Александр III.

От иконы простекло множество чудес и исцелений. В 1890 году во время молебна пред образом получил исцеление 14-летний сирота, от

рождения парализованный и страдавший страшными эпилептическими припадками, и жена писателя, неизлечимо больная чахоткой, потерявшая голос из-за опухоли горла. Вскоре появился новый тип иконы «Всех скорбящих Радость», на которой краской стали писать грошики. Было также установлено празднование в честь этого образа – 23 июля (5 августа), в день его чудесного преобразования. На месте часовни в 1898

году была построена церковь во имя явленной иконы.

К началу XX века икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость» с грошиками (или, как ещё её называли, «с копеечками») была одной из самых почитаемых в Санкт-Петербурге. «Сходить на поклонение к святыне, помолиться перед нею – душевная потребность каждого православного жителя Петербурга», – писала одна из газет. Настоятель Скорбященской церкви протоиерей Пётр Скипетров стал

одним из первых новомучеников – в январе 1918 года, пытаясь оградить святыню Александро-Невской лавры от поругания, он был застрелен на ступеньках Троицкого собора захватившими монастырь красноармейцами (в 2002 году отец Пётр прославлен как священномученик Петроградской епархии). Через 12 лет Скорбященский храм был закрыт, а затем взорван. Икона Божией Матери хранилась в семье верующих, а после войны, когда в Свято-Троицкой церкви, называемой в народе «Кулич и Пасха», возобновились богослужения, образ передали туда.

Сейчас икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость» с грошиками пребывает на своём историческом месте, в возрождённой Скорбященской часовне, ставшей подворьем Свято-Троицкого Зеленецкого мужского монастыря. В 1998 году в память 110-летия чудесного прославления этой иконы Патриарх Алексий II своим указом присвоил чудотворному образу особое наименование «Санкт-Петербургская икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость» с грошиками».

Икона «Всех скорбящих Радость» – трогательный символ неустанной заботы Матери Божией обо всём роде людском. Пречистая и Пренепорочная Дева, претерпев великие страдания во время Своей земной жизни, сделалась Радостью для всех скорбящих и Защитницей для тех, кто в несчастьях, бедах и болезнях не надеется на богатство и власть, не ищет помощи у сильных мира сего, не ждёт чуда от «целителей» и экстрасенсов, а со смирением и покаянием обращается в молитве к Небесной Заступнице.

Перед иконой Богоматери

*Царица неба и земли,
Скорбящих утешенье,
Молитве грешников вземли:
В Тебе – надежда и спасенье.
Погрязли мы во зле страстей,
Блуждаем в тьме порока,
Но... наша Родина... О, к ней
Склони всевидящее око.
Святая Русь – Твой светлый дом –
Почти что погибает,
К Тебе, Заступница, зовём:
Иной никто о нас не знает.
О, не оставь Своих детей,
Скорбящих Упованье,
Не отврати Своих очей
От нашей скорби и страданья.*

*Сергей Бехтеев
12 января 1918 года*

В ограде Скорбященской часовни, где произошло чудо с грошиками, находится могила известной петербургской блаженной старицы Матрёнушки-Босоножки (в миру Матроны Пе-

тровны Мыльниковой). 30 лет прожила всенародно чтимая старица в Санкт-Петербурге. Зимой и летом босая, с посохом в руках, в лёгком белом одеянии даже в самые лютые морозы, стояла она возле Скорбященской часовни.

Ещё во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, будучи сестрой милосердия, всё своё жалованье она раздавала бедным солдатам. После окончания войны Матрёнушка решила всю оставшуюся жизнь посвятить служению Богу и ближним, наложив на себя трудный подвиг юродства во Христе.

Прозорливая старица множеству людей помогла своей молитвой, предостерегала от надвигающихся несчастий, предсказывала судьбу. Бывало, несправедливо обвинённый в воровстве чиновник в отчаянии обращался к ней за помощью, Матрёнушка успокаивала его, молилась, и по милости Божией недоразумение разрешалось, ему возвращали и должность, и честное имя. Часто по молитвам блаженной устраивались судьбы одиноких и потерявших работу людей. Высокопоставленные сановники, отправляясь в места, охваченные эпидемиями и войнами, приходили к старице, она кропила каждого святой водой, благословляла иконой, и среди смертельной опасности они оставались невредимыми.

По молитвам блаженной многие избавлялись от недуга пьянства, исцелялись болящие. Но иногда она отказывалась молиться о здравии и безошибочно называла день предстоящей смерти больного. Провидела Матрёнушка и свою кончину: «Пойдёт лёд, с водой и я пойду». Старица мирно почила 30 марта 1911 года, когда на Неве начался ледоход. По паспорту ей было 92 года, хотя своим близким она говорила, что ей 97.

Блаженная много странствовала по святым местам России и Палестины, четыре раза была в Иерусалиме, где тайно приняла схиму с именем Мария, дав Богу обет скрывать это от всех до самой смерти.

Сейчас могила блаженной Матрёнушки-Босоножки близ Скорбященской часовни восстановлена, и около неё по воскресеньям совершаются панихиды.

Татьяна НИКИТИНА

Сосновское литобъединение «Родник» было организовано по инициативе Ирины Чановой в 1997 году, она руководила им многие годы. В настоящее время руководителем литобъединения является Николай Чербаев. «Родниковцами» издано шесть коллективных сборников, в которые вошли стихи и рассказы. Наши произведения кроме книжных изданий печатаются в газете «Сосновское слово». По инициативе главного редактора журнала «Александръ» Анатолия Сергеевича Трубы между редакцией названного издания и литобъединением налажена тесная творческая связь. Наши стихи систематически печатаются в этом журнале, за что коллектив литобъединения «Родник» безмерно благодарен Анатолию Сергеевичу. В этом номере журнала читателю предлагается очередная подборка стихов сосновских поэтов.

Николай ЧЕРБАЕВ

ЛЮБЛЮ ДОРОЖКИ С КРИВИЗНОЮ

Люблю дорожки с кривизною
И палисадник из жердей,
Дымок кудрявый над трубою
И скрип подсевших чуть дверей.

Люблю крылечек и порожек,
А на порожке половик,
В тени забора подорожник,
В саду ромашковый цветник.

Люблю сосновый запах пола,
Когда пол мыли с кирпичом,
Калитку в сад из частокола
И мальвы куст перед окном.

Люблю кукушку на рассвете
Послушать, выйдя в росный сад,
Иль петухов, как хором где-то
На всю деревню голоса.

Люблю я воздух лёгкий, свежий,
Когда пройдёт дождь грозовой.
Мой тихий край, родной и нежный,
Люблю всем сердцем и душой!

ПРОСЫПАЛОСЯ УТРО ЛЕТНЕЕ

(белый стих)

Просыпалось утро летнее,
Поднималось солнце красное,
Над лугами зорька ранняя
Умывалась росой белой.

Разливалась синь бездонная,
Окунаясь в речку тихую.
Запевали птахи малые
Песни нежные, песни звонкие.

Наполнялось сердце радостью
От такой красы милой родины.
И хотелось ко груди прижать
Эту ширь земли, ширь бескрайнюю.

Ах, как хочется... да не хватит рук,
И в моей душе не поместится.
Хороша земля наша Русская!
И в других краях не найти такой!

Зинаида ПОНОМАРЁВА

МАЛАЯ РОДИНА

Там, где вязкая грязь по колено,
Там, где сосны натужно шумят
И своими верхушками ели
Всё пытаются небо обнять,
Там, где осень туманы расстелет
На дождями размытую грязь,
Мне никто разорвать не посмеет
С малой родиной тесную связь.

Ту любовь, что приходит с рожденья
С материнским грудным молоком,
Пронесёт не одно поколение
В сердце память о доме родном.
И живёт она в сердце нетленно,
Даже если уже мало сил,
Перед домом склоняют колени,
Кто родился здесь, вырос и жил.

А ДОЖДЬ ИДЁТ...

А дождь идёт, кропит дороги,
Сырые плачут облака,
И тучи, от дождя продрогнув,
Друг с другом трутся о бока.

Гремит, сверкает непогода,
И грозный рык с небес упал.
Пугаясь, фыркают болота,
А дождь стеною плотной стал.

Блестят намокшие пороги,
Хвалясь кристальной чистотой.
Где холмиком, где целым стогом
Земля кучкуется с листвою.

Бушует матушка-природа.
О, сколько сил таится в ней!
Но свет прольётся с небосвода,
И на душе уже теплей.

Людмила НЕФЕДОВА

СВОЙ КРЕСТ

Нас сотворил творец небесный,
Создал обитель для любви.
Крест, изначально неизвестный,
Он каждому вручил нести.

Неважно, лёгок, или тяжек,
Иль неподъёмен, может быть,
Крест, уронив, поднять обязан,
Нести его и дальше жить.

Мы рвём натянутые струны
Своей измученной души.
Под тяжестью креста путь трудный,
Его облегчить мы спешим.

Вдруг в этой спешке понимаем,
Что к совершенству путь большой,
Замедлив темп, всё ж начинаем
Работать над своей душой.

ФОТО ОТЦА

Жёлтое фото в старенькой раме
С изображеньем лихого бойца
Спать не даёт по ночам моей маме,
Смотрит сквозь годы глазами отца.

Свадьба гудела, всем весело было,
Строили планы вперёд на года,
Счастье в мечтах их ввысь уносило...
Вечером свадьба, а утром война.

Встал под ружьё, никакого сомненья,
Землю свою от врага защитить.
Храбрость всегда проявлял и уменья,
С верой в неравном бою победить.

С криком: «Ура!» – бежал он в атаку,
Страха, усталости не замечал.
Вдруг выстрел сразил его, бедолагу,
От раны смертельной он навзничь упал.

Солдат не вернулся, не сбылись мечты,
Было дано вдовою стать маме,
А сыну на память о годах войны –
Жёлтое фото в старенькой раме.

Клавдия ДРОБЫШЕВА

ЛЕСНОЕ ЦАРСТВО ИЗ БЕРЁЗ

Среди берёз и тополей
Я затерялась знойным летом.
Пусть нет поблизости людей,
Но не жалею я об этом.

Вокруг такая тишина!
И мысли мчатся вереницей.
А в сердце нежная струна
То зазвенит, то растворится.

Лесное царство из берёз,
Душа замрёт от красок лета.
А сердцу радостно до слёз,
Что я живу на свете этом.

ЗАБЫТЬ МЫ НЕ ДОЛЖНЫ

И вот Победа наконец,
Как долго люди её ждали!
С войны вернулся мой отец,
И на груди звенят медали.

А на дворе бушует май,
Какое дивное цветенье!
Отец вернулся в отчий край,
И мать вздохнула с облегченьем.

И радость в том, что позади
Окопы, пули и снаряды.
Но боль не вырвать из груди,
И память всюду ходит рядом.

Ну как забыть ему друзей,
Что жизнь за Родину отдали?
Они ведь рядом столько дней
Плечом к плечу за мир стояли.

Отец был ранен в том бою,
Болели долго ещё раны.
Про фронтовую жизнь свою
Он рассказал мне в детстве раннем.

И ещё много, много раз
Он к этой теме возвращался.
Мне интересен был рассказ,
Как на войне отец сражался.

Я родилась после войны,
Под мирным небом, летним, ясным.
Но забывать мы не должны,
Кто подарил нам мир прекрасный.

Нина СЕРГИЕНКО

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ

Лечит, ворожит и вдохновляет
Родина любимая моя.
Много сил душевно прибавляет,
Радуют любимые края.

Как её всё время не хватает,
Кто любовь мне в сердце заложил.
Если я вдали, собой питает,
Без неё мне не хватает сил.

Нет её любимее на свете,
Кажется такую дорогой.
Лучшая она на всей планете,
Чистый воздух, просто золотой.

Без неё вся радость пропадает,
Здесь мой дом и здесь моя земля.
Дух родной страны во мне витает,
Люблю тебя я, Родина моя.

ЛЮБИМОЙ АКТРИСЕ АЛЕКСАНДРЕ ЗАВЬЯЛОВОЙ

Говорить о людях надо, пока живы,
Их держать в душе в хорошем списке.
В Титовке знают, помнят старожилы:
В нашем крае родилась артистка.

Упрямая и смелая натура,
На селе та девочка родилась.
Завьялова все звали её Шура,
Чего хотела, того и добилась.

Росла, училась с детства здесь, в глубинке,
Мы в то время думать и не смели:
В известной той картине по старинке
Красавица снималась Пистимея.

Ходили много раз кино смотрели,
Жизнь её по фильмам проживая.
Счастливой видеть мы её хотели,
Нам казалось, что она святая.

Глаза у нас наполнены слезами,
С экрана словно и не уходила.
По жизни постоянно вместе с нами,
В ролях её и волшебство, и сила.

Несём невосполнимую утрату,
Всю глубину потери сознавая.
Хранить мы будем образ её свято,
В памяти нашей всегда молодая.

Прости, родная, что мир жестокий,
В другой тебе жизни Божьего венца.
Стоит в Титовке твой дом одинокий,
Но не смогут забыть тебя наши сердца.

Лариса ЯМЩИКОВА

ГАРМОНИСТ

Живёт в деревне с краю
И сам собой хорош.
Как только заиграет,
То вмиг по телу дрожь.

Когда гармонь услышу,
Хоть ночь сейчас, хоть день,
Не усидеть под крышей,
Когда цветёт сирень.

Под взглядом мамы строгим
Смиренно я молчу,
Но знает моё сердце,
Как я к нему хочу.

Под барыню с цыганочкой
Спляшу и пропою.
И расскажу тальяночке
Всё про любовь свою.

Она в веках не кончится,
Пока в душе огонь.
О, как же счастья хочется
С любимым под гармонь.

МОНОЛОГ ДЕВУШКИ

О тебе даже в праздник грущу,
Милый мой, незнакомый прохожий.
Я тебя среди многих ищу,
Но на многих совсем не похожий.

И я верю, наступит тот день
И сердца обласкает нас радость.
Прошлой жизни покинет нас тень,
И мы будем, любимые, рядом.

Наши мысли замкнутся в кольцо,
Будет вёсен счастливых немало.
И ты будешь желанным отцом,
Но и я буду ласковой мамой.

Будет праздник у нас для души,
Будут славные внуки рождаться.
Только ты, милый мой, поспеши,
Мне сегодня немножко за двадцать.

Елена КРЮКОВА

АВГУСТ

Дыхание августа обжигает кожу,
А дни всё короче, ночь холодна,
Я знаю, что лето уходит, но всё же
Ещё не остыла, прогрета земля.
Ветер тёплый с волосами играет,
И солнце окрасило плечи слегка,
И светлячки огоньки зажигают,
Им играет скрипка сверчка.
Сверкают в ночи молнии-вспышки,
Трава поутру в хрустальной росе,
На рыбалку бегут босые мальчишки,
Склонились плакучие ивы к реке.
Как жалко, что скоро закончится лето,
Впереди осень, косые дожди.
А пока земля солнцем согрета.
Задержишься ещё, лето, не уходи...

КЛЮЧЕЙ ОТ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ И У ГАЛАКТИК НЕТ

Родился человек, и годы поскакали,
И не сдержать тех резвых лет-коней.
Чего бы только люди не изобретали,
А старость уж томится у дверей.

Алхимики, профессоры, врачи и чародеи
Ломали свои головы ночами напролёт,
Но в тайны мироздания закрыты плотно двери,
У каждого рождённого наступит свой черёд.

Однажды кто-то дерзкий найдёт ключи и коды
И старость отодвинет на миллионы лет,
Научится менять настройки у природы,
Изменит климат и даже неба цвет.

Но чёрная дыра со временем проглотит
Планеты, ну и Землю, как маленький десерт,
И не помогут коды – живое всё уходит,
Ключей от вечной жизни и у галактик нет.

Ирина ЧАНОВА

ВНУКУ

Твоя макушка пахнет летом,
Прожаренной на солнце пылью,
Полуденным прогретым ветром,
В жаре привядшею полынью.

В твоих глазах так безмятежно
Свод неба синий расплескался,
И жизнь поделена на «прежде»
И на тебя, мой милый мальчик.

Я так хочу, чтоб это лето
Как можно дольше не кончалось,
Чтоб жизнь твою наполнить светом
И в осень унести печали.

* * *

Как-то незаметно подступает осень
И тепло ночное, не спросясь, уносит.
Травы у дороги стали реже, жёстче,
Тихо, по минутам стали дни короче.
Но шумят базары сочным разноцветьем,
Как бывает только поздним-поздним летом,
Где уже по листьям осень побежала,
И бывает лета до обиды мало.

Надежда СКОПИНЦЕВА

НОСТАЛЬГИЯ

Советское милое время!
С теплом вспоминаем сейчас.
Счастливое мы поколенье!
На равных все жили у нас.

Учились, лечились бесплатно,
Работа была по душе.
Нам дружба народов понятна
В огромной надёжной семье.

И не было злобы, богатства,
Ни зависти в наших сердцах.
От денег мы не были в рабстве,
И не был средь нас олигарх.

Трудились мы с энтузиазмом:
Колхозы и БАМ, целина.
И с песней, и с шуткой разной
Жила доброю страна.

Жила и давала рекорды,
Блок НАТО завидовал нам.
Мы космос освоили твёрдо,
Впервые Гагарин познал.

Нам было и есть чем гордиться,
Родная Отчизна моя.
Советское время мне снится,
Где жизнь справедливой была.

Советское время, милое время!
С теплом вспоминаем о нём.
Счастливое мы поколенье!
Как жаль, что Союз не вернём...

* * *

Здравствуй, лес родной, природа
И лесные все цветы!
Белоствольные берёзы,
Шелестите звонко вы.

Я соскучилась, вы знайте.
Как хочу я вас обнять!

Разговаривать давайте
И друг друга понимать.

Я тоску свою развею,
Что тревожит, расскажу
Перед вами благоговею,
Нашей дружбой дорожу.

Как мне вас всех не хватает!
Здесь вершатся чудеса,
Здесь душою отдыхаю
И парю я в небесах.

Здесь уют и наслажденье,
Мир волшебный, доброта,
И любовь, и вдохновенье,
И земная красота!

Валентина ДУНИНА

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Вечереет. Воздух холодный.
С работы я еду – усталый, голодный.
Дома теперь уютно, тепло,
С женою моей мне так повезло.
Ужин уже теперь на столе,
Заботится очень она обо мне.
Картошка, котлеты, щи или суп,
Наемся сейчас я, словно барсук.
Иду и мечтаю теперь о постельке,
Дома я не был уже три недельки.
Работа достала – вот здесь у меня,
Но деньги нужны – большая семья.
Подошёл я к оградке, дай докурю,
Не бросать же мне сигарету свою.
Вдруг дверь нараспашку, и говор пошёл,
Наверно, в гости кто-то зашёл.
Слышу слова: «До встречи, любовь».
Я замер от страха, загорелась кровь.
Закашлялся я, вижу: тень побежала,
Жена меня, видно, не ожидала.
Я подошёл. Она на коленки.
Приподнял, прижал её к стенке.
«Илюша – твой друг, прости, если сможешь».
Ударить её? Этим уже не поможешь!

И я побежал на вокзал от обиды.
Стою за билетом. Вдруг сына увидел,
Смотрит в глаза, душа замирает,
Что творится со мной? Никто не узнает.
«Папка, не уезжай, как мы без тебя?»
Перед глазами супруга, семья.
Я ей всё на блюде, что ей ещё надо?
Пригрел на груди друга я гада.
Но слёзы сыночка меня так достали,
Вернулся я вновь, билет мы тот сдали.
Ведь неплохая жена-то моя,
Соблазнил её друг, не удержалась она.
Не буду её за это винить,
А буду всем сердцем сильнее любить.
Работу найду поближе я к дому.
Боюсь потерять семью, жену Тому.
Семью разрушать я не буду, мой друг,
Ты ей никто – я всё же супруг.
И деткам моим – как им без папы?
А ты не смей распускать свои лапы.
Жену я прощу, но тебя – никогда:
Был бы ты мне друг, не сделал бы зла.

БЕГУТ ГОДА

Бегут года, как кони скачут.
Чего же я о них всё плачу?
Жизнь пролетела, как мгновенье.
Искала в ней удовлетворенье.
В ней не нашла своей я жилки
И прожила, как блин на вилке.
Меня кололи со всех сторон,
Как ёжик, я свернулась в ком.
Свои иголки выпускала,
Когда судьба меня кусала
То за бок, то за другой,
Я колобок, я не изгой.
Съесть хотели, и не раз,
Не сумели в сотый раз.
И вот кручусь веретеном.
Построила не один я дом.
И наслаждаюсь этим счастьем,
Что принимала в нём участие.
Мои года – моё богатство.
Это люди ли не счастье?
Есть дети, внуки у меня,
Жизнь прожила свою не зря.

Осень твоих волос

Хотите расскажу историю о дворнике, поэте и художнике? Это не три человека, как можно подумать, – один. Дворником он был хорошим – на работе ценили, а вот со стихами – дело дрянь, последние пять лет не писалось. Это беспокоило, но сами понимаете: утром муза – вечером стихотворение, ночью муза – утром поэма. Музы делятся на алкогольные, наркотические и любовные. Самые яркие, от которых рождаются шедевры, проходят по высшей категории – три в одной. Все они существа нежные, но суровые – приходят не спросив и уходят не прощаясь. Когда-то пьяная муза жила хозяйкой в доме, но как только «завязал» – ушла не оглядываясь. С тех пор его поэтический голос не произнёс ни звука. Так и жил – летом мёл

дорожки, зимой грёб снег – день за днём, год за годом.

Однажды осенью, работая в парке, увидел женщину, которая гуляла по аллее – нет-нет, не так банально – проплывала мимо. Дворник не догадывался – она плыла в его жизнь: гордо вскинутая голова, развевались на ветру волосы цвета меди, в которых запуталось солнышко. Она шла по парковой дорожке, в руках держала рыжие листья под цвет волос. Как иногда мало нужно, чтобы зажглась искра: любви, желания, творчества. «Осень твоих волос» – так появилось стихотворение – первое за пять лет. Это был короткий миг – женщина прошла мимо, улыбнулась ему, села в такси и уехала, а искра долго горела в стихах. Поэт буквально бредил

встречей, сочинил жизнь рядом с ней – придумал имя, милые привычки. Временами казалось, что слышит, как она смеётся в ответ на его шутки, видел, как красивые руки поправляют волосы цвета рыжего золота. Поэт понимал: это безумие, но безумие было сладким – оно рождало стихи.

*Не просто галочка в графе,
Ты самый значимый трофей
Моих безудержных побед.
Мы пили чай с тобой в кафе –
Нам не хватило на обед.*

А женщина жила своей жизнью – ходила на работу, стирала бельё, мыла полы – и не догадывалась, что судьба уже развесила над домом транспарант: «Здесь живёт Муза».

Поэт искал её повсюду – в городской толпе, в кафе, часто приходил в парк, надеясь на встречу. Зимой начались трудности с поисками – шапки и платки скрыли главную особенность любовной музыки. Так прошла зима, часть весны. Стихи ещё рождались, но не столь яркие, как первые. Это начинало тревожить: красивая женщина, идущая по осеннему парку, стиралась из памяти. Художник пытался рисовать. Ничего не вышло: на картине был осенний парк, девушка с охапкой листьев, но лицо написать не удалось. Чувствуя, что искра гаснет, подбросил дровишки – пригласил пьяную музу. Рождение стихов было трудным – не спал ночами, строчки крутились в голове, мучили, требовали выхода. В такой момент шёл к другу, который был хорошим слушателем. Однажды, уже в конце весны, он позвонил:

– Приезжай, жена уехала к матери, квартира свободна, слушать стихи могу два дня.
Друг ждал, поставил бутылку на стол:
– Читай, пока я без допинга...

*И мы знаем: всему своё время.
Ангел сядет опять в такси.
И уедет. Куда? Я не знаю.
Я за это его не виню.
Видно, там нужнее мой ангел.
Там без ангела тоже не могут.*

Не успели три раза обсудить отъезд ангела, как в дверь позвонили: неожиданно, как все жёны на свете, вернулась жена. Чтобы не нарваться на скандал, поэт вышел на балкон, надеясь пересидеть какое-то время, пока она ляжет спать. Но оказалось, что балкон находится в комнате, где спальня, – выхода назад не было. Пришлось перелезть на соседний – через перегородку. Он тихонечко сидел на чужом балконе, не подозревая, что счастье рядом, только стучни в окно. Но стучать не пришлось, открылась дверь, и строгий милиционер спросил:

– Гражданин, что вы делаете на чужом балконе?

Из-за плеча милиционера выглядывала хозяйка этого балкона с волосами цвета осени. Он нашёл её, или она его.

Вот и вся история. Спросите, как она закончилась? Хорошо. Они любили друг друга, поженились, жили счастливо. Поэт бросил пить. И это всё. Больше ни одного стихотворения не сочинил поэт, ни одной картины не написал художник. В болоте благополучия музыки не живут.

Наталья БАРАНОВА
Стихи Олега Наймушина

ПОЭМА

Стихи. Всё это баловство,
 Банальной рифмы воровство.
 В них не раскрыть глобальной темы,
 Вот если бы писать поэмы.
 Поэмы вряд ли пишут днём,
 В окно ночь лезет фонарём,
 От старой лампы бледный свет.
 Открыта пачка сигарет.
 Уже начало новых суток.
 Голодным должен быть поэт,
 Поэтому пустой желудок,
 Но не идёт поэма. Нет.

Всё жду прихода вдохновенья,
 Как ждут прекрасного мгновенья.
 И в своих мыслях роюсь снова,
 Ни предложения. Ни слова.
 Застывший кофе в медной турке,
 Горой потушенные окурки.
 Есть сожаление об этом,
 Что я не стал большим поэтом.
 Навстречу солнцу и морозу
 Уже повеяло рассветом.
 Я завтра перейду на прозу,
 А напишу поэму летом.

МОЙ ДОМ ИЗ ПЕСКА

Где горе с бедой
 И некуда деться,
 Где самый седой
 Глупее младенца,
 Где белые знаки
 На чёрных страницах,
 Где не было драки,
 Но битые лбы.
 Во всём существуют свои границы,
 На каждой границе должны быть столбы,
 Где зверь на ловца
 Под звуки набата,
 Где сын на отца,
 А брат против брата,

Олег НАЙМУШИН

Родился 7 января 1960 года в г. Тамбове. После окончания школы служил в армии, освоил немало рабочих профессий, работал в России и за рубежом. Стихи начал писать в середине 90-х годов прошлого столетия. Печатался в тамбовских газетах и поэтических сборниках: «Радуга над Цной», «История в лицах», «Пушкинский чердак». Увлекается масляной живописью. Работает дворником.

Где волчьи клыки,
 Но шкуры овечьи,
 Где есть дураки,
 Им на всё наплевать,
 Где стрелки стоят и время не лечит,
 Где время настало идти воевать,
 Где злоба и ложь
 Всегда при почёте,
 Где прибыль на грош,
 А убыль на сотни,
 Где тьякают псы,
 Но идёт караван,
 Под ливнем косым
 Пробуждаются веки,
 Где море впадает в свой океан,
 Где в море своё впадают реки,
 Там дом – моя крепость,
 Но это нелепость,
 Нахлынет волна, за нею тоска,
 А после тоски лишь жёлтая глина.
 Мой дом из песка
 Во время прилива...

СТО ВРАГОВ

Нет друзей, значит, нет долгов.
Мне навстречу бежит рассвет.
А за мной спешат сто врагов,
Всё боясь потерять мой след.

Впереди меня сердца стук,
Позади сто лихих голов.
Сто врагов – это двести рук,
Двести рук – это сто стволов.

Надо мною небо без звёзд
Закрывает крылом вороньё.
Перед каждым врагом – верный пёс,
Каждый пёс имеет чутьё.

Я обманывал их не раз,
Уходил от погони целым.
Сто врагов – это двести глаз,
Двести глаз – это сто прицелов.

Всё сжимается круг за кругом,
Упираясь в плечо прикладом.
Каждый враг был когда-то другом,
Каждый друг был когда-то братом.

Шаг за шагом, сбивая росу,
Двести ног маршируют вместе.
Если я сегодня спасусь,
То врагов завтра станет двести.

Я ЖДУ ПРИБЫТИЯ ПЕГАСА

Прошу вас, к рифме посерьёзней,
Поменьше дум о пустяках,
Вы не найдёте в скучной прозе
Всё то, что есть в моих стихах.

Мне подмигнув, погаснет люстра.
Что ж, не впервой, зажгу свечу:
Стихосложение и чувства
Должны быть вместе. Не шучу.

Да чёрт с ним, с этим освещеньем,
Да был бы стол, на нём свеча,

Квадратик свежего печенья
Ну и, конечно, крепкий чай.

Как примитивность гороскопа,
Ворвусь я в простоту вещей,
Да мне бы с зеленью укропа
Салат из свежих овощей,

Да мне бы ломтик хлеба с маслом,
Чтобы желудок ублажал.
Я жду прибытия Пегаса,
Пусть будет, только бы не ржал.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ОСЕНЬ

Тучи сверху. Лужи снизу,
Разбивая в брызги капли
По стеклу и по карнизу,
И привыкшая к капризу,

И подобная сюрпризу,
Осень – главная в спектакле.
Под наклоном сильным пишет
Своё имя на афишах.

Осень, выдумав сценарий,
Позабыв о тёплых днях,
Размывая серость зданий,
Дождь – причина всех аварий,

Где вчерашний был гербарий,
Гасит пламя на ветвях
И бросает с высоты
Сырость в мокрые зонты.

С декораций красок слой
Разметал холодный душ.
И уже не новизной
Налетевший ветер злой

Кроет мокрой желтизной
Рябь холодных чёрных луж,
Серость трав, поникших паклей.
Осень – главная в спектакле.

Лучик в темноте

Маленький солнечный лучик
Играет в чёрных кудрях.
Смело спускаясь порою,
Оставляет след на щеках,

Двигаясь плавно по телу
С утра до двенадцати дня,
Обнимая и вместе с тем грея
До боли родные глаза.

Но только его лишь поймают –
Бежит, как зайчик в поля.
Один взгляд лишь пугает,
Вызывая искры огня.

Бедный солнечный лучик
Боится своей теплоты.
Он действует, будто лазутчик
На коже небесной луны.

Как жаль его за все муки,
За то, что в ночной тишине
Лучик гибнет от скуки,
Теряя кудри во тьме.

Океан людской души

В людях не тоните, не ныряйте
В человека дорогого глубоко.
Не найдёте, не меняйте
Себя лишь для одного него.

Внутри них как океан:
Море мыслей, впечатлений,
Подорвётся весь ваш стан,
И прорвётся порыв мнений.

С головою вы уйдёте
В человека целиком,
Не найдёте выход только,
Море превратится в дом.

Арина БЕЗЗУБЦЕВА

Родилась в городе Тамбове. Состояла в районном поэтическом клубе «Первомайская лира» и печаталась в сборниках творчества первомайских литераторов: «Край Богоявленский» (2014) и «Полёт вдохновения» (2017)». Школу с отличием окончила в 2019 году. В этом же году поступила в Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА) на кафедру судебно-прокурорской деятельности. В стенах университета вступила в «Поэтический клуб МГЮА», где творчески развивается по сей день.

Не пытайтесь окунуться
В душу завтрашних людей.
Можете вы так рехнуться,
Задохнуться, стать мертвей.

Ведь не вынырнешь, не сможешь
И утонешь в глубине.
Никто тебе уж не поможет!
И не поймёт, что ты на дне.

Подними глаза повыше,
Вспомни ты и о себе,
А проблем же выше крыши,
Но застрял в людской среде.

Ты пытайся всплыть наружу!
Преодолей всех чувств барьер.
Не ныряйте в прорубь в стужу,
Как и в душевный моря плен.

Художник

До боли жертвенный художник,
Зачем влюбляешься опять?
Ты знаешь совершенно точно,
Что нечего тебе здесь взять.
Все знают, как безумно сладко
О мысли тайной помечтать.
Ты как безумная фанатка,
Готов не есть совсем, не спать!
Скажи, зачем бросаешь грабли
Под ноги сам везде себе?
Они потом подобно сабле
В ребре сверкают в темноте.
Я знаю, ты творец от Бога,
Но не божественный венец.
Не мучайся же ради слова,
Принёсшего тебе конец.
Мой милый, странный же обманщик,
Не плачь в подобной суете,
Не лги себе, сердечный странник,
Не пропадай в людской среде.

До боли жертвенный художник,
Твой взор потух, как и очаг,
Лишь муза этому виновник,
Ты без неё обычный прах.

Будущее в мечтах

На ярко-красном полотне
Как будто белым мелом
Выводится одно лишь то,
Что в сердце живёт смело.

И лозунг снова, как тогда,
В октябрьской подсобке,
Рисуется как первый раз,
Чтоб быть в союзной сводке.

История, как и тогда,
Творится так счастливо.
Простой рабочий человек,
В котором есть вся сила.

Единый мир, как и союз,
И купол впредь не нужен!
Произошёл на воздух спуск,
Корабль алый гружен.

На корабле теперь плывут
Те миллионы дюжин,
Которых «граждане...» зовут
«...Советского Союза!»

Сатурн виднеется вдали
С доступной всем Венеры,
И Марс бог больше не войны,
А дачных яблок спелых.

И свежий воздух есть везде:
Скафандр и не нужен.
Природа близкая к Земле,
Конфликт ведь не допущен.

Весь мир трубит из новостей:
«130 лет Советам!»
И рад до боли впредь теперь,
Чья смерть была воспета.

И вдохновение речей
Я разолью на той бумаге,
Что в цвет победоносных лент
Окрашена на память.

И пусть горит заря простая,
Прославив всех людей.
Живут ведь долго, развиваясь,
Уча тому своих детей.

Я верю, что однажды рано,
Когда вдруг в корабле проснусь,
Пойму, что сорок лет назад писала
Про всё, что ныне живо тут.

Мышанок на лавочке

Однажды мы с отцом рыбачили на нашей речке возле очень живописного места под названием Золотая гора.

Местные старожилы по-разному объясняют это название. Одни говорят о том, что это место так было названо за большое количество берёз, золотом украшающих по осени высокий, покрытый лесом склон. Другие рассказывают, что давным-давно, мол, хан Мамай, уходя из сожжённой Москвы, схоронил здесь своих погибших воинов, закопал вместе с ними награбленное золото и приказал насыпать над этим местом высокий курган, поросший позже густым лесом. Мне, конечно, всегда больше нравилось второе объяснение. Всё-таки Мамай, старина, сокровища...

Кстати, может быть, с этой легендой связано и название изгиба реки, на котором мы ловили рыбу, – Московский брод? Вдруг как раз здесь переправлялись через нашу быструю студёную речушку раскосые воины хана Мамай, нагруженные московской добычей? Жаль, что речечка больно узенькая и неглубокая, была бы как Москва-река, не все степняки добрались бы до берега...

В общем, Московский брод у Золотой горы – это очень красивое место: быстрая речка, поросшая по берегам высокими осоками, лес, вбегающий в пологую гору, ровный скошенный луг с копнами сена...

В тот раз гроза началась внезапно. Ещё несколько минут назад о слабой угрозе дождя напоминала только тоненькая тёмная полоска неба на востоке. А сейчас лиловая тяжёлая туча наплыла, подкравшись из-за вершин деревьев. Налетевший шквальный ветер холодным дождём вспенил посеревшую реку. Громыкнул раскатистый гром, небо с оглушительным треском осело на голову, полыхнула ветвистая белая молния.

Ёжась под студёными каплями, мы торопливо смотали удочки.

Добежать до дома отсюда под разошедшимся ливнем по гладкому полю и не промокнуть до костей было невозможно. Да и бежать в грозу по открытому возвышенному месту около двух километров, согласитесь, как-то неприятно. Страшилки всякие, рассказы очевидцев и прочая дребедень хочешь не хочешь, а вспоминаются. В общем, решили переждать грозу возле речки. Для этого нужно было подыскать, где укрыться от грозы.

Вспомнили, что самым близким к нам укрытием от настигшего врасплох ненастья мог служить пастуший шалаш. Он стоял в низине на краю густых зарослей ольшаника. Именно туда мы и побежали, перепрыгивая через высокую траву.

Шалаш представлял собой дощатый навес, наспех приспособленный между несколькими толстыми стволами ольхи. Его сколотил для укрытия от непогоды деревенский пастух дядя Миша, когда-то пасший на лугу козье стадо. Сейчас коз в окрестных деревнях становилось всё меньше и меньше, и уже ненужный шалаш мало-помалу начинал ветшать.

Нам вдвоём разместиться на узенькой скамеечке под навесом было сложно, но густая листва над головой защищала от дождя почти так же хорошо, как и прохудившийся местами навесик. Мы приткнули к ольховому стволу удочки, рядом поставили ведёрко с несколькими пескариками, а сами уселись на расстеленный отцовский пиджак, привалясь спиной к скамеечке.

Гром раздирал потемневшее небо беспрепятственно, сильно ударяя в уши. Молнии вспыхивали нестерпимо белым светом, и, даже закрыв глаза, можно было ощутить мгновенную жгучую слепоту после каждой вспышки. Между всполохами молний и ударами грома не было никаких пауз, и было ясно, что гроза бушует прямо над головой. Угрюмая туча висела над нами, прижимаясь мохнатым брюхом к верхушкам деревьев.

Понемногу она стала уползать за лес, цепляя краем за высокие ёлки. Вместе с ней стала удаляться и гроза. Но разошедшийся дождь переставать не собирался. Он мерно шумел в листве, навевая сон. Редкие тяжёлые капли пробивали листву и смачно шлёпали по земле. Ветер совсем стих, и стало понятно, что ненастье затянулось надолго.

Отец достал из кармана подстеленного пиджака отсыревшие сигареты и спички, закурил. Густой пахучий белый дым потянулся в пропитанном влагой воздухе книзу.

Глубоко затягиваясь, отец стал смотреть на серое небо и гадать, когда кончится испортивший нам рыбалку ливень.

Я же сидел, прислоняясь плечом к ольшине и скучая, поглядывал по сторонам в надежде найти себе какое-нибудь занятие. Занятие никак не находилось...

Ненароком опустив глаза к корням ольхи, возле которой сидел, я увидел, что в пологой ямке у ствола дерева копошится какое-то малюсенькое существо. Крохотное, розовенькое, покрытое кое-где светлым пушком тельце пыталось приподняться на слабеньких, тоньше спички, коротеньких лапках, тыкаясь ещё слепой мордочкой в корень ольхи.

Я позвал отца, и мы наклонились к найдёнышу, пытаясь получше рассмотреть его.

Присмотревшись к слепенькому «червячку с хвостиком», мы узнали в нём мышонка. От роду ему была едва ли неделя. Но как он оказался здесь один?

У меня родилось свойственное всем детям неуёмное желание потрогать такую крохотулю. Я подставил ладонь и пальцем аккуратно закатил мышонка на неё.

Разглядывая барахтающегося на ладони кроху, я краем глаза вдруг заметил, как из-под корня ольхи рядом с моей ногой робко высунулась серая мордочка взрослой мыши. Я понял, что под корнем есть не замеченная нами мышинная норка. Мышь спряталась обратно. Затем потихоньку, осторожно стала вылезать из норы. Это была мышь-полёвка – вдоль спинки у неё виднелся тёмный ремешок. Она тщательно обнюхала выемку возле ольхового корня, где недавно слабо копытался мышонок, и замерла как бы в растерянности.

– Смотри, это – мамаша, – шёпотом сказал отец. – Видно, она переносила мышат по очереди откуда-то в другое место, более безопасное, а теперь вернулась за последним детёнышем.

Тем временем мышка, не обращая на нас никакого внимания, приняюхиваясь, всё кружилась возле корня ольхи в недоумении и тревоге от исчезновения своего отпрыска.

– Беспокойся, – прошептал отец. – Попробуй поднести мышонка к ней на ладони, а то она места себе не находит!

Я потихоньку опустил к земле раскрытую ладонь с шевелящимся розовым мышонком и поддвинул её поближе к взволнованной мамаше.

Мышка, увидев, как сверху к ней опускается что-то большое и страшное, мигом юркнула в норку, но когда моя рука легла на землю, осторожно выглянула из своего убежища.

Возможно, она увидела на ладони мышонка, а может быть, почуяла его запах, но она вылезла из норы и стала медленно, мелкими шажками опасно приближаться к моей руке.

– Смотри, вот что такое – материнский инстинкт, – чуть дыша, прошептал мне в ухо взволнованный отец.

Мышка между тем, дрожа всем своим напряжённым как пружина (убежать – не убежать?) тельцем, встала передними лапками на мои пальцы и попыталась дотянуться до своего детёныша. Расстояние было велико, и ей пришлось влезть на мою ладонь полностью. Я почувствовал, как её маленькие острые коготки защекотали мою кожу.

Прокравшись по руке, она нежно прихватила мышонка зубками за шкурку, развернулась и понесла этот розовый комочек в гнездо. Что она испытывала в этот момент? Какую бешеную барабанную дробь выбивало её маленькое (но, видно, очень большое, материнское) сердчишко? Трудно и представить!

Невозможно оценить и величину того страха, который пришлось преодолеть мыши – маме, стремящейся выручить из несчастья своего беззащитного малыша.

Да и впрямь, мать – всегда мать, и у людей, и у животных...

Игорь ШАРОХИН

2 октября, в канун 125-летнего юбилея Сергея Александровича Есенина, тамбовчане приняли участие в мероприятии, которое организовал Союз писателей России совместно с управой района Кузьминки в Москве, на Есенинском бульваре. На поэтическом митинге свои стихи, стихи о Есенине читали поэты из Благовещенска, Петрозаводска, Орла, Рудного Алтая, Нижнего Новгорода, Барнаула, Тюмени, Москвы и Подмосковья.

Есенинский юбилей

Председатель Союза писателей России Николай Иванов вручил билеты членов творческого союза Заре Валиевой (Цхинвал) и москвичке, участнице Всероссийского совещания молодых писателей в Химках Анастасии Кобозевой, а главе управы писатели подарили статуэтку поэта.

Поздравили писателей с юбилеем великого поэта и депутаты Мичуринского городского совета Алексей Верховцев и Алексей Сухарев. И это было не случайно: Мичуринск, первым получивший почётное звание «Литературный город России», подарил Москве клёны и берёзы, которые писатели и высадили рядом с памятником Есенину. Примечательно, что землю для лунок взяли из-под крыльца родового дома Сергея Есенина, а представители рязанского землячества в Москве организовали доставку.

Они же привезли для полива и воду из Оки, протекающей рядом с селом Константиново.

Рязанцы наградили писателей и памятной медалью «Сергей Есенин». Среди награждённых – москвичи Владимир Бояринов и Людмила Щипахина, поэтесса из Балашихи Валентина Коростелёва, амурская поэтесса и драматург Нина Дьякова и Елена Пиетиляйнен из Петрозаводска.

Чествование поэта в таком формате состоялось по инициативе главного редактора журнала «Александръ», секретаря Союза писателей России по общественным проектам Анатолия Трубы.

В завершение мероприятия присутствующие возложили цветы к памятнику поэта.

Александр СЕРГЕЕВ

«АЛЕКСАНДРЪ»
atextib.ru